

Юрий

Поляков

*«Куда влечет нас
рок событий?..»*

Созидательный
реванш

Геометрия любви

Юрий Поляков

Созидательный реванш

«Издательство АСТ»

2015

УДК 821.161.1-92
ББК 84(2Рос=Рус)6

Поляков Ю. М.

Созидательный реванш / Ю. М. Поляков — «Издательство АСТ»,
2015 — (Геометрия любви)

Юрий Поляков не боится предстать перед читателем в развитии. Его ошибки, заблуждения, метания, обольщения, разочарования происходят не от желания приспособиться, прильнуть, «встроиться», а от стремления разобраться в том, «куда влечет нас рок событий?» В сущности, тот путь, который за минувшие тридцать лет проделал молодой «прогрессивный» прозаик, пытавшийся лечить советскую власть с помощью агрессивной правды, прошла и вся думающая часть нашего общества. Мы поняли: если на наручниках выгравировано слово «свобода», они от этого не перестают быть наружниками. Мы все изменились. В настоящий том вошли интервью с 2006 по 2014 г.

УДК 821.161.1-92
ББК 84(2Рос=Рус)6

© Поляков Ю. М., 2015
© Издательство АСТ, 2015

Содержание

2006	6
Интервью поклонника	6
Текила с грибами	9
В России появились писатели, которым не грозит забвение	12
Зависеть от жюри? Зависеть от народа?	14
Замыслил Я...	16
«Я всегда писал о том, что мне не нравилось...»	17
Писатели и ПИПы	18
«Герой в первую очередь должен быть живым...»	19
«Есть виды зла, которые жиреют от публичности»	20
Писатель как геополитик, литература как «белый» кардинал	22
Будь здоров, больной!	22
Без пушкинистов не обойтись	22
Пей, но дело разумей	23
Читатель, ПИП рядом!	25
«За роскошь говорить правду надо платить!»	28
«Я человек советской цивилизации...»	34
Поляков сдал мужиков с потрохами!	38
О кризисе среднего возраста	38
О вреде побегов	39
О верности партии и жене	40
Об институте брака	40
«Нынешнее поколение литераторов думает, что оно упало с неба...»	42
«Яйцами Фаберже Россию не накормишь»	50
2007	54
АнтиСМИтизм не пройдет!	54
Семья – это много людей	62
Поляков – это бренд	66
За что Юрий Поляков прибил бы дочь?	69
«Жизнь отсеивает ложные замыслы»	72
«Букеровская премия нанесла ущерба литературе не меньше, чем КГБ»	79
У каждого свой Октябрь – великий или ужасный	83
2008	89
«Оргия не может длиться всю жизнь!»	89
Мухлеж в эфире	91
На ярмарку и с ярмарки	92
Конец ознакомительного фрагмента.	94

Юрий Поляков
Созидательный реванш
сборник интервью

© Поляков Ю.М

© ООО «Издательство АСТ», 2015

* * *

2006

Интервью поклонника

Когда мы приглашали активных членов Всеавстрийской ассоциации российских соотечественников на встречу с известным русским писателем и главным редактором «Литературной газеты» Юрием Поляковым, Дмитрий Назаров ответил, что он и его жена придут с большим удовольствием, так как являются ярыми поклонниками писателя, имеют все его книги и внимательно следят за его творчеством. Тогда пришла идея – поручить интервью с Юрием Поляковым именно Дмитрию Назарову, который отлично владеет темой. Он с удовольствием согласился.

– Вы дебютировали как поэт, выпустив в тысяча девятьсот восьмидесятом году в издательстве «Молодая гвардия» стихотворный сборник «Время прибытия». Основной же массе читателей вы, в первую очередь, известны как прозаик, автор остро социальных произведений советского периода, таких как «ЧП районного масштаба», горбачевской перестройки – «Апофегей», постперестроечного времени – «Замыслил я побег...» и многих других. Тем удивительнее для меня было прочитать аннотацию издательства «Молодая гвардия» к вашему последнему произведению, в которой вас представляли чуть ли не как автора дамских романов: «произведения писателя объединяет его неизменный пристальный интерес к вечным проблемам изменчивого семейного счастья. Разгадывая загадки супружеских измен, Юрий Поляков завораживает читателя закрученным сюжетом и утонченной эротикой». Насколько вы согласны с подобной оценкой своих произведений?

– Ответ на этот вопрос очень прост: издаваемые книги надо продавать. Те, кто знаком с моим творчеством, следит за книжными новинками и сами сделают вывод о мнимых и реальных достоинствах моих произведений. Других же покупателей издатели привлекают броской рекламой.

– Вы стали прагматиком, а раньше слыли скорее бессребреником, борцом за общечеловеческие либерально-демократические ценности.

– Я бы скорее назвал себя принципиальным человеком. Мне не нравилось многое в советской власти, и я критиковал ее в своих книгах. Но я также был резко против грабительских методов приватизации, приведших к обнищанию народа в девяностых годах.

– Пять лет назад вы стали главным редактором «Литературной газеты». Вы руководите своим коллективом с тех же позиций?

– Конечно. Я постарался подняться над келейными идеологическими течениями и разногласиями и предоставить страницы газеты талантливым авторам разной политической ориентации. Пришлось, конечно, преодолеть определенное сопротивление коллег по редакции. Так, например, однажды ко мне обратился литератор с жалобой на сотрудника, не принимавшего от него статью к юбилею Михаила Шолохова. Я вызвал этого сотрудника, попросил разъяснить ситуацию и в ответ услышал, что публикация каких-либо материалов «об этом сталинском подголоске» возможна только через его труп. Пришлось расстаться, а статья о гениальном писателе была опубликована. В раже идеологических разногласий нельзя вместе с водой выплескивать и ребенка. Вот почему я, например, против сноса памятников в России. Может, кому-то и не стоило ставить памятник, но раз поставили, то пусть стоит. Не надо уподобляться большевикам и подчищать историю!

– Вы могли бы обозначить свою политическую платформу?

– Я консервативный либерал. Мне было больно смотреть на распад СССР, на разво-
ривание России в девяностых годах. Сейчас наступило время консолидации патриотиче-
ских сил и подъема государственности. Однако начавшийся процесс «разолигархивания» Рос-
сии не должен пойти по пути раскулачивания. Но я должен оговориться: политика – не мой
удел. Политикой в чистом виде я занимался только раз и то при курьезных обстоятельствах.
В две тысячи первом году я был доверенным лицом кандидата в президенты России Стани-
слава Говорухина. В разгар предвыборной кампании Говорухин поскользнулся в бане и сломал
несколько ребер. Пока он лечился, мне пришлось самому выступать перед избирателями на
предвыборных митингах и собраниях. Я так увлекся этим делом, что излагал избирателям ско-
рее свою политическую позицию, чем программу зарегистрированного кандидата. Говорухин,
недолечившись, вышел из больницы и набрал на выборах один процент.

– *Юрий Михайлович, вернемся к вашему литературному творчеству. Чем вы сейчас
радуете своих читателей?*

– Недавно вышла моя новая книга «Грибной царь», и пока она бьет все рейтинги продаж.
Это и психологическая драма с настоящим «героем нашего времени», и классический детек-
тив, где тайна раскрывается на самых последних страницах, и история любви, и сатирический
портрет современного общества со всеми его бедами и пороками, спасти от которых может
лишь мифический Грибной царь.

– *Я слышал, что сейчас на экраны российских кинотеатров выходит новый фильм по
одному из лучших, на мой взгляд, ваших произведений – «Парижская любовь Кости Гуман-
кова». Сохранит ли киноверсия сочетание острой социальной критики и искрометной коме-
дии?*

– Я не принимал непосредственного участия в создании фильма, а только дал несколько
рекомендаций. Для актуализации повествование ведется от имени главного героя, воспомина-
ющего в наши дни о своих злоключениях конца восьмидесятых. А в качестве собеседника,
слушающего исповедь Гуманкова, сценаристы выбрали, как вы думаете кого?

– *Даже не представляю.*

– Короче. Бывший неудачник Костя Гуманков становится руководителем крупной
фирмы. Готовясь к взлету с Парижского аэродрома, пилот его личного самолета получает сооб-
щение администрации аэропорта с просьбой взять на борт отставшего от рейса русского писа-
теля.

«Как зовут?» – лениво спрашивает Гуманков.

«Какой-то Поляков».

«А-а, это тот, который писал про комсомол и советскую армию. Ладно, возьмем. Если
бы был журналист, то не взял бы».

Во время полета Поляков и Гуманков разговорились, и Костя поведал печальную исто-
рию своей парижской любви. Узнав, что с тех пор они ни разу не виделись, Поляков посове-
товал ему навестить давнюю пассию.

«Я уверен, вы вылечитесь от своей застарелой хандры, увидев ее – постаревшую...»

Гуманков, вернувшись в Москву, пришел с букетом цветов по адресу своей бывшей воз-
любленной и позвонил в дверь. Камера показывает происходящее в квартире: бывший дирек-
тор ликвидированного НИИ кричит своей жене пьяным голосом: «Открой дверь!» Та отвечает
ему из кухни: «Сам открой, пьяница проклятый!» Гуманков слышит эту перебранку. В итоге
дверь открывают, но за ней никого нет, только на полу лежит букет цветов.

– *Последние традиционные вопросы. Над чем вы работаете сейчас?*

– Новая повесть будет называться «Гипсовый трубач». Помните скульптуру горниста в
пионерлагере? Это пока все, что я могу сказать об этом замысле.

– *Вам понравилось в Вене?*

– О да! Это город, куда хочется возвращаться.

Беседовал Дмитрий НАЗАРОВ «Венский инициаль», № 1, январь 2006 г.

Текила с грибами

Мы встретились с писателем Юрием Поляковым в счастливый момент – только-только у него вышел новый роман «Грибной царь» и сразу занял 1-е место в рейтинге продаж. Значит, читают, значит, любят, несмотря на противоречивые, полярные отзывы о его книгах!

– *Юрий Михайлович, хочу сделать комплимент: выглядите вы отлично, будто нет за плечами «Грибного царя», да и пишется, кажется вам сейчас легко.*

– Хорошие книги всегда писать трудно, и внешний вид здесь ни при чем. Есть графоманы, а выглядят так, будто через пять минут умрут от творческого истощения, но читать их невозможно, так как пишут левой рукой или ногой. Как известно, один из лучших стилистов американской литературы Френсис Скотт Фицджеральд был человеком светским, весьма аванажным. Один из лучших стилистов английской литературы – Оскар Уайльд вообще был денди, эстет. А тончайший Эдгар По чуть ли не бомжевал. Одно с другим не связано. Серьезная литература всегда пишется тяжело, трудно, многовариантно. Бывают, конечно, озарения, особенно у поэтов, но этому предшествует обычно долгая работа над собой.

– *В чем секрет вашей популярности?*

– Действительно, я один из немногих писателей, сохранивших известность с советского периода. Нас мало таких. И объяснение тут вот в чем. Во-первых, я писал только то, что меня по-настоящему волновало. К примеру, судьба молодого человека, попавшего в армию, в которой я сам служил. Так появилась повесть «Сто дней до приказа», хотя отлично знал, что тема закрытая. Меня волновало разложение комсомольского аппарата, так как я был связан с комсомолом, – я написал и об этом – «ЧП районного масштаба», совершенно не думая, напечатаю книгу или нет. Когда советскую власть свергли, и наступила ельцинщина, мне не понравилось, что происходит, я написал и об этом, хотя знал – по головке не погладят. А поскольку я нормальный человек, то потом выясняется: то, что волнует меня, волнует и большинство.

– *И поэтому вас часто обвиняют в конъюнктуре.*

– Естественно, потому что я попадаю в тему. А в тему я попадаю только потому, что специально ее не высчитываю, не думаю – как посмотрят критики, дадут ли Госпремию, не осложнятся ли отношения с властью. Вот первый момент. Второй: я всегда помню, что книгу не только пишут, но и читают. Большинство нынешних писателей – я не беру в счет изготовителей коммерческой книжной продукции – даже талантливые, иногда забывают, что книгу будут читать. И читать ее должно быть интересно, так как занимательность – вежливость писателя. Если же это не интересно, то твоя книга – не художественная литература, а философский трактат, публицистическое эссе. Если ты пишешь художественную литературу, беллетристику, изящную словесность, как говорили, она обязана быть интересной.

– *Мы жили в СССР, теперь – в России, но проблемы, поставленные в ваших книгах, остались, ничего не изменилось, возьмем хотя бы «Сто дней до приказа»...*

– Изменилось, изменилось – в том смысле, что, когда я написал «Сто дней» в восьмидесятом году и напечатал в восемьдесят седьмом, эта вещь рассматривалась на самом высоком уровне, обсуждалась чуть не на Политбюро. Теперь вы можете написать любые разоблачительные материалы об армии – никто и ухом не поведет.

– *Народ хочет отвлечься от забот – его мало что интересует, если только «Дом-2».*

– Конечно, людям всегда надо отвлекаться, но не настолько, чтобы забыть, где они живут, и для чего, и что будет с ними и с их детьми.

– *За пятнадцать лет устали, занялись собой, по-моему, все – и читатель и власть.*

– Есть читатель, и есть власть. Власть сейчас на печатное слово почти не реагирует. Только на то печатное слово реагирует, которое сама и организует. Это неправильно, так как печать, литература – очень тонкая сигнальная система, чувствующая какие-то социальные изменения задолго до того, как они выходят на поверхность. И умный политик будет читать художественную литературу, чтобы понимать, с какой проблемой он столкнется через лет пять-десять. А народ устал, понятно, но это не значит, что его надо оглулять и отключать от решения серьезных проблем. Просто надо с ним нормально разговаривать.

– *Вот и разговаривают – с помощью сериалов, «Пяти вечеров», «Принципа домино».*

– Проблема нынешнего телевидения заключается в том, что им руководят люди, пришедшие в начале девяностых годов. Люди другой эпохи. Эрнст создал антигосударственное телевидение. Когда шел развал государства в девяностые годы, он был востребован.

– *Так он и сегодня востребован, новыми властями!*

– Вот это и удивительно! Вроде бы начался период медленного восстановления государства, а телевидением руководят люди с разрушительной психологией, ничего не изменится. В этом виновата власть.

– *У лучших ваших героев – в душе разлад, они не понимают, как поступить правильно. Ощущается, что и у вас на душе... беспокойно.*

– Задача настоящей литературы – отобразить внутренний мир человека определенного времени, страны, и естественно, что литературу интересуют прежде всего конфликтные ситуации.

– *Но ведь это очень болезненно – пропускать все через себя.*

– И больно, и болезненно. Но что поделаешь? Поэтому я и пишу один роман в четыре года, и одну пьесу в два, а не по четыре романа в год, как некоторые. Да, я переживаю, я переделываю, пишу подолгу. Другое дело, эти романы потом много раз переиздаются, экранизируются, переводятся. Мой роман «Козленок в молоке» выдержал уже двадцать шесть изданий! Я не ожидал такого успеха.

– *Почему так хороши у вас дела с изданием книг и хуже – с телевидением и театром.*

– С ТВ все понятно: картина России, которую предлагаю я, идет вразрез с той, которую предлагает телевидение. Оно делает вид, что нет трагедий миллионов обманутых людей, которых обобрали, сбросили с определенного социального уровня. Я пишу о реальной России. Поэтому вырезаются сцены из фильма «Замыслил я побег», поэтому долго не хотели показывать «Козленка в молоке» – спасибо Олегу Попцову и ТВЦ. Ведь в «Козленке» мы смеемся над тем, перед чем сегодня ТВ стоит на задних лапках. Спектакль «Хомо эректус» – отдельная история: там идет речь о конфликте, который стараются умолчать – между тем, кто обворовал, и кого обворовали.

– *В результате, оказывается, плохо всем.*

– Человек, обворовавший других, в конечном счете, обворовывает сам себя – если не в материальном, то в моральном смысле. И рано или поздно наступает расплата. Если не для него, то для его детей. Моя проблема связана с тем, что я реалист. И пишу о реальной жизни, реальных конфликтах, поэтому я всегда вхожу в противоречие, как с коммунистической идеологией, так и с либеральной. Когда император Николай Павлович посмотрел «Ревизора», то сказал: «Здесь всем досталось, а мне больше всех». Сатира и должна быть такой, чтобы всем досталось. Другое дело, что наши государи не ходят в театры. А если ходят, то на разную ерунду!

– *Вы человек общающийся с властью, вы видите какое-то движение вперед?*

– Весь ельцинский период я был в глубочайшей оппозиции и понимал, что с этой властью, с этим президентом никогда сотрудничать не буду. Когда появился Путин, я увидел, что он начал медленно, задним ходом, отводить государственную машину от пропасти, и понял, что

надо помогать. Но я-то думал, это движение будет набирать обороты, силу... К сожалению, оно начало «затухать», и это меня беспокоит.

– *И что еще беспокоит?*

– Многое. Первую главку статьи «Зачем вы, мастера культуры?» я назвал «Молчание «кремлят». Ведь за все предшествующие годы в посланиях президента не было сказано ни слова о культуре. В новом романе «Грибной царь» есть сатира на власть, на ее недееспособность, на ее игры в политехнологии... В жизни, по отношению с людьми – я человек толерантный, всегда найду компромисс и никогда не полезу на рожон... Худой мир лучше доброй ссоры. Но как только сажусь писать, для меня абсолютно перестают существовать внешние условия: кто что скажет, кто что подумает.

– *И как реагирует жена на обилие эротических сцен?*

– Когда пишу, ощущаю себя неженатым человеком, так как любая, даже самая толерантная жена, всегда читает сочинения мужа-писателя как вещественное доказательство его внебрачной жизни. Если об этом думать, то ничего хорошего не выйдет. Я знаю неплохих писателей, у которых никогда не получались любовные сюжеты, только из-за того, что они боялись огорчить любимых жен. В результате огорчали читателя и обеднили собственное творчество.

– *Что сейчас может сделать писатель, вы, в президентском совете?*

– Прежде всего, привлечь внимание власти к каким-то проблемам. Наша власть в вопросах культуры мало понимает. Например, мы обратили внимание на то безобразие, которое творится с Госпремиями. Недавно ее дали слабенькому писателю, который занимался квартирным риелторством и помог нескольким членам комиссии удачно продать и купить квартиры. Об этом написала «Литературная газета», и сейчас статус и порядок присуждения премий меняется. Моя задача в совете добиться от власти равноценного отношения ко всем направлениям культуры. Начиная с девяносто первого года, у нас существовал перекос в сторону либерализма и эксперимента. Государство должно быть равноудалено от всех направлений культуры. И не должно быть так: он хороший писатель, но консерватор, и мы ему премии не дадим. А ведь было! Пятнадцать лет так было...

– *Как вы отдыхаете, приходите в себя?*

– Я живу в Переделкино и зимой хожу на беговых лыжах. У меня прямо за калиткой начинается лес, и я не меньше трех-четырёх раз в неделю хожу на лыжах. Летом я практически каждый день гуляю с собакой по лесу, час-два. Очень хорошо меня расслабляет и приводит в хорошее самочувствие сбор грибов. И опыт грибника я частично использовал в моем последнем романе. Люблю слушать классическую музыку. Если же все это не расслабляет, приходится прибегать к более сильнодействующим средствам. К текиле, например.

Беседовал Игорь ГАВРИКОВ «Лица», февраль 2006 г.

В России появились писатели, которым не грозит забвение

23 апреля – символическая для мировой литературы дата: в этот день в 1616 г. умерли Сервантес, Шекспир и Инка Гарсиласо де ла Вега. Это также день рождения или смерти таких известных авторов, как Морис Дрюон, Х. Лакснесс, Владимир Набоков, Дж. Пла и Мануэль Мехиа Вальехо. Немудрено, что в 1995 г. в Париже Генеральная конференция ЮНЕСКО решила отдать дань уважения книгам и авторам, призывая всех, и особенно молодежь, находить удовольствие в чтении и уважать вклад тех, кто содействовал культурному прогрессу человечества. Поэтому был учрежден Всемирный день книг и авторского права. О том, как этот праздник отмечается в России, о перспективах развития литературы в нашей стране и о проблемах, с которыми сталкиваются литераторы, корреспондент «Утра» поговорил с известным российским писателем – прозаиком, публицистом, сценаристом – Юрием Поляковым.

– Юрий, Всемирный день книг отмечается вот уже одиннадцатый год. Но в России об этом празднике знают немногие. Как вы считаете, почему? С чем это связано?

– Это связано, прежде всего, с тем, что наше телевидение за исключением, пожалуй, канала «Культура» объявило бойкот настоящей книге. И пока эта ситуация не изменится, мы будем знать все о карнавалах геев и лесбиянок, фестивалях нудистов, праздниках русской водки, но ничего о Всемирном Дне книги. Заметьте, писатель как персонаж эфира фактически исчез, о жизни рассуждают в основном люди, которые, наверное, не прочитали в жизни ни одной серьезной книги.

– Как этот праздник в России отмечается, если он вообще как-нибудь отмечается?

– Насколько я знаю, этот праздник отмечается в библиотеках. Я сам принимал участие однажды в торжестве, посвященном Дню книги. Но все это локально, а должно быть в общенациональном масштабе. Ведь отчуждение от серьезной книги – путь к варварству.

– Принято у нас на Восьмое марта говорить о женщинах, на Двадцать третье февраля – о мужчинах, в День космонавтики – о Юрии Гагарине и о космосе. Давайте и мы не будем отходить от этих традиций, и в День книги поговорим о проблемах в области литературы. А их у нас, к сожалению, предостаточно. Не читает у нас молодежь серьезную литературу. В вагоне метро из тридцати читающих книги – двадцать восемь читают Донцову и лишь двое – учебники. Это не может не огорчать. Как вы считаете, с чем это связано? Почему у нас люди предпочитают так называемый «иронический детектив» и прочее «бульварное чтиво»?

– Это происходит потому, что у нас широко рекламируется только книжная продукция, а не литература. Только ПИПы (персонифицированные издательские проекты), а не писатели. Существует непонимание того, что книжный бизнес – дело особенное. Это как в фармакологии: лекарство должно продаваться и приносить прибыль, но оно должно при этом помогать человеку, а не вредить. Что касается иронических детективов, никакие это не иронические, а дурашливые детективы, ибо ирония предполагает ум, глубину, тонкость, а дурашливость – в наличии у любого глупца. Вот и появился вал книг, которые делают людей не умнее, а глупее. Кто-то, конечно, на этом зарабатывает, так как тянуть человека вниз легче, чем тянуть вверх. Но нация, в целом, от этого проигрывает.

– Кого сегодня можно назвать «модным автором»? Можно ли «модного автора» Оксану Робски считать литератором, писателем?

– Модные авторы появляются каждый месяц, и каждый месяц исчезают, а на хорошего писателя мода длится годами, десятилетиями и даже столетиями. Оксана Робски, по-моему, человек способный. В ее сочинениях есть жизненная наблюдательность и некоторые другие признаки литературы. Но литературы пока нет. Станет ли она писателем в полном смысле этого слова зависит от многого, и прежде всего, от самой Робски. Денежкина вот не стала...

– *Хочется верить, что в российской литературе не все так грустно и нам имеет смысл ждать хорошие и качественные романы. Научите, что делать молодым авторам, которые написали свой первый роман. Эту книжку уже прочла и восхитилась мама юного гения и теперь он уверен, что его шедевр должен стать достоянием общественности. Куда ему идти? С чего начать свой «звездный путь» писателя?*

– Если написано первое сочинение, надо обязательно показать его специалистам – писателям. Мамы и знакомые тут не авторитет. Диагноз, как и при болезни, ставит специалист, лучше всего обратиться в литературное объединение. Если же такого поблизости нет, то в местную писательскую организацию. И не обижаться, если скажут, что написанное никуда не годится.

– *Понятно, что путь у молодого писателя будет не только «звездным», но и «тернистым». С какими проблемами сталкиваются литераторы в России? Давайте попробуем «подстелить им соломки»?*

– Таких проблем много, особенно у начинающих. Прежде всего, не так просто заинтересовать своим сочинением издателей. Поток рукописей большой, часто в этой графоманской реке тонут стоящие рукописи. Я бы советовал, в таком случае, пробиться к серьезному писателю, которого молодой автор любит, уважает и попросить рекомендательное письмо. Уверяю, если вы талантливый (а для этого достаточно прочесть одну главу или несколько стихотворений), мэтр в поддержке никогда не откажет. Литературный талант такая же редкость, как безукоризненная женская красота. Далее – начинающему автору издатели норовят заплатить по минимуму. Поначалу в тактических целях с этим можно примириться. Но потом, когда придет первый успех, нужно добиваться достойной оплаты своего труда. Поэтому не мешает обзавестись опытным литагентом, но не таким, что надувает автора сообщая с издателем. И последнее: никогда не надейтесь на критиков, они болезненно завистливы и злобно необъективны. Ведь почти каждый критик – несостоявшийся поэт, прозаик, драматург. Из-за разгромной статьи критика не стоит пить не только валерьянку, но даже и водку, а все остальное зависит от таланта, трудолюбия и удачливости...

– *Есть ли у российской литературы перспективы развития? Как Вы считаете, уже родились новые пушкины, лермонтовы, толстые, Достоевские или нам не имеет смысла ждать гениальных авторов, чьими произведениями зачитывались бы из века в век?*

– Вполне возможно, что новые гении уже не только родились, но и делают первые шаги в литературе. Тот колоссальный слом, который произошел в России в девяностых годах, не может не вызвать к жизни крупных мастеров слова. Впрочем, и среди тех, чьи книги читают сейчас, есть по крайней мере несколько писателей, которым не грозит забвение.

«Утро. ru», апрель 2006

Зависеть от жюри? Зависеть от народа?

Писатель и драматург Юрий Поляков побывал в Тамбове не только для того, чтобы порадоваться за свою комедию «Хомо эректус», поставленную московским режиссером Кириллом Панченко на сцене Тамбовского театра драмы...

– Юрий Михайлович, как вы оцениваете тамбовский вариант вашей комедии, которая уже прошла обкатку в Московском театре сатиры?

– Во-первых, я рад, что тамбовский театр остановился на моей пьесе. В Москве можно поставить что угодно, но когда твоя пьеса идет в провинции, то это уже признание. Во-вторых, тамбовская постановка «Хомо эректус» мне понравилась, говорю это без всяких скидок на провинцию. Стильное оформление, оригинальное режиссерское прочтение. Еще ни один театр, поставивший мою пьесу, в накладе не остался. Думаю, что и в Тамбове зритель пойдет на спектакль...

– О том, что сегодня государство не обращает внимания на культуру, говорят и столичные режиссеры, и заведующие сельскими клубами. Обмолвились об этом и вы, заметив, что в советские времена положение было лучше. Но ведь тех же совписов тогда просто выстраивали в очередь: одних на получение сталинских и прочих премий, других – за «путевками» в Магадан. И сажали за слово не только в сталинские времена, но и в брежневские. В «золотом веке» русской литературы писатели если и «строились», то по своей воле, а цензура была гораздо либеральнее советской, и ни о каких-то грантах они не помышляли. Лишь собрание сочинений Пушкина посмертно было издано за счет казны, да еще Гоголь получал ежегодный «грант» к Рождеству от государя императора по двадцать тысяч рублей... В каком виде вам представляется взаимодействие государства и культуры в наше время?

– Представление о независимости писателей девятнадцатого века несколько преувеличено. Деятели культуры в той или иной степени были зависимы во все времена. В девятнадцатом веке писатели группировались вокруг журналов, причем так называемые прогрессисты находились в гораздо лучшем положении, чем, скажем, монархисты. Например, известный поэт-демократ Курочкин жил намного лучше, чем Достоевский. При советской власти писателей в очередь никто не выстраивал, они становились в нее сами, если, конечно, не ссорились с властью до смерти. Сегодня литературным трудом жить практически невозможно, и зависимость писателя ничуть не меньше, чем при советской власти. Нынешний литератор зависит от жюри различных конкурсов, от грантов. В писательском сообществе наблюдается жесткое идейное противостояние: с одной стороны патриоты, с другой – либералы. А премии достаточно внушительные, и они становятся основным источником существования, ибо тиражи серьезных романов не превышают 5 тысяч экземпляров. Что касается взаимодействия культуры с властью, то власть, прежде всего ее среднее звено, просто не понимает, что такое культура. Вот что, например, написали чиновники, присутствовавшие на форуме, посвященном формированию единого культурного евразийского пространства. Нет, вы только послушайте... «Цель форума: формирование цивилизованного рынка обмена гуманитарными услугами». А мы-то полагали, что культура – это форма существования нации. И пока культура будет восприниматься как «рынок гуманитарных услуг», ничего хорошего из этого не выйдет...

– В своей программной статье «Зачем вы, мастера культуры?» вы говорите о губернской литературе. Книги в провинции действительно выходят, причем на высоком полиграфическом уровне. Но их художественный уровень за редким исключением вызывает оторопь. Талантливые авторы в провинции есть, но, как сказал поэт, бездарности пробиваются сами,

«экономя» при этом на редакторах и корректорах. В основном они ходят по местным «олигархам» и вытраивают деньги на издания своей «нетленки». Что делать с этим явлением?

– Эта проблема непростая. Чтобы в ней разобраться, надо вспомнить о том, что прежде Союз писателей выполнял не только организационно-хозяйственные, фискальные функции, но и экспертные. И как бы мы ни относились к Союзу советских писателей, следует признать, что даже среди литературных «генералов» были если не гениальные, то крупные писатели. Тот же Михалков, Проскурин, Алексин, Марков... Они обладали достаточно высокой профессиональной подготовкой. Кроме этого, проходили совещания молодых писателей, существовали редакционные советы, которые помимо идеологического контроля осуществляли еще и профессиональный отбор. Да, молодому писателю трудно было издать первую книгу, но если она выходила, то это была качественная книга. Что касается идеологии, то она навязывалась, и писатели ее постоянно преодолевали посредством художественности. Сегодня, к сожалению, художественность ушла на второй план, главным стало то, к какому идеологическому лагерю писатель принадлежит. Идеологию не навязывают, наоборот, писатели жадно к ней припадают. Разрушено единое пространство, в котором было место и Битову, и Белову, и Искандеру. Хотя и в то время существовали западники и почвенники... И графоманская литература была всегда, но все понимали, кто есть кто. Сегодня необходимо объединение писателей в гильдию, которая защищала бы их профессиональные интересы, права на интеллектуальную собственность. Но главное – нет закона о творческой деятельности, она рассматривается как один из видов индивидуальной трудовой деятельности. Особенно это важно для провинциальных литераторов, в чем я убедился в ходе встречи с тамбовскими писателями.

– Кстати, о советской идеологии. Ваша повесть «ЧП районного масштаба», особенно после ее экранизации, стала событием. Как ей удалось обойти тогдашние «рогатки и препоны» цензуры?

– До этого, в восьмидесятом году, я написал повесть «Сто дней до приказа», мне ее отовсюду вернули. А «ЧП» я написал годом позже, отнес ее в журнал «Юность», там ее вроде приняли, но оттуда повесть попала в ЦК и там ее «зарубили». И вдруг в восемьдесят четвертом году выходит постановление ЦК партии о совершенствовании деятельности комсомола. А тогда было принято любое серьезное постановление каким-то образом художественно подкреплять. Обратились в журнал: нет ли у вас чего-нибудь критического о комсомоле? Нет, говорят... Есть, правда, повесть Полякова, но вы же сами ее запретили... А давайте, предлагают в ЦК, мы ее еще раз посмотрим, так сказать, в свете новых исторических решений. Посмотрели и сказали: а что, все правильно, давайте печатать. Позже повесть поставили в первый ряд перестроечной литературы, хотя в свет она вышла еще при Черненко...

– А что сегодня на рабочем столе писателя Полякова?

– Новый роман. Правда, если учесть, что я пишу долго, читатели смогут прочитать его в лучшем случае через год...

Беседовал Евгений ПИСАРЕВ «Российская газета – Черноземье», 18 мая 2006 г.

Замыслил Я...

Свою задачу замечательный писатель и публицист видит в возвращении интеллигенции из режима духовной гражданской войны в режим диалога. Представлять сегодняшнего гостя, пожалуй, излишне. Достаточно только сказать о нем как об авторе таких произведений, как «ЧП районного масштаба» и «100 дней до приказа»... После этого у него вышло множество других произведений: «Апофегей», «Парижская любовь», «Демгородок», «Козленок в молоке», «Небо падших», «Замыслил я побег»... Кроме того, на протяжении последних 5 лет этот человек является главным редактором «Литературной газеты», вернув ей за это время почти былую славу и тиражи. Да, у нас в гостях Юрий Михайлович Поляков.

«Литературка» – трибуна для всех направлений. И первый вопрос, с которого мы начали нашу беседу, касался его работы в качестве редактора:

– *Юрий Михайлович, так любимая многими «Литературка» была в очень серьезном кризисе, когда вы ее возглавили. Это был кризис идейный или журналистский?*

– Прежде всего, это был идейный кризис. С конца восьмидесятых она теряла тираж исключительно из-за того, что стала... моноидеологичной. Надо ли объяснять, что этой моноидеологией был либерализм, мягко скажем, не самое популярное в нашем Отечестве течение мысли. И когда я пришел, то решение было однозначным: «ЛГ» будет такой, какой была в лучшие времена: какой она была задумана Пушкиным, какой хотел ее видеть Горький, какой ее сделал вопреки цензуре Чаковский. То есть это будет газета, открытая всем направлениям мысли, которые бытуют в обществе.

– *Для кого ваша газета?*

– Наша газета сориентирована на российскую интеллигенцию: и в смысле читателей, и в смысле авторов. Главная наша задача – это возвращение интеллигенции, особенно творческой и научной, из режима духовной гражданской войны в режим диалога. Потому что те глобальные задачи, которые перед нами стоят, при таком расколе в интеллигенции не могут быть решены. Кстати, ТВ этот раскол старательно углубляет...

– *Значит, пришли вы в «Литературку», чтобы...*

– ...Если прямо, пришел я исключительно по идейным соображениям, понимая, что в заговоре молчания вокруг всех других направлений отечественной мысли и культуры, либерально-экспериментальных, надо пробивать брешь...

– *Получилось?..*

– Да. Более того, сейчас мы достаточно серьезно влияем на то же телевидение. Когда мы, например, устроили скандал из-за того, что телевидение «замолчало» смерть великого русского поэта Юрия Кузнецова, им там серьезно «нахлобучили...» И с тех пор они себе уже такого не позволяли. А то ведь привыкли: помер Вадим Кожинов – да наплевать, не наш ведь. Таким образом, появилась трибуна, с которой можно обращать внимание общества и власти на некорректность и перекосы, на необъективность вбрасываемой информации... Многим не понравилось.

– *А вы надеялись, что сбудется то, что задумывали?*

– А почему нет? К тому времени я успел побывать колумнистом в «Труде», «Собеседнике», «МК», и мои колонки были самыми рейтинговыми. Д. Быков до сих пор не может мне простить, что мои публикации в «Собеседнике», где он был штатным сотрудником, читателей интересовали больше, чем его. Это косвенно свидетельствует о том, что моя позиция, мое видение проблем более соответствует взглядам всего общества. А раз так, значит, рассуждал я, если

газету развернуть в соответствии с моими взглядами, есть шанс вернуть ей читательское внимание. Так оно, собственно, и произошло. Но конечно, с помощью коллектива «ЛГ», где трудились журналисты разных поколений и убеждений. Кстати, я убежден: в газете должны работать люди, исповедующие различные взгляды, тогда издание станет полифоничным и заинтересует читателя. Газета, набитая упертыми единомышленниками, обречена на упадок...

«Я всегда писал о том, что мне не нравилось...»

– *У вас репутация такого «последовательного фрондера»: в свое время вы взбудоражили всех «ЧП районного масштаба», потом вы стали последовательным борцом с нашим отечественным либерализмом... Как сейчас вы смотрите на то, что произошло со страной, и уютно ли вам живется в путинское время?*

– Я бы не сказал, что я был фрондером. Я просто всегда был верен традициям великой классической литературы и писал прежде всего о том, что мне в окружающей жизни не нравится. Тем более что Бог меня наградил сатирическим мировидением, а от сатирика трудно требовать, чтобы он кого-то славил... А в путинское время мне живется гораздо лучше, нежели в ельцинское, как и всякому нормальному человеку.

– *Политическая оппозиция не пыталась вас к себе приблизить?*

– Я участвовал в некоторых политических движениях. Например, в движении «За новый социализм», которое возглавляет Ю.В. Петров – первый из руководителей президентской администрации. Он ушел от Ельцина, когда понял: тому нужна только власть, пусть даже ценой гибели страны. Потом у меня был «роман» с «Единой Россией», которую я воспринял как долгожданную партию государственных интересов. Но при хорошей идее у них, по-моему, серьезная проблема с кадрами. Я очень сильно разочаровался, когда обнаружил, что председателем комитета по печати и коммуникациям стал телеведущий Комиссаров. Разве можно делать такие назначения, не посоветовавшись с профессионалами? А если вернуться к Путину... Вспомните, в каком положении была страна в 2000 году! Я сам пришел буквально на руины «ЛГ» и знаю, сколько сил ушло на то, чтобы сделать ее более или менее живым организмом. А ведь что такое «Литературная газета»? 50 сотрудников, одно здание... А теперь представьте себе: страна человеку досталась в таких же руинах, если еще не круче... И как это все сразу сделать? Одна из самых основных сегодня проблем у нас, на мой взгляд, – это отсутствие адекватного самоощущения, отсутствие нормальной государственной идеологии, отсутствие позитивной картины собственной истории и всего остального. Это все было старательно разрушено. Был подсунут народу черный миф о стране. Посмотрите, каких фильмов понасняли к 60-летию Победы! Такое самооплевывание невозможно даже в самых раздемократических странах! Увы, наша гуманитарная интеллигенция, допущенная в информационное пространство, страдает острой формой коллаборационизма. Возможно, именно с этим связан тот факт, что Путин во всех своих серьезных обращениях и посланиях постоянно обходит тему культуры. У меня даже статья «Зачем вы, мастера культуры?» начиналась так: «Вы будете смеяться, но в «Послании Президента Федеральному собранию» снова нет ни слова о культуре». Я думаю, это не от недопонимания, а как раз от понимания того, что в этой сфере настолько все тяжело, что прежде, чем что-то сказать, надо понять, что с этим делать! Потому что, на мой взгляд, даже деторождение в стране проще поднять, чем переориентировать нашу творческую интеллигенцию с саморазрушительной идеологии на нормальную, созидательную.

– *Это, наверное, хроническое...*

– Да, это всегда было, помните у Розанова: у одних «дорогая Германия», у других «любимая Франция», а у нас – «проклятая Россия». Это всегда было, но были и те, кто стоял на охранительных позициях. В чем, например, был смысл славянофильства? В укреплении национального государства, в обращении к русским корням, которые старательно искоренялись «жадной

толпой, стоящую у трона» и состоящей по преимуществу из немцев, поляков и «разных прочих шведов»...

Писатели и ПИПы

– Если обратиться к вашей писательской деятельности, то складывается впечатление, что популярность ваша несколько волнообразна. Всплеск популярности в восьмидесятых, потом некоторое затишье, сейчас снова ваши книги являются одними из самых рейтинговых. С чем это, на ваш взгляд, связано?

– Волнообразность – природная закономерность. И писательский труд тут не исключение. Но совсем уж провального времени у меня не было... Даже в самые тяжелые для нормальной литературы годы (например, в начале девяностых, когда людям было не до чтения – выжить бы!), у меня очень неплохо разошлись сборник «Сто дней до приказа» и новая повесть «Демгородок»... Конечно, в те годы я со своими взглядами оказался в определенной информационной блокаде, и о моих новых книгах просто неоткуда было узнать. «Литературка», после моей антиельцинской статьи «Оппозиция умерла. Да здравствует оппозиция!», вообще не упоминала моего имени. Для «Нового мира» я был слишком национален. Для «Нашего современника» не достаточно национален. Кроме того, у моих издателей оказалась не очень хорошая система распространения, и мои книги расходились в основном в Москве и Питере, а до регионов они, как правило, не доходили. Иной раз на читательской конференции где-нибудь в Пензе меня спрашивали: «Почему вы после девяносто первого не выпустили ни одной книги? Вас не печатают?» Сейчас, конечно, издатели другие и ситуация другая. Сказалось и то, что читатель уже перенасытился развлекательной литературой, тем, что я называю «ПИПовская книжная продукция». ПИП – это персонифицированный издательский проект. Есть серьезная литература, которая развивает язык, двигает жанр, занимается социально-нравственным анализом, является своего рода сейсмографом политической жизни... А ПИПы – это просто словесный продукт, заключенный в яркую обложку, это доходная профессия, но она к литературе не имеет никакого отношения. Точно так же, как кроссворд...

– А как вы относитесь к Акунину?

– Акунин – это приличный вариант «ПИПа»: образованный человек, японист, пишет простым, небогатым, но достаточно грамотным языком. Но не более того. Чтобы понять коммерческую природу его «исторических» детективов, достаточно сравнить его с настоящим историческим писателем, скажем, с Пиккулем. С помощью таких, как Акунин, у нас идет продуманное и абсолютно спланированное вытеснение из общественного сознания настоящих писателей «ПИПами». Ведь «ПИП» политически безвреден. Вы слышали от Акунина, чтобы он хоть раз дал какой-то комментарий к политической жизни страны, к каким-то экономическим процессам, культурным событиям? Никогда! Он будет говорить про своего Фандорина, еще про что-то, про то, какая у него трава на лужайке перед домом, куда он с женой съездил отдохнуть... Но только не о главном. Главная задача писателя и литературы, как ее всегда понимали в России, – будить мысль и совесть современников, противостоять власти, попирающей маленького человека. Акунину это не важно. Зато в день его пятидесятилетия чуть ли не все центральные газеты вышли с его портретом на первой полосе! Во время недавнего юбилея Солженицына вы много видели его портретов на первой полосе? Я не видел. Умер Розов. Вообще не заметили. Было 175-летие великого Лескова. Замолчали... А пятидесятилетие Акунина – это большое событие! Случайно? Конечно, нет! Ибо Акунин – это... такой Демьян Бедный нашего времени. А Демьян, между прочим, в двадцатые годы жил в Кремле, пока Сталин его оттуда не выпер. Так вот, задача «ЛГ» – напоминать о том, кто есть кто на самом деле. Мы пытаемся вернуть нормальную картину литературного процесса, нормальную творческую иерархию в сознание по крайней мере преподавателей-филологов. Потому что уже у многих поехала крыша.

Ведь если в телевизоре козодоем кричит Пригов – то вроде как он и есть главный сегодня поэт. Давайте его анализировать. А что там анализировать-то? Как, собственно, нечего анализировать у Акунина. Ведь в чем отличие писателя от ПИПа? Писатель, даже самый плохонький, он все равно пытается разобраться в мире и в себе. Это его задача. А потом он уже думает про гонорар и проч. А ПИП сразу думает о том, что книга должна продаться и принести доход.

«Герой в первую очередь должен быть живым...»

– *Ваши главные герои... Кто они для вас? Как вы их выстраиваете?*

– Понимаете, в жизни ведь нет литературных героев – положительных или отрицательных. В жизни – просто люди. Я хоть и гротескный, но реалист, и я считаю, что литературный герой должен быть в первую очередь живым, ощущаться читателем как полноценная личность. Потому-то у меня не бывает чисто положительных, или чисто отрицательных персонажей. Все как в жизни...

– *Как вы относитесь к экранизации своих произведений?*

– Я считаю, что экранизация – это неуправляемый процесс, как землетрясение. И все попытки вмешаться в создание фильма ни к чему не приводят... Мой опыт (а у меня почти все экранизировано) подсказывает: бесполезно. Поэтому надо просто довериться Судьбе и ждать, что получится. Вообще, каждая постановка «по мотивам» или экранизация – это новое прочтение текста. Мало того, что произведение переводится из одной знаковой системы в другую, так это еще делается режиссером, человеком с другим опытом, мировоззрением, эстетическими принципами... Надо ли удивляться тому, что потом, на премьере, глядишь кино и не узнаешь самого себя. Главное, что может сделать для писателя экранизация, – это заставить того, кто еще тебя не читал, прочитать, а того, кто читал когда-то, – перечитать... Это не мало!

– *Юрий Михайлович, а как строятся ваши отношения с читателями?*

– Я часто встречаюсь со своими читателями, много писем приходит. Вот недавно пришло письмо от одной дамы с благодарностью за бережное отношение к природе (после прочтения «Грибного царя»), за то, что я знаю названия трав, грибов и т. д. «Но, – посоветовала она, – все-таки не следует называть «стрижами» ласточек-береговушек...» Я сразу же сел и исправил – у меня как раз корректура была под рукой... И очень ей даже благодарен...

*Беседовали Г. НАУМОВ, С. ДУДКОВА и Г. ПОПОВ
«Вечерний Волгоград», 26 мая 2006 г.*

«Есть виды зла, которые жиреют от публичности»

Недавно гостем Клуба читателей «Книжный двор» был писатель, публицист, главный редактор «Литературной газеты» Юрий ПОЛЯКОВ. Автор «ЧП районного масштаба», «Сто дней до приказа», «Апофегей», «Козленок в молоке» и других популярных произведений представил в Казани свой новый остросюжетный роман «Грибной царь».

– Меня, как всякого человека, воспитанного на идее неотвратимости прогресса и торжества добра, смолоду согревала мысль, что вот если я честно напишу о проблемах, недостатках, язвах, то они, не выдержав света правды, исчезнут, испепелятся... Но оказалось, есть виды зла, которые от гласности и публичности только жиреют. Это открытие я сделал уже в постсоветскую эпоху. И бороться с этим злом нужно не гласностью, а совершенно другими, жесткими мерами – если не замалчивая, то хотя бы не раздувая это зло...

– *Вы член Совета при Президенте РФ по культуре и искусству, интересно, как и что вы советуете президенту?*

– Знаете, напрямую посоветовать что-то президенту пока лично мне не удалось. Дело в том, что я член этого Совета уже третий год, но президент с нами пока ни разу не встретился. В этом я вижу какой-то удручающий знак. Если вы заметили, за все минувшие годы в посланиях Владимира Путина Федеральному Собранию ни разу не шла речь о культуре, даже слово такое «культура» не употреблялось. И напрасно. Вот недавно принято решение о финансовой поддержке материнства и детства. Очень правильно. Но проблему падения рождаемости не решить только деньгами, потому что это не только материальная проблема. Грубо говоря, агитация за многодетность должна стать предметом культурных акций. Должны появиться фильмы, книги, где главный герой многодетен, чадолюбив, заботлив, а не просто как мотылек порхает по дамам без всякой ответственности. Должна создаваться атмосфера гордости за то, что у тебя большая, дружная семья. А кто это будет делать? Депутаты? Нет, деятели культуры. А кто-нибудь к ним с этим обратился? Никто. От предписаний детей не бывает. От запретов на аборт – бывают. Но это другая тема...

– *Вы считаете, что фильмы и книги могут реально повлиять на решение каких-то проблем?*

– Настоящие книги и фильмы – да. И влияли, достаточно вспомнить нашу давнюю и недавнюю историю. Но дело в том, что за последние пятнадцать лет власть приучилась манипулировать сознанием, а не воспитывать общество. Это легче и дешевле, но очень ненадежно... Большую роль в манипуляциях играют ПИПы – персонифицированные издательские проекты. Это те, кто делает книжную продукцию. Разница между писателем и «пилом» видовая, принципиальная. Я не против коммерческой литературы. Она существовала всегда – во времена Шекспира, Пушкина, Булгакова, но никогда не подменяла подлинное творчество. А сейчас подменяет. Ну нельзя юбилей Акунина, одного из самых терпимых «пилов», отмечать шире, чем юбилей Солженицына или Лескова. От таких подмен в социуме случаются необратимые духовные мутации, которые еще неизвестно, какими монстрами обернутся...

– *Ваш новый роман «Грибной царь» – литература серьезная, но по проданному тиражу он опережает многие коммерческие литературные проекты...*

– Почему «но»? Я этого ожидал. В России серьезная художественная литература всегда хорошо расходилась. А «Грибной царь» – это попытка вникнуть во внутренний мир современного преуспевающего мужчины. Женской литературы у нас сколько угодно, а вот мужской почему-то мало. А ведь всем интересно разобраться, что же происходит в душе мужчины, в его сознании и подсознании не только, когда он бросается на ДОТ, а и когда он бросает некогда

любимую женщину... Или она от него уходит к другому. Оказалось, это интересно не только мужчинам, но и женщинам. Одна дама принесла мне огромный букет цветов и вышитую своими руками салфеточку и весело так заявила: «Спасибо, теперь я все узнала о своем мерзавце! Главное знаю теперь, о чем он думает, когда молчит!» А один мой знакомый – крупный чиновник, сказал с улыбкой: «Я книгу прочитал и спрятал от жены. Ей этого знать не надо!» «Смех смехом, но доля истины в этом есть.

Беседовала Ольга ИВАНЫЧЕВА «Казанские ведомости», 7 июня 2006 г.

Писатель как геополитик, литература как «белый» кардинал

Юрий Поляков, известный писатель, острый публицист и главный редактор «Литературной газеты» приехал в Ригу в составе делегации международного медиа-фестиваля «Открытый город – Москва». На циферблате его часов, как разглядел ваш корреспондент, – двуглавый орел. Мы начали разговор с популярной сейчас идеи русского мира, объединяющего Россию и зарубежную диаспору.

Будь здоров, больной!

– *Что может служить основой такого объединения?*

– В первую очередь русский язык. Это ведь не просто язык, а код мышления. Люди, которые думают, говорят и читают по-русски, принадлежат к одному сообществу, независимо от того, какая кровь течет у них в жилах. Существует такое явление, как русская цивилизация. Если человек читает русские книги, он носитель этой цивилизации, мыслит ее категориями, он обуян ее архетипами, где бы он ни жил. Такое русское единство существует де-факто. Хорошо бы теперь его осмыслить и организовать де-юре. Что собственно сейчас и происходит. Прежде всего, это связано с постепенным выходом России из затяжного исторического кризиса и возвращением ее к своим прямым геополитическим обязанностям. Больной вышел на работу – и завертелось.

– *В России ищут национальную идею. Как вы думаете – найдут? И что произойдет потом – кто-то получит премию, запишут идею в школьные учебники...*

– ...устроят музей, портрет повесят – открыватель национальной идеи такой-то, сумма прописью! Нет, конечно, этого не будет. Я тоже предложил свою версию национальной идеи – три «Д»: духовность, державность, достаток. Для особо озабоченных четвертое «Д» – демократия. На самом деле эти поиски означают, что страна пытается самоидентифицироваться в новых исторических условиях. Кто она теперь – один из мировых лидеров или региональный лидер? Государство, продолжающее имперские традиции или стремящееся к тому, чтобы стать унитарным – как Турция? Будет ли Россия продолжать исполнять свои функции естественного связующего звена между европейской цивилизацией и азиатской, или же она плюнет и прижмется или к той или к другой? Эти вопросы не могут быть решены в одночасье.

На мой взгляд непрофессионала и не политолога (хотя я мало встречал людей непрофессиональнее, чем современные политологи! Это какой-то массовый, клонированный Остап Бендер!) – ни один народ, ни один суперэтнос никогда еще не смог уклониться от своей исторической миссии, которая ему дана свыше. Вроде бы все было сделано, чтобы Россия с этой орбиты сошла. И военно-промышленный комплекс поломали, и патриотизм кошачьим чувством обозвали, и утечку мозгов организовали, всех исторических попутчиков отпустили и еще пирогов с собой надавали. Ешь суверенитет – не хочу. Но прошло пятнадцать лет, и все возвращается на круги своя. Я это предсказывал заранее. Не друзьям на кухне, а в статьях. Надо властям предержащим почаще слушать не политологов, а писателей.

Без пушкинистов не обойтись

– *Писатель в России всегда был больше чем писатель. Сохранился ли у него этот общественный статус?*

– С точки зрения законодательства у писателя в новой России до сих пор нет никакого статуса. И у нас деятельность любого человека, занимающегося творчеством, приравнена к деятельности какого-нибудь мелкого бизнесмена, биржевого спекулянта и так далее. А писательский союз юридически ничем не отличается от общества покровителей морских свинок. Но это не мешает писателю в России оставаться своего рода властителем дум. У нас всегда генераторами новых социальных идей были писатели. Умерли такие великие мыслители, как В. Кожин, А. Панарин, А. Зиновьев, которые, продолжив традиции наших национальных и религиозных мыслителей, заложили основы русского постсоветского мировидения. Их замалчивали, их не пускали на телевидение, особенно в последние годы. Но любой политолог, который сейчас вылезает на телевидение и открывает рот, оперирует их идеями, мыслями и терминами. Все крупные русские писатели были публицистами, причем не местного, а геополитического уровня: Пушкин, Тютчев, Тургенев, Достоевский, Блок...

Помните, к двухсотлетию Пушкина на НТВ показывали фильм Леонида Парфенова. Он ходит, рассказывает о жизни поэта – Питер, Арзрум, Царское Село... И в конце каждой серии идут титры: какая фирма предоставила ему костюм, какая – ботинки, какая его причесала, какая надушила... Но не было в титрах ни одного имени, ни одного названия трудов наших великих пушкинистов, у которых он попросту «натырил» мысли и слова, произносимые в эфире. Свинство, правда? Чистое воровство интеллектуальной собственности. Но суть в том, что Парфенов все равно транслирует зрителю слова пушкинистов, писателей. Своих-то у него нет! В этом сила литературы. Она, как тайный (но не серый, а белый!) кардинал, который держит за интеллектуальные ниточки и заставляет президента вдруг процитировать Пушкина или какого-то мыслителя Серебряного века.

Пей, но дело разумеј

– *А почему писателям в России не хватает юридического статуса?*

– Потому что разрушить старую правовую систему гораздо легче, чем создать новую. Ведь статус писателя – это и защита его интеллектуальной собственности, контроль за использованием его произведений, скажем, в Интернете и многое другое. Допустим, писателю нужен для работы кабинет, а художнику – мастерская. При советской власти это было прописано в законе. А теперь считают так: Каштанка – собачка умная, сама себя и прокормит. Только не нравится, когда «Каштанки» лаять начинают и за штанину хватать. Творчество, как и Восток, дело тонкое, много деликатных особенностей. Так и Литфонд еще при царе-батюшке учредился именно как организация для оказания помощи безденежным и запойно пьющим писателям.

– *Писатели в России все еще пьют запойно?*

– Я думаю, не только в России. Мне приходилось выпивать с нынешними латышскими классиками за нерушимый Советский Союз и вечную дружбу. Мастера! Кстати, если посмотреть статистику болезней и смертей классиков мировой литературы, то мы увидим, что пьянство – наднациональный недуг творческой интеллигенции, и ничего тут не поделаешь.

– *А такие писатели, как Александра Маринина или Дарья Донцова, являются властителями дум?*

– Скорее уж властителями бездумного досуга. Есть, знаете, писатели и есть ПИПы, это большая разница. Я ввел этот термин, на который многие обиделись. ПИП – это персонифицированный издательский проект. Сравнить ПИПов с писателями так же невозможно, как сравнивать хирурга с патологоанатомом. Хотя вроде бы и тот и другой занимаются человеческим телом. Но один живым, а другой трупом. Писатель создает литературу – хорошую или плохую, талантливую или нет, но он создает текст, который строится по законам художественного познания мира.

Кстати, в этом роде деятельности тоже можно создать коммерчески успешные вещи. Не будем далеко ходить за примером. Мой новый роман «Грибной царь» разошелся тиражом больше ста двадцати тысяч, это очень много по нынешним временам. А «Козленок в молоке» выдержал двадцать изданий, давно перевалив за полмиллиона экземпляров. Но я-то пишу, с вашего позволения, прозу, а ПИПы изготавливают книжную продукцию, это разные вещи. Мы же не считаем кроссворд литературой, хотя он тоже состоит из слов.

В девяностые годы, когда шло разрушение остатков советской государственности и дележ собственности, требовались ПИПы, чтобы отвлечь общество от подлой реальности, а не писатели, которые могли спросить: что вы делаете, вы нам что обещали? Сейчас, когда наступила пора выхода страны из кризиса и появились амбициозные национальные проекты, выяснилось, что с глупым народом, подсевшим на «развлекалово» это все невозможно осуществить. И теперь народ, который пятнадцать лет упорно отучали думать (в том числе при помощи этих самых ПИПов!), надо опять приучать шевелить мозгами...

Беседовала Майя ХАЛТУРИНА «Час Пик», Рига, 21 июня 2006 г.

Читатель, ПИП рядом!

Юрий поляков объявил войну литературе, плодящей глупцов

В Риге вместе с делегацией из столицы России гостит редактор «Литературной газеты», знаменитый писатель и публицист Юрий Поляков – автор книг «ЧП районного масштаба», «Демгородок», «Козленок в молоке», «Апофегей» «Замыслил я побег», «Возвращение блудного мужа» и многих других любимых народом произведений. Юрий Михайлович приехал по приглашению МКДЦ на первый международный медиа-фестиваль «Открытый город – Москва», участвовал в конференциях и презентациях, а когда освободился, охотно пообщался с «Вести-Сегодня». Красной линией в беседе пролегла тема влияния литературы на общество, а также поголовное оглушение масс «персонифицированными издательскими проектами» – ПИПами – вроде романов Марининой, Дашковой и прочих. Однако начали мы разговор со скандального «Грибного царя».

– Ваш роман народ принял отлично, зато литературные критики взбеленились. Из-за чего?

– Во время нашей прошлогодней встречи я предсказывал, что книга вызовет резонанс. Так и вышло. Читателю «Грибной царь» понравился, о чем свидетельствуют тиражи: с сентября продано более ста тысяч экземпляров. А по поводу критиков... Они ведь тоже разные и причины их недовольства разные. Либералам не понравилась картина современной действительности и показанный мной внутренний мир успешного, с их точки зрения, «ударника капиталистического труда». Это не соответствует их представлению о том, что происходит с нами. У некоторых вызывает раздражение и откровенная русскость моего героя. Теперь в литературном бомонде принято, чтобы герой был «никаким», так сказать, общечеловеческим. Исключение делается разве что для наций, «угнетенных при старом режиме». Но в настоящей литературе «национальная стерильность» невозможна. Обломов – русский, Штольц – немец, Левинсон – еврей и так далее. А критикам-патриотам мой роман показался слишком суровым диагнозом, ведь я честно написал, во что может превратиться советский, русский, офицер, борясь за успех в новой жизни любой ценой. Это не соответствует их мифу о праведной русской душе, сбитой с толку инородцами. Впрочем, возмутились немногие критики – большинство промолчало.

Я, кстати, часто попадаю и в «зону умолчания», когда о моих вещах вообще стараются не писать. Таким способом критики со мной якобы борются – отваживают читателя. Пустое. У нас давно уже читают не то, что хвалят критики, а то, что советуют умные друзья. Поэтому мои книги с середины восьмидесятых и расходятся сотысячными тиражами. Сейчас готовится к выпуску книга «Треугольная жизнь», своего рода трилогия, в которую вошли романы «Замыслил я побег», «Возвращение блудного мужа» и «Грибной царь», объединенные общей темой и даже общими героями второго плана. К этому большому тому я написал обширное послесловие «Геометрия любви». А предисловие написал Павел Басинский.

– Удивителен такой подход со стороны критиков, и уже непонятно, а где же собственно литература...

– Об этом лучше сегодня спрашивать не критиков, а филологов. Вот недавно в издательстве Российской академии наук вышла объемистая монография известного литературоведа, доктора наук Аллы Большаковой о моей прозе. В общем, литературоведы мною занимаются, так сказать, в обход критиков – дипломы пишут, диссертации защищают. Беда в том, что наша критика очень политизированная, обслуживает определенные группы, национальные

кланы, политические тусовки. Я же не примыкаю ни к одному лагерю, остаюсь независимым. И опыт русской литературы показывает, что только самостоятельность дает писателю возможность заниматься собственно творчеством. В противном случае писатель быстро превращается в певца тенденции.

– *Недавно в публицистическом материале «Писатели и ПИПы» вы «посмели» наехать на коммерческую псевдолитературу Акунина, Марининой, Дашиковой, Донцовой и изже с ними.*

– Скандал вышел действительно громкий, многие обиделись, например, Маринина, к которой я отношусь в целом с симпатией. Но рано или поздно об этом следовало сказать. Произошла подмена одного понятия другим: литературой стали называть «персонифицированные издательские проекты» – ПИПы. Чем отличается писатель от ПИПа? Первый сочиняет литературу – иногда очень талантливую, иногда среднюю. А ПИП изготавливает коммерческий книжный продукт – плохой или хороший. Но даже самая неудачная литература отличается от самого удачного коммерческого продукта так же, как самый глупый человек отличается от самой умной обезьяны. Ведь в основе художественного творчества, даже самого простенького, лежит стремление понять жизнь, познать изображаемую реальность, найти для этого адекватные языковые формы, донести мысли и эмоции до читателя.

ПИПы же заняты только изготовлением товара, который купят. Это не значит, что серьезная литература не может иметь коммерческого успеха. Тот же Булгаков, сочиняя «Мастера и Маргариту», ставил перед собой сложные философско-художественные задачи, а поди ж ты – скольких книгопродавцев обогатил и продолжает обогащать. А у ПИПа нет никакого завета, кроме заветного желания, чтобы продалось как можно больше экземпляров и гонорар был как можно выше. Кстати, кто-то может заподозрить, будто к написанию статьи меня подтолкнуло чувство зависти к более успешным в рыночном смысле сочинителям. А вот и нет! Тиражи моих книг вполне сопоставимы, а то и превосходят по массовости ПИПовские издания. Итак, ничего личного, только желание объективно разобраться в этом социально-культурологическом, даже политическом явлении. Но издатели, заваливающие рынок доходным чтивом, конечно, от моей статьи в восторг не пришли. Одно дело гордо говорить: «Я торгую книгами». И совсем другое: «Я продаю «пипню»...

– *Вернемся к «политическому явлению» ПИПов. Это как?*

– Если человек читает умные книги, в которых автор затрагивает серьезные темы и говорит о высоких целях, он подтягивается, развивается, старается разобраться в себе, в жизни. А если человек читает глупые книги, он глупеет. Глупым народом и жадными пипами легче управлять, в отличие от мыслящих людей и непослушных писателей. Но вот беда: амбициозные национальные проекты, способные вывести Россию из кризиса, о которых, например, говорит Владимир Путин, могут осуществить только умные люди. Мы сейчас коснулись только литературы, а есть ведь еще и деградирующее телевидение. На всех сильное впечатление произвели слова министра обороны России Сергея Иванова о дебилизирующей роли ТВ в современном обществе. Не потому, что этого никто раньше не замечал. А потому, что с властных вершин наконец сказано то, о чем из своих маргинальных низин с начала девяностых кричит отечественная литература и говорят простые люди на кухнях. Может, это долгожданное проявление коллективного государственного разума, осознавшего, что с нечитающим, разучившимся думать народом нельзя воплотить никакие серьезные национальные проекты, а можно лишь играть в «Поле чудес». Но если наша историческая будущность – «поле чудес в стране дураков», то и следующим президентом тогда уж пусть будет у нас Якубович с подарками...

– *Замечу, нередко многотиражные авторы в своих книгах пропагандируют идеи отдельных политических сил, даже выступают перед выборами с соответствующими речами.*

– Они еще, спешу наябедничать, вставляют в текст вроде как ненавязчивую и не бесплатную рекламу товаров: «В задумчивости Василий сам не заметил, как заварил свой любимый байховый цельнолистовой чай «Брук Бонд», который давно предпочитал всем другим напит-

кам». А уж подкормиться от политики – святое дело. Но мы-то с вами говорим не о «шабашниках», которых всегда возле литературы хватало, мы говорим о настоящем литературном процессе, а он внутренне свободен и неуправляем. С этим, кстати, ничего не могла поделать даже советская власть, хотя тогда работали четкие и жесткие схемы регулирования. Серьезная, самостоятельная литература – это общественный сейсмограф, по которому можно задолго уловить приближающиеся общественные потрясения. Ведь собственно кризис советской власти уже читался в пьесах Вампилова! И я полагаю, без ложной скромности, по моему «Демгородку» и «Козленку в молоке» можно было спрогнозировать крах ельцинизма со всем его цинизмом. Я чувствовал это на интуитивном уровне, на уровне логики развития художественных образов... Или же вспомните мое «ЧП районного масштаба». Разве там не предсказано, как аппарат влет сдает идею за возможность остаться при власти?

Кстати, среди нынешней творческой интеллигенции считается «неинтеллигентным» напоминать кто что говорил и кто что делал до того, как сжег свой партбилет. «Неинтеллигентно» говорить о судьбе русских в бывших странах СССР, в той же Латвии. «Сами, мол, виноваты: побыли старшими братьями – вот теперь и расплачивайтесь, оккупанты!» Минуточку, в какой момент Россия оккупировала Прибалтику? Когда после Ништатского мира выплатила за нее Швеции два с половиной миллиона золотых ефимков? Или когда латышские стрелки активно поучаствовали в революции. Тогда включение Латвии в состав СССР – просто историческое возмездие. Ведь тогда все висело на волоске, и, возможно, не будь упертых латышских стрелков, история могла пойти по другому пути. А латыш Эйхе, руководивший Свердловской областью и первым призвавший к Большому террору? Попробуйте рассмотреть проблему под таким вот «неинтеллигентным» углом!

– *Над чем сейчас работаете?*

– Заканчиваю новую пьесу для Театра сатиры. Ее после шумного зрительского успеха «Хомо эректуса», благополучно замолчанного театральной критикой, мне заказал Александр Ширвиндт. Комедия, называться будет «Он, она, они». Кроме того, наконец я засел за роман, который много раз откладывал, в последний раз отложил из-за «Грибного царя». Рабочее название – «Гипсовый трубач». Над этой вещью бьюсь давно, раньше «не шла». Надеюсь, теперь пойдет. О чем роман? О нас с вами!

Беседовал Игорь МЕЙДЕН

«Вести-Сегодня», Рига, 22 июня 2006 г.

«За роскошь говорить правду надо платить!»

Пять лет назад вполне успешный писатель Юрий Поляков променял творческую свободу на казенную поденщину, согласившись стать главным редактором некогда преуспевающей, а к тому моменту дышащей на ладан «Литературной газеты». С тех пор не реже трех раз в неделю Юрию Михайловичу приходится покидать ставшее родным Переделкино, катить через всю Москву в редакцию и править, сокращать, переписывать, вычитывать. И зачем, спрашивается, человеку это надо? А тут еще слух прошел, будто владельцы газеты собираются ее продать...

– *Пакуете чемоданы, Юрий Михайлович?*

– И куда же вы намерены меня отправить?

– Не я, а ваши хозяева, прозрачно намекнувшие, мол, двигайте с вещами на выход, лавочка закрывается...

– Как у вас легко и просто получается! Обращаю внимание: фраза о продаже «Литературки» ни разу не прозвучала из уст ее акционеров, в число которых входят АФК «Система» и московское правительство. Речь шла о том, что часть активов медиа-холдинга может быть выставлена на торги. Наверное, недоброжелатели мечтают, что именно мы пойдем под нож, но вынужден их огорчить: слухи о нашей смерти сильно преувеличены. С какой стати закрывать «Литературку»? За пять лет у газеты в три раза вырос тираж, мы вернулись в число лидеров информационного пространства, к нашему мнению опять прислушиваются. В том числе и сильные мира сего. Конечно, сегодня трудно выжить изданию, отстаивающему базовые консервативные ценности и защищающему государственные интересы, нам не приходится рассчитывать на помощь ни внутри страны, ни извне. Но мы и не питаем иллюзий, не ждем подарков от спонсоров, которых нет. «Литературка» поднималась исключительно за счет читателя, повернувшегося к ней лицом, как только был остановлен либеральный психоз внутри редакции, отменена моноидеология.

– *Подозреваю, акционеров больше волнует другое: материальное положение газеты.*

– Отвечаю: оно вполне стабильно. Во всяком случае, «ЛГ» перестала быть убыточной и в состоянии себя прокормить. Мы третий год, как на самоокупаемости.

– *А хочется, чтобы кто-нибудь деньжат подкинул, правда?*

– Нет, не хочется! Точнее, дополнительные средства нам не помешали бы, но я прекрасно понимаю: стоит лишь сесть на кошт, как можно сразу простаться с неангажированностью и независимостью. При этом не имеет значения, кто именно будет подкармливать – фонд Сороса или администрация Путина. На выходе получим один и тот же результат.

– *Само собою: кто платит, тот и девушку танцует.*

– Нас, как вы выразились, никто не танцует. Западу мы чужды со своей идеей просвещенного патриотизма, но и родная власть почему-то интереса к нам не проявляет. Чтобы стало понятнее, сколь трудно в России быть государственным, расскажу вам историю, как меня решили чем-нибудь наградить к пятидесятилетию.

– *...которое вы, Юрий Михайлович, отпраздновали осенью позапрошлого года.*

– Ну да, двенадцатого ноября.

– *Вам ведь, кажется, по такому случаю Госпремию вручили.*

– Правительственную. А есть еще президентская, главная.

– *Чем они разнятся?*

– Денежным наполнением. Президент дает пять миллионов рублей, а правительство – миллион.

– Значит, вы получили ту, что поменьше? Обидно, конечно, но тоже деньги, в хозяйстве сгодятся.

– Я не об этом. Премию мне дали как литератору за сборник «Небо падших», куда вошли романы «Козленок в молоке», выдержавший к тому моменту двадцать шесть изданий, и «Замыслил я побег», переиздававшийся двенадцать раз. Это только в России, за граница не в счет. Словом, отметили писательский труд, что со мною случалось нечасто. До этого лишь в восемьдесят шестом году я удостоился премии Ленинского комсомола за «ЧП районного масштаба»... Но вы увели мою мысль в сторону, я собирался рассказать совсем об ином. Примерно за полгода до юбилея меня решили наградить как главного редактора «Литературки», а значит, общественную фигуру. Коллектив оформил бумаги на орден «За заслуги перед Отечеством» четвертой степени.

– Почему не третьей или второй?

– Нельзя, надо по порядку идти – четвертая, третья, вторая... Документы отправили по инстанциям, через несколько месяцев они вернулись с комментарием: не годится, поскольку у представленного к ордену нет других наград. А у меня действительно отродясь ничего такого не водилось.

– Даже удивительно.

– Отнюдь. Я же всю жизнь состоял в оппозиции к действующей власти – и во времена СССР, и при Ельцине, следовательно, не мог рассчитывать на благосклонность правителей. После выхода в девяносто третьем «Демгородка», посвященного расстрелу Белого дома, «Литературка» на пять лет забыла о существовании писателя Полякова. Единственная рецензия, посвященная мне, называлась «Лукавая антиутопия» и содержала призывы разобраться с автором... Словом, дожил я до пятидесяти лет без правительственных наград и дальше спокойно продолжал бы жить, если бы не инициатива коллег.

– А на медаль вы в отличие от Василия Теркина не соглашались?

– Почему же? Я был готов на все, стало интересно, чем дело закончится. Параллельно наблюдал, как к пятидесятилетию награждают Машу Арбатову, потом этого... как его?... забыл фамилию... дурацкие песни поет... Бориса Гребенщикова.

– Я не ошибся, Юрий Михайлович, вы не поклонник БГ?

– Умоляю вас! Это же чистой воды фармазонство.

– Еще Андрей Макаревич ваш ровесник, одноклассник.

– Да, известный борец с советской властью. Помню, как на Совете творческой молодежи при ЦК комсомола мы голосовали за покупку для «Машины времени» новой аппаратуры. Брал и не брезговал. Сегодня у нас все оппозиционеры. Чем крепче припадал прежде к груди КПСС, тем громче сегодня кричит о заслугах перед демократией. Ну так вот... Маша, Борис, Андрей и некоторые другие выдающиеся деятели отечественной культуры свои награды получили, а мне завернули представление даже на медаль.

– Кто-то посчитал, что и это для вас много?

– Наоборот, решили снова поощрить каким-нибудь орденом. Все-таки давно человек работает, фильмов по его книгам куча снята, газету от гибели спас. Словом, начался новый этап сбора документов. Так и продолжается по сей день. Третий год волокита тянется. Даже забавно!

– Или обидно?

– Если бы мечтал о карьере или строил какие-то наполеоновские планы, был бы повод огорчаться. К счастью, к регалиям и чинам я всегда относился по-философски. Мои амбиции в литературе, в читательском признании. Но ведь известны случаи, когда нереализованное честолюбие буквально вгоняло людей в могилу.

– Например?

– Остроумнейший человек, прекрасный сатирик и пародист Александр Иванов не смог пережить того, что его обнесли Государственной премией. Он жил за границей, когда позвонили из Москвы и предложили приехать на вручение. Иванов прилетел в Россию и узнал, что в последний момент комиссия по Госпремиям изменила решение не в его пользу. Сан Саныч тут же с горя запил и помер. Поверьте, это не байка, именно так и произошло.

– *Хорошо, хоть вы, Юрий Михайлович, не принимаете все близко к сердцу.*

– Мне хватает не только внешнего сарказма, как у Иванова, но самоиронии. Однако давайте абстрагируемся и вообразим, что человек хочет послужить державе не только из патриотических чувств, но и – частично – из честолюбивого расчета. Пару раз вот так его пнут, и он скажет: «Да идите вы к лешему, найду себе другое отечество, которое умеет ценить людей».

– *У вас такая мысль никогда не возникала?*

– Нет, конечно, иначе в восьмидесятые годы сочинял бы то, что нравилось советской власти, а в девяностые старался бы угодить Ельцину и его окружению. Я же всегда писал не по заказу, а по собственному желанию.

– *Что не спасло вас от клейма конъюнктищика.*

– Это клевета критиков, которые не в силах смириться, что мои книги становятся популярными без их подсказок. Они ведь искренне верят, будто должны наставлять и направлять читателей. Якобы те сами не разберутся, где литература, а где – макулатура. А в случае со мной критики вроде лишним звеном оказываются, вот и злятся. Чтобы найти хоть какое-то объяснение, почему «Сто дней до приказа», «ЧП районного масштаба», «Апофегей» стали бестселлерами, решили записать меня в конъюнктишки. Мол, Поляков пытается угодить публике, знает, что ей понравится. При этом никто не задается вопросом, в чем же был мой расчет, если «Сто дней» писались в восьмидесятом году, а вышли в свет только в восемьдесят седьмом? Похожая история и с «ЧП», тут разница между написанием и публикацией составила пять лет. Станный какой-то конъюнктищик, не находите?

– *Но вы же еще более страшное ругательство придумали – ПИП.*

– Да, мой неологизм. Аббревиатура расшифровывается просто – персонифицированный издательский проект.

– *Можно сказать то же самое, но по-русски, Юрий Михайлович?*

– Производители читава.

– Поименно, пожалуйста.

– Донцова, Маринина, Дашкова, Устинова и иже с ними... Как ни странно, среди ПИПов преобладают женщины.

– *Вы их книги читали?*

– Все равно что спросить, читал ли я кроссворд. Не для того печатается.

– *Робски к ПИП-компани относите?*

– Тут чуть сложнее. У дамы есть определенные литературные задатки, все зависит от того, как она ими распорядится... Но скорее всего, никак. Лет через пять ее никто не вспомнит. Поймите, я не против развлекательной книжной продукции, вопрос в ином. Никогда прежде ПИПы не претендовали на место титанов мысли.

– *Но раньше, наверное, их и не было в таком количестве?*

– Да, не было Донцовой, зато был ее папа. Знаете, кто он такой? Парторг московской писательской организации Аркадий Васильев – автор романа «В час дня, Ваше превосходительство», превозносящего до небес подвиги чекистов. Книги Васильева печатали такими же тиражами, как сегодня сочинения его дочери. Это одна и та же донцовщина, правда, с разной идеологической начинкой. Папа утверждал приоритет диктатуры пролетариата, а наследница прославляет буржуазные ценности. Это у них семейное. К счастью, ПИПы никогда не станут классиками: их читают, но не перечитывают. Если приведете ко мне человека, перечитывающего Дашкову или Маринину, поставлю вам бутылку.

– Чего?

– Что выберете. Но не приведете – нет таких читателей.

– А по сто страниц в день писать реально?

– Нет, конечно. Думаю, без посторонней помощи там не обходится. Говорю об этом со знанием дела.

– *Негром были? Или нанимали?*

– Ни первое, ни второе. Однажды, правда, писал приветствие съезду профсоюзов от имени учащихся ПТУ. В стихах. Заплатили мне за эту работу восемьсот рублей, солидную по тем временам сумму, но и жилы вымотали все. Больше за подобное я не брался. Когда говорил о посторонней помощи, имел в виду другое: я стоял у истоков сериального движения в нашей стране и готовил синопсис для фильма «Салон красоты». Потом уже сценарная группа расписывала все в деталях для каждой из ста серий. Так и значилось: кто автор общей идеи, а кто – конкретного сюжета. И с Говорухиным на «Ворошиловском стрелке» мы работали по похожей схеме: у каждого была своя зона ответственности. Это тоже нашло отражение в титрах картины. В литературе же продолжается застоявшееся лукавство. Читатели привыкли относиться к писателю как к собеседнику, им психологически трудно смириться с мыслью, что с ними разговаривает не один человек, а, допустим, восемь. Поэтому соавторы уводятся в тень, хотя честнее было бы написать, что над книжкой работал творческий коллектив под началом руководителя проекта, допустим, Днестровой.

– А к продакт-плэйсменту вы как относитесь?

– Веяние времени, от него никуда не денешься. Пытался спародировать это явление в романе «Грибной царь», а меня обвинили в том, что неправильно назвал крупную фирму по пошиву мужских сорочек. Смешно!

– *Может, о цене не договорились?*

– Я такими вещами не занимаюсь, это не мой уровень.

– *Но Ремарку было не влом рекламировать кальвадос.*

– Он попросту любил этот напиток. Мне, например, нравится черногорское вино «Вранец», я вставляю его в свои книги и делаю это абсолютно бескорыстно. Впрочем, речь у нас шла об ином. Хочу, чтобы вы поняли разницу между писателями и ПИПами. Первые заняты познанием мира, а вторые созданием продукта, который купят. Собственно, так было и раньше, но до конца двадцатого века никому в голову не приходило сравнивать одно с другим. Все понимали, где искусство, а где способ зарабатывания денег. Именно девяностые годы ознаменовались попыткой вытеснить писателей, заменив их ПИПами, которые неприятных вопросов не задают, народ не будоражат, а с писателями была одна морока, вечно они нос совали, куда не следует. Но проблема-то в том, что ПИПы все равно не стали властителями дум. Они ведь не думают, а пишут. Неужели Маринина или Устинова сформулируют национальную идею для России? Нет, это удел Солженицына, Распутина, Гранина, но с ними надо совершенно иначе разговаривать. Кажется, и наверху начинают постепенно понимать, что именно эти люди определяют смыслы времени.

– *Три богатыря?*

– Можно еще с некоторыми оговорками назвать Евтушенко, несмотря на то, что он несколько оторвался от нашей действительности.

– А, например, Пелевин?

– Это, конечно, литература. Хотя и ограниченная молодежной субкультурой. Вместе со мной и Улицкой Пелевин входит в тройку наиболее читаемых российских прозаиков.

– *Есть еще Аксенов.*

– С человеком приключилась странная вещь. Видимо, столь долгая эмиграция и вызывающее предательство идеалов собственной молодости даром не прошли. Последние романы

Аксенова вроде «Вольтерьянцев и вольтерьянок» ничего, кроме жалости, не вызывают. А ведь были у Василия Павловича и иные времена, куда более успешные.

– За «Вольтерьянцев» он Букера получил. Это так, к слову.

– Ну, получил, и что с того? Моего «Козленка в молоке» даже в лонг-лист премии не включили, а книга выдержала двадцать семь переизданий, переведена на многие языки, по ней снят фильм. Без всякого Букера!

– Идем дальше: Виктор Ерофеев.

– Он вообще не писатель, а предприимчивый филолог и неплохой литературовед, в какой-то момент понявший: чтобы вести интенсивную светскую жизнь, надо написать что-нибудь беллетристическое, поскольку трудно фигурировать в бомонде с исследованием о маркизе де Саде. Есть определенная этика: чтобы тебя пригласили на международные соревнования по боксу, надо хотя бы раз получить на ринге по морде. Называться писателем без единой книжки – неловко. Вот Ерофеев и написал. Ему это дело понравилось...

– Борис Акунин?

– Пожалуй, один из наиболее ответственных и интеллектуальных ПИПов. Квалифицированный японист, прекрасно образованный и очень неглупый человек, он подошел к проблеме зарабатывания денег серьезно. Ему удалось найти (точнее, позаимствовать у Честертона) ход, который сразу выделил его из общего ряда. Акунин быстро сделал себе имя и сейчас успешно разрабатывает золотую жилу. Честь ему и хвала, но это не литература.

– А бывает миграция из ПИПов в писатели?

– Крайне редко. Обратный процесс случается чаще.

– Вы свое место в строю всегда знали, Юрий Михайлович?

– Писать начал рано, в школе. Сначала это были стихи, у меня даже вышло несколько сборников. Потом переключился на прозу. Сочиняю я тяжело, редактирую тексты до бесконечности, делаю по двенадцать-пятнадцать вариантов, поэтому не получается выпускать новую книжку чаще, чем раз в несколько лет. Правда, постоянно выходят переиздания, и моим недоброжелателям кажется, будто Поляков заполонил собою все. К пятидесятилетию у меня вышел пятитомник, согласитесь, это не так уж много.

– Ну да, по сравнению с некоторыми вашими соседями.

– Какими?

– По Переделкино.

– У меня дача напротив дома Окуджавы. Постоянно вижу перед окнами булатоманов и окуджаволюбов. Косяками ходят.

– Раздражают, наверное?

– Почему? Радуюсь, что поклонники не забывают талантливого человека. Дай Бог каждому.

– А на вашей даче кто раньше жил?

– Виталий Озеров, критик и литературовед, автор монографии «Образ коммуниста в советской литературе». Его дом сгорел, я отстраивался заново. Нет, жить там хорошо, работать комфортно. И соседи что надо...

– Словом, сиди и твори. А вы все: «В Москву, в Москву!» Неужели не можете без «Литературы»?

– Это моя работа, даже миссия, дающая, кстати, обильную пищу для ума. Один пример приведу. Года два назад мы решили возродить старую редакционную рубрику, в свое время пользовавшуюся колоссальным успехом – «Если бы директором был я». Теперь, правда, она звучала чуть иначе – «Если бы президентом был я». Затея рухнула буквально через несколько номеров. Люди не стали писать. Видимо, разочарование в реформах, во власти столь велико, что человеку не хочется даже пофантазировать, что бы он сделал, оказавшись в Кремле. В советское время кабинеты редакции были бы до потолка завалены письмами желающих дать

совет правителям. А сегодня – тишина. На мой взгляд, это весьма тревожный сигнал для сидящих на самом верху. На месте Путина я посвятил бы специальное заседание совета по национальной безопасности этой ситуации безверия. Тема не менее серьезная, чем инфляция или цены на нефть с газом.

– *Подскажите!*

– Обязательно! Но чтобы писателей услышали, надо сначала переломить отношение власти к литературе. Пока не удастся, а жаль! Мало кто обладает такой исторической сейсмочувствительностью, как писатели. Именно литература задает код всей национальной культуре.

– *Так и влечет вас в высокие сферы, Юрий Михайлович! А чего-нибудь попроще, подешевнее хочется?*

– Написать бы еще пару хороших книг для взрослых и хотя бы одну сказку.

– *Для внуков?*

– В том числе для Егора и Любы. Сюжет я уже придумал, а интонацию святого простодушия никак поймать не могу. Вот уволят из «Литературки», тогда точно засяду за сказку.

– *Пожелать вам этого?*

– Увольнения? Спасибо, не надо. Еще поработаю...

Беседовал Андрей ВАНДЕНКО

«Собеседник», № 27, 2006 г.

«Я человек советской цивилизации...»

– Юрий Михайлович, вы впервые приехали в Пермь?

– В восьмидесятых годах я два раза бывал в Перми – последний раз в разгар борьбы с алкоголизмом, двадцать лет назад. Отмечали юбилей Пермской писательской организации в театре. После заседания состав президиума, в котором был и я, какими-то переходами повели, как за синей птицей, в тайный подвальчик, где был накрыт стол с выпивкой. Только мы зашли, как хозяева начали хватать бутылки с водкой и прятать, поскольку дошла информация, что кто-то «сдал» мероприятие властям и едут карать. Народ впал во фрустрацию... Но коллеги-писатели не дали пропасть – юбилей мы отметили как надо.

– Вы стали известны после публикации повестей еще при советской власти. Есть ли у вас ностальгия по тому времени?

– Нормальные люди называют то время советской цивилизацией, люди ненормальные – совком. Я не только ностальгирую, но и не скрываю этого, в отличие от многих. И писал об этом, когда находился в жесткой оппозиции к ельцинской власти. Мы хотели плохое оставить в советской эпохе, а в новое общественное устройство взять все хорошее, что там было. Получилось наоборот – хорошее мы оставили в советской цивилизации, а взяли плохое. Например, оставили там серьезное внимание государства к культуре. Возьмите послание Президента страны Федеральному собранию – ни разу в нем не употреблено слово «культура». У любого здравомыслящего человека это вызывает удивление. С точки зрения соблюдения государственных интересов, советская цивилизация была более эффективной. Утрата этого качества меня сильно огорчает.

– Почему вы, успешный литератор, занялись журналистикой? Быть редактором «Литературной газеты» – нелегкое бремя.

– Я уже работал редактором газеты – «Московского литератора», до восьмидесят шестого года, когда решил уйти на вольные хлеба. Я один из немногих, кто мог себе позволить жить на литературный труд – и при советской власти, и при нынешней. У меня выходили не только книги, но и фильмы – я был соавтором сценария «Ворошиловского стрелка» Станислава Говорухина, принимал участие в создании сериалов. Материальной необходимости стать редактором «Литературной газеты» у меня не было. Мне не нравилось, что искажена реальная картина литературного процесса. Многих писателей просто не пускали на страницы «ЛГ». Со мной был такой случай. Шестого октября девяносто третьего года я выступил в «Комсомольской правде» со статьей «Оппозиция умерла. Да здравствует оппозиция». Это была единственная статья в центральной прессе против расстрела «Белого дома». «Комсомолку» после этого на пару дней закрывали. А меня перестали пускать на страницы «Литературной газеты». А что я такого страшного написал? Что мне непонятен способ укрепления демократии с помощью расстрела из танков парламента, который во всем мире является символом и инструментом демократии. Такая шла духовная гражданская война. Всех несогласных выбрасывали из информационного пространства. А ведь исключение из общественного сознания – для пишущего человека это и есть смерть.

– Вы хотите сказать, что при Ельцине было меньше свободы слова, чем сейчас?

– Больше всего свободы слова было с восьмидесят восьмого по девяносто первый год. Это мое личное ощущение. Я был активно работающим писателем, много печатался в газетах, вел передачи на телевидении – и хорошо знаю, когда можно было говорить все, что думаешь. Что касается цензуры, я хлебнул ее достаточно со своими первыми повестями. И если сегодня я с сочувствием отношусь к советской цивилизации, то это не значит, что я чего-то не знаю о ней – я-то как раз знаю. Многие из тех, кто стал «демократами», ничего тогда против не писали. Только – за. Обеими руками.

– *Ваше отношение к литературным премиям?*

– Я убежден, премии и гранты далеко не всегда идут на пользу литературе. У нас сегодня своего рода «грантократия». Поэтому писатели не только острую публицистику боятся писать, но даже показаться на публике не с тем человеком, чтобы не лишиться какой-нибудь премии.

– *Ваше отношение к современному российскому телевидению?*

– Мы разработали проект для телеканала «Культура» – передачу «Работа над ошибками», в которой попытались отразить другую точку зрения – не либеральную, принятую там, а народно-патриотическую. Передачу объявили в апрельской программе, но сняли с эфира после того, как посмотрело начальство. Рассказывали, один из руководителей возмущался: «Поляков говорит «советская цивилизация»... Как можно? Этого не должно быть!» В конце концов, передачу вернули, чтобы не конфликтовать с редактором «Литературной газеты». А если бы я был рядовой публицист? Телевидением, которое сегодня формирует образ и стиль жизни, руководят люди со взглядами разрушителей образца девяностых годов. Они ни морально, ни интеллектуально уже не имеют права определять духовную жизнь нашего общества, они устарились навсегда, но они везде.

– *Говорят, что работа журналистом негативно отражается на писательском даре?*

– Ни один нормальный писатель не занимается только творчеством. Иначе через две-три книги он превращается в чудовищного зануду. Он начинает выворачивать какие-то свои уж совсем необязательные тайны. Вспомните, Чехов не оставлял свою врачебную практику до конца жизни, хотя деньги у него были. Кто такой пациент для него? Это герой его рассказа. Надо, чтобы вокруг были люди, пополняющие «внутреннюю галерею», которая есть у каждого прозаика. Конечно, первые два года, когда мы вытаскивали газету из провала, я ничего не написал. Правда, закончил пьесу, которую Станислав Говорухин поставил во МХАТе. А потом стало легче – у меня вышел роман «Грибной царь», сейчас закончил пьесу для Театра сатиры.

– *На что в нашей сегодняшней жизни прежде всего должен обратить внимание настоящий писатель?*

– Если мы говорим о социальной стороне литературы, ее влиянии на общественное сознание, то это не значит, что у нее нет других функций. Можно, конечно, рассуждать о том, какой должна быть композиция и язык постмодернистского романа, но это проблематика специалистов, а социальность интересна всем. Та самая постмодернистская литература, что развивалась в последнее десятилетие, привела к серьезной дегуманизации общества. Это явление я называю «катастрофой обедняющей новизны», когда автор добивается новизны любой ценой. Новое можно сказать с помощью прибавления смысла по сравнению со своими предшественниками и новых формальных открытий, а можно – с помощью убавления. Вспомним «Черный квадрат» Малевича – это максимальное убавление смысла, сведение его к нулю. Народ все очень четко чувствует! Это только в воспаленном мозгу Константина Эрнста, который возглавляет Первый канал, существует такое мнение, будто пипл все хакает, чего ни дай. Во МХАТе идет моя пьеса «Заложники любви» – там один из героев произносит фразу: «Малевича плохо подделать невозможно!» И зал хохочет. Поскольку все понимают, о чем идет речь. На мой взгляд, литература последнего десятилетия была инструментом удаления из общественного сознания традиционного мышления, национальных архетипов, здравого смысла. Искусство должно снова стать механизмом сохранения, а не разрушения традиций. Силы, способные это сделать, есть, но они оттеснены на периферию литературной, общественной жизни. Однако возвращение их неизбежно, так как периферия – это любые формы модернизма, а реализм, классическое искусство – сердцевина. Кстати, «ЛГ», что была возобновлена Горьким в 1929 году, в тот самый период, когда общество уже устало от революционного искусства разрушения, сбрасывания с парохода. И сегодня вслед за нами другие издания начинают приглашать на свои страницы писателей, которых еще недавно не пригласили бы. Татьяну Доронину вернули в эфир, чему мы поспособствовали. В одном из номеров мы опубликовали без коммен-

тариев два списка: комиссии по Государственным премиям в области литературы и лауреатов за десять лет. Смешно, но списки полностью совпали. Мы добились своего – сегодня введена другая система присуждения этих премий.

– *А к какому направлению вы относите себя – к государственно-патриотическому?*

– Я себя отношу к центристам. Оголтелость и крайность меня всегда смущали. Поэтому, став редактором «Литературной газеты», я вышел из Союза писателей. Вообще писатель должен находиться над схваткой – не так, чтоб ничего не видеть, но быть немного выше.

– *Ваши литературные пристрастия. Кого из современников вы цените, читаете?*

– Про других стараюсь не говорить, поскольку все пишущие относятся к коллегам необъективно, особенно к успешным. И как редактор никогда не опираюсь на личные симпатии и антипатии. Именно это трудней всего было поломать в коллективе – настолько сотрудники привыкли обслуживать своих друзей-приятелей. Мне нравится литература, которая серьезно работает с языком – это Астафьев, Распутин. Из современников я слежу за Пелевиным – на мой взгляд, из модернистов он самый нормальный. Хотя по языку остался на уровне фантастики, с которой начинал. И фамилия у Пелевина настоящая замечательная, особенно для постмодерниста – Нечайка. Зачем он взял псевдоним? Загадка для меня и то, как человек с прекрасной фамилией Запоев стал Кибировым. Глазков отдал бы полпечени за фамилию Запоев. Я слежу за Юрием Козловым, Тимуром Зульфикаровым, Верой Галактионовой, Михаилом Веллером, Валерием Поповым.

– *Нет ли у вас ощущения, что сегодняшний режим – переходного типа – должен рухнуть. И если он не рухнет, то ждет ли нас большая катастрофа?*

– В году девяносто шестом я оказался на пресс-конференции вместе с Дмитрием Язовым, бывшим министром обороны. Потом накрыли стол, мы осели рядом и разговорились. И он сказал: вот вы, молодое поколение, не знаете фронтовой поэзии. Я подумал: ну, тут ты, дядька, попался! Язов был удивлен, что я знаю столько фронтовых стихов, мы начали читать с ним вслух, перехватывая друг у друга, он так расчувствовался, что решил уточнить, кто я такой. Подозвал кого-то, ему шепчут: да это Поляков, мол, тот самый, «Сто дней до приказа»... Язов аж посинел, про стихи забыл, поворачивается ко мне и говорит: «Вот из-за таких, как вы, распался великий Советский Союз!» «А на мой взгляд, Советский Союз распался из-за таких, как вы!», – ответил я. «Почему это?» – возмущается он. «Я вам объясню.

Что я сделал? Я написал повесть об армии, которой вы командовали. Меня даже упрекали в том, что я приукрасил – на самом деле все было хуже. А допустили все это вы. Кроме того, я выступал против распада Союза, выходил на демонстрации, писал статьи. Но что моя статья? А у вас была армия – и если бы вы отдали соответствующий приказ, Советский Союз, по крайней мере, в таком катастрофическом для России варианте не распался бы. Она не потеряла бы все, что приобрела за три века. Чего вы боялись? В тюрьму попасть? Вы все равно в нее попали». «Вы не понимаете, насколько это все сложно!» «А зачем вы тогда шли в эту власть, если не способны были взять на себя ответственность?» Такой был разговор – Язов ушел. Драма заключается, на мой взгляд, в тотальном предательстве в 90-е годы политической элитой национальных и государственных интересов. Нынешние руководители по жизненному, человеческому, профессиональному опыту и политическим взглядам не всегда соответствуют тем задачам, которые стоят перед страной. Если правящая элита, особенно руководители идеологической сферы, а она никуда не исчезла, останутся в своих креслах – общество ждут неминуемые конфликты, противостояния.

– *Не кажется ли вам, что сегодня под видом борьбы с ксенофобией идет борьба с русской традицией?*

– Это есть. Например, по отношению к фигурам общекультурного масштаба, которые являются носителями русского менталитета. Умер великий поэт Юрий Кузнецов, продолжатель классической традиции в поэзии. Газеты и телевидение замолчали его уход. Мы были

вынуждены написать открытое письмо руководителям телевизионных каналов о том, что они не имеют права так поступать. Бродский не мой любимый поэт. Я даже считаю, что он не столько поэт, сколько изощренный филолог, но он крупная фигура – и заслуживает внимания. Мы видели, как его шестидесятипятилетие было отмечено очень широко, даже грандиозно. И слава богу. Но при этом «забыли» стосемидесятипятилетие Лескова, величайшего русского писателя, и столетие Розанова тоже как-то не заметили. Все это наводит на недобрые мысли. Не надо забывать, что восемьдесят три процента многонациональной России – русские. Унижение национального достоинства заметнее и больнее всего в сфере культуры. Надо спокойно, без истерики напоминать: мы – великий народ, и не позволим замалчивать, маргинализировать нашу культуру. Вы телевизионщик и поклонник одесской школы? Нет проблем. Но не за счет русских писателей.

*Подготовил Юрий АСЛАНЬЯН
10 октября 2006 г.*

Поляков сдал мужиков с потрохами!

С писателем Юрием Поляковым я встретила на книжной ярмарке в Пекине. Известный писатель и по совместительству редактор «Литературной газеты» пользовался у китайских читателей бешеной популярностью – там с рекордными тиражами переиздается его книга «Замыслил я побег». Причем автор наивно полагал, что причина его успеха – в сатире на постсоветскую действительность, схожую с тем, что сейчас происходит в Поднебесной. Пока его не просветили: все дело в семейной истории. Уход мужа от жены к любовнице очень актуален для Китая... Честно сказать, я давно хотела задать несколько вопросов под дых этому певцу «мужских побегов» из семьи. Конечно, с одной стороны он сдал нам, бабам, все свое неверное племя с потрохами, создав трилогию «Треугольная жизнь», куда вошли: «Замыслил я побег», «Возвращение блудного мужа» и «Грибной царь». С другой – зачем так умело разжигать в мужиках опасные желания? И я от имени всех баб начала допрос писателя с пристрастием.

О кризисе среднего возраста

– Юрий, ситуация с вашими героями лет этак под пятьдесят очень похожа на истории, которые мы регулярно обсуждаем с подругами. Вот объясните: почему именно тогда, когда у мужика все налаживается и он чего-то в жизни достигает, его вдруг начинает так ломать и колбасить? Он мечется от жены к любовнице, готов все перечеркнуть – и хорошее в том числе. Ну, признавайтесь: что такое с вами в этот период происходит?

– Я же это не придумал! Я это подсмотрел в своих ровесниках. И в самом себе... Думаю, за этим стоят две вещи. Во-первых, ощущение убывающей жизни, уходящей молодости. И иллюзия того, что мой герой называет «сначала жизнью» – возможность сделать еще один виток. А во-вторых – благосостояние. Мужчина в этом возрасте, если он успешен, может удовлетворить любое свое материальное желание. Я знаю людей, которые начинают лихорадочно играть в детские бирюльки, покупать яхты, замки, машины... И на фоне этих возможностей мужик должен мириться с семейной жизнью, доставшейся ему в наследство от времен, когда он еще ничего не мог? Получается жуткий диссонанс.

– Выходит, женщина тоже относится к его материальным желаниям?

– Тут сложнее все. Человек, заработавший много денег, привыкает покупать себе даже не удовольствие, а комфортное состояние. Это начинается с шелковых трусов и заканчивается безумно дорогой моделью машины. И вдруг рядом с ним оказывается женщина, которая продолжает его воспринимать как прежде, существо предыдущего периода, скромное в желаниях, а главное – в возможностях...

– То есть мужчине неприятно, что она помнит его еще не столь успешным?

– А женщине приятно, когда помнят, какой у нее вороний нос был до пластической операции? Бывает по-разному. Не забывайте – люди обладают способностью к развитию. Два молодых, неглупых, обаятельных, во многом схожих человека, связавших свою жизнь в двадцать пять лет, в сорок пять оказываются разными людьми. Потому что один в это время развивался – и социально, и внутренне. А другой или замер, или деградировал. Теософы называют их не проснувшимися.

– Ну, не скажите! Сбегают и от проснувшихся, вполне успешных женщин!

– Гораздо реже. И здесь все не просто. Для одних важнее физиологическая сторона брака, для других – духовная. Для последних жена-ровесница – не катастрофа, наоборот. А вот для «физиологиста» это ужасно – сознавать, что молодая жена твоего бизнес-партнера годится в дочку твоей супруге. И как бы заслуженная половина ни кормила, ни обстирывала, ни заглядывала в глаза, она обречена. Это жестокое время, и оно тем жестче, чем меньше у людей бытовых проблем. Для наших родителей семья была прежде всего ячейкой социального выживания. А когда экономические нити рвутся, пара оказывается беззащитной перед брачной усталостью...

– Ага, по вашему выходит, что если женщина стимулирует мужчину больше зарабатывать, продвигаться по службе, то она готовит себе развод?

– К сожалению, часто да. Я перебираю знакомых политиков, бизнесменов, успешных деятелей культуры. Мало кто из них сохранил первый брак. И откат от этого брака попадает именно на промежуток между сорока и пятьюдесятью годами.

О вреде побегов

– Мы с подругами сначала решили не давать читать ваши книги мужьям. А дочитав, решили – ничего, пусть просвещаются. Ведь все побеги ваших героев заканчиваются печально... Это тоже закон жизни?

– Бывают, конечно, варианты счастливых новых союзов. Но по логике вещей следующий брак должен быть несчастным. Ведь потребительское отношение идет и от молодой женщины. Да, мужчина освежился, сбросил с себя груз прежнего, изветшавшего брака. Но вместе с тем он отбросил и его бескорыстие.

– Ну, не все вторые жены корыстны... Бывает и любовь.

– Бывает. Но сколько она проживет? Побег в чистом виде невозможен. И, уходя, мужчина весь свой диванчик с тараканчиками переносит в новую квартирку. Его раздражает в новой жене абсолютно то же самое. И тогда спрашивается: а на фига было устраивать весь базар-вокзал? Ведь когда расстаются люди состоятельные, эта история может и кровопролитием закончиться. Не случайно же у меня в «Грибном царе» чуть смертоубийство не состоялось.

– Это вы тоже у знакомых подсмотрели?

– В том числе. И если вы поднимите статистику заказных убийств, из них четверть точно связана именно с разделом имущества. Опытные адвокаты первое, что говорят разводящимся супругам: вы охрану наняли? До суда наймите на всякий случай. Потому что этот вопрос гораздо проще решить с помощью киллера, нежели адвоката. Хороший адвокат обеспечит половину, а хороший киллер – все...

– Что же тогда делать женщинам, чтобы удержать мужа?

– Это в каждой семье по-разному. Одно знаю – ни в коем случае нельзя задумавшего побег супруга держать за горло. Потому что, когда к естественной нехватке дыхания добавляется еще, как писал классик, руки у шеи, жесткие как поручни трамвая... Никому не понравится. А уж что делать, женщина должна знать сама. Кого-то надо приводить в себя противоестественной лестью, кого-то – минутами подчеркнутого охлаждения, кого-то сюсюканьем, кого-то заполошным интересом к его деятельности. Но и женщина тоже устает от этих усилий. Изображать на тридцатом году семейной жизни полюбовницу или всерьез интересоваться: как там твоя фирма «Диетические яйца» – может осточертеть. Зато если жена перетерпит – то получит через год-два своего успокоившегося и очень благодарного ей тапочконосца. Как правило, одумавшись, мужья бывают необыкновенно щедры. И покладисты. И потом из них можно вить веревки до глубокой старости.

– Мы вот тут все про желания мужиков... Но ведь и женщине частенько хочется совершить побег...

– Имеет право.

– Но вы в своем «Грибном царе» измену жены описали без всякого сочувствия...

– Да, мне это не нравится. Я ведь выражаю мужскую точку зрения. Романов, где описаны во всех подробностях женские метания, – хоть отбавляй. А переживания мужчины сводятся к игранию желваками. Вот он поиграл желваками и ушел от жены к любовнице. Потом снова поиграл желваками и вернулся от любовницы к жене. И все. А ведь пока он играет желваками, в нем что-то происходит...

О верности партии и жене

– И все же говорят, что измена укрепляет брак...

– Заметьте, не я это сказал. Так думают некоторые мои герои. отождествлять точку зрения героя и автора нельзя.

– Наверное, вы это сейчас говорите для жены... Кстати, как ваша жена смотрит на упорное описание вами побегов и разнообразных подруг? Она пытается просчитать, кто за этим стоит?

– Жена относится к этому плохо. Думаю, я вообще этими сочинениями нанес ей серьезные психические и душевные травмы. В этом жестокость писателя. Неискренний писатель на хрен никому не нужен. Я, когда еще был молодым, понял для себя. Если ты хочешь быть настоящим интересным, то, садясь за письменный стол, должен забыть о двух вещах. Что подумает, прочитав это, твоя жена, и что тебе за это сделает партийная организация.

– Ну, теперь-то парторганизацию можно со счетов сбросить...

– Не скажите! Ей на смену пришла диктатура идейно-художественной группы, к которой ты принадлежишь. И с помощью нынешних литературных премий писателя держат за кадык покруче, чем его держали отдел культуры ЦК партии и Пятое управление КГБ, вместе взятые. Потому что большинство писателей сейчас работают за премии. Премий много, есть большие, по пятьдесят, сто тысяч баксов. И дают их не за художественный уровень, а за верность своей партийно-художественной группе.

– А много таких групп?

– Основные как были, так и остались: либералы-западники и патриоты-ортодоксы. Но есть масса градаций.

– А вы к кому примкнули?

– Ни к кому. Я все эти годы существовал абсолютно автономно. Такое возможно, если ты успешный писатель. У меня выходят книги огромным по нашим временам тиражом. Скажем, за год продано почти сто тридцать тысяч «Грибного царя».

Об институте брака

– Вас послушаешь – что только семье не угрожает! И деньги, и возраст, и усталость друг от друга...

– И еще – сексуальная раскрепощенность общества. Как-то мы сидели в одной компании, и одна милая дама говорит: «Я недавно за границей купила в секс-шопе замечательный вибратор, он такой маленький, как голубиное яйцо с ворсинками, несколько режимов. Просто улетаешь!» Я подумал: боже мой, десять лет назад все провалились бы под стол. А теперь спокойно, по-деловому стали спрашивать: а он на батарейках? А ее муж сидит и благо-склонно кивает... Проблема сексуальной удовлетворенности тоже стала полноправным участником брачной драмы. Есть хорошая поговорка: не дотерпеть – пропасть и перетерпеть – пропасть. Так вот, если сексуальное счастье в браке совсем не имеет значения, это разрушает брак. Но когда этот момент ставится во главу угла, он тоже разрушает. Здесь важна верная пропорция.

– *Вы считаете, сам институт брака пошатнулся?*

– Да, он переживает кризис. Возможно, это связано с постепенной утратой мужчиной его лидирующего положения в обществе, и с возвращением если не в матриархат, то к установлению равновесия между патриархатом и матриархатом. Никто не знает, какие мутации происходят с хомо сапиенс.

– *А вот на западе опять пропагандируют культ семьи...*

– Там у них гораздо более поздние браки: люди идут на это не под влиянием эмоций, а как на достаточно хладнокровную сделку. Кроме того, там суровые законы, и при разводе столько приходится платить... Хотя и за границей все равно стоит проблема принципиально одинокой жизни. Большое количество женщин сегодня не видят в браке необходимости. Зачем? Они рожают вне брака двух детей, пособия на этих детей хватает, чтобы жить. Мы вступили в эпоху кризиса моногамии...

– *Ну, разговоры об этом возникают не в первый раз, а брак пока держится...*

– Да, брак уже пережил несколько кризисов. И может в очередной раз из него выйти. В какой это форме произойдет, я не знаю. Но меня не случайно в последние годы, о чем бы я ни писал, заносит в тему кризиса семьи. Писатель – невольник эпохи, карандаш в ее руках. Значит, здесь действительно что-то происходит...

– *А вы сами прошли через кризис семьи?*

– Конечно. Я женат давно уже, больше тридцати лет.

– *Вы уже вышли из кризиса?*

– Я думаю, что я в нем еще нахожусь... Это тяжело по-человечески, но полезно для писателя...

Беседу вела Наталья БАРАБАШ

«Комсомольская правда», 12 октября 2006 г.

**«Нынешнее поколение литераторов
думает, что оно упало с неба...»
Интернет-конференция в СМІ.ру, 26 ноября 2006 г.**

Эдуард, Воронеж:

– Не кажется ли вам, что тот ритуальный спектакль, что устроили вокруг действительно злодейского убийства Политковской оппозиционные и западные СМИ, а также западные политики, может привести к совершенно чудовищному «смертельному» результату – убийство человека станет удобным рычагом поворота международной политики? А резкая международная реакция будет порождать новые убийства. То есть идет грязная шахматная игра: пешек будут коварно приносить в жертву – вновь и вновь. Такой будет метод международной политтехнологии при участии дешевых киллеров.

– Я никогда не был, что называется, поклонником Анны Политковской, хотя признавал ее энергию, профессионализм. Но получается поразительная вещь – достоянием международной общественности становятся трагедии, происходящие только с журналистами, скажем так, либерального пула, явно придерживающимися прозападных взглядов. Хотя большие неприятности случаются и с журналистами, допустим, государственно-патриотического толка. Вот этот двойной стандарт меня огорчает, потому что, как пелось в советской песне, «каждый человек нам интересен, каждый человек нам дорог», и меня одинаково волнует судьба журналистов и либерального, и патриотического лагеря. Поэтому, глубоко сочувствуя судьбе Анны Политковской, все-таки вот такой перекося я не могу не отметить. И еще мне кажется, ее гибель связана не с ее взглядами, а с той странно-бурной деятельностью, которую она развила в годы чеченской войны... Да, смерть Политковской использовалась, как выражается уважаемый Эдуард, в качестве «метода международной политтехнологии». Широко использовалась. Если мы вспомним, и президенту Путину первый вопрос во время последней «Прямой линии» задали по поводу смерти Политковской. Так что, к сожалению, надо признать, что ее трагическая гибель, западными антироссийски настроенными силами была использована во вред России.

Максим, Москва:

– Как вы думаете, имеет ли право называться **НАСТОЯЩИМ ЖУРНАЛИСТОМ** человек, позволяющий себе устраивать то, что устроила не так давно Евгения Марковна Альбац и ее коллеги из «Новой газеты» в прямом эфире «Эха Москвы»? Я имею ввиду истеричную травлю (трое на одного!) приглашенной в программу журналистки Анны Арутюнян за то, что та несколькими днями ранее написала статью об Анне Политковской, в которой достаточно мягко позволила себе усомниться в журналистских заслугах последней. На ваш взгляд, имеют ли такие люди право выступать от имени всего журналистского сообщества (а именно это они сейчас и делают)? Не слишком ли много они на себя берут?

– К сожалению, у нас есть тип журналистов, которые воспринимают свободу слова односторонне, – они считают, что право высказывать свое мнение есть только у них, а всем остальным они в этом праве отказывают. Это болезнь нашей либеральной журналистики. Точно такая же история на «Эхе Москвы» была с Матвеем Ганапольским, который чуть ли не матом покрыл (мы об этом писали в «Литературной газете») человека, позвонившего во время прямого эфира и высказавшего соображения, Ганапольского не устраивающие. Звонивший был обозван самыми чудовищными словами. Конечно, такие вещи ничего общего с журналистской этикой не имеют. Сам хорошо помню, как на том же «Эхе Москвы» я оказался в одном эфире с Ириной Хакамадой и Сергеем Доренко. Последний, если вы помните, в свое время вел на Первом канале передачу, в которой активно гнобил Лужкова. Так вот, все было хорошо до тех

пор, пока я деликатно не напомнил Хакамаде о ее рекомендации шахтерам собирать грибы и ягоды. После этого вместо интеллигентной женщины в эфире обнаружилась фурия, поддержанная телевизионным киллером Доренко. В результате нормальный обмен мнениями людей, по-разному смотрящих на политическую ситуацию, превратился в самый настоящий «бой без правил». Хотя, справедливости ради хочу заметить, что есть на «Эхе Москвы» и высокопрофессиональные сотрудники. Например, Майя Пешкова или Ксения Ларина, с которыми я всегда с удовольствием беседую в эфире.

Что же касается права таких людей, как Альбац, выступать от лица всего журналистского сообщества, то я не думаю, что у них оно есть. Навешивание всяческих ярлыков является характерной особенностью нашей либеральной журналистики. Консерваторы, к коим я себя смею относить, гораздо терпимее. И я бы не стал говорить, что они слишком много на себя берут. Просто они, как сейчас модно говорить, пытаются позиционировать себя как российскую интеллигенцию. Все остальные, в их представлении, к ней – к интеллигенции – никакого отношения иметь не могут в принципе. На самом же деле надо понимать, что российская интеллигенция – это гораздо более сложный организм, где есть и либеральное, и почвенническое, и центристское, и монархическое, и консервативное направления. Причем, чем дальше от Москвы, тем концентрация либералов среди интеллигенции меньше. «Литературная газета» в свое время с этим столкнулась. Как только в ней в девяносто первом году возобладала либеральная моно-идеология, газета тут же потеряла всех своих региональных читателей, потому что им стало неинтересно. Но сколько я своим друзьям-писателям и журналистам-либералам об этом ни говорил, все без толку.

Светлана, Москва:

– Сейчас многие говорят о том, что в России больше нет реальной оппозиции власти. Скажите, может ли Общественная палата, которую вы представляете, в какой-то мере заполнить опустевшую нишу?

– Мне очень приятно, что почему-то меня в последнее время часто именуют членом Общественной палаты. Видимо, общественность хотела бы меня там видеть, я так это понимаю. Но дело в том, что я не член Общественной палаты, я член двух президентских советов – по правам человека и по культуре, что тоже, считаю, достаточно серьезно. Что касается оппозиции власти. В России журналистика и литература очень часто выполняли функции отсутствующей политической оппозиции или выражали настроения действительно оппозиционной части политического класса, который в силу сложившихся обстоятельств не мог себя так позиционировать. Проще говоря, борьба в двадцатых-тридцатых годах у коммунистов, несмотря на монополию политической власти, все равно шла очень жесткая. И была своя оппозиция, что оборачивалось различными внутрипартийными скандалами и интригами. Большинство писателей и журналистов пострадали впоследствии не за свои литературные грехи, а именно за то, что они были активными участниками и выразителями той или иной политической группы. Например, абсолютно антикоммунистически настроенный и даже имевший в своем послужном списке службу в Белой армии Михаил Булгаков умер своей смертью, а пламенный революционер, работавший активно на органы НКВД, Михаил Кольцов был расстрелян. Ну и так далее, примеров очень много.

Сейчас у нас, я считаю, все-таки постепенно складываются условия формирования и структурирования политической оппозиции. Твердящие о том, что у нас нет политической оппозиции, видимо, вспоминают расстрел Белого дома. Но тогда все претензии не к Путину, а к Ельцину. А нужна ли нам политическая ситуация, следствием которой могут стать такие эксцессы? Я думаю, что не нужна. И я очень надеюсь, кстати говоря, что сейчас вокруг Партии жизни, которая слилась с пенсионерами и т. д., сформируется партия социалистической ориентации. Говорят, вот, мол, у американцев, демократия. Но надо понимать, что у нас совсем

другая политическая история. Ведь не рвут на себе волосы американцы оттого, что они только в тысяча восемьсот шестьдесят пятом году отменили рабство. Французы же не комплексуют из-за того, что они дали избирательные права женщинам только в середине двадцатого века. Они же не объявляют все предшествовавшие этому годы каким-то мрачным средневековьем! У каждого своя политическая и экономическая история. Уверен, страна развивается нормально, причем именно в путинский период. К примеру, во времена Ельцина я со своими политическими взглядами никогда бы не стал главным редактором «Литературной газеты». И никакой вообще газеты. Почему? Потому что как раз тогда, при Ельцине, оппозицию очень здорово прижимали. А сейчас, я считаю, у нас оппозиция более-менее живет, и дай ей бог.

Людмила, Москва:

– *Как вы относитесь к политике в настоящий момент и в какой партии вы состоите или хотели бы состоять?*

– Уважаемая Людмила, вам я сразу хочу сказать, что в России писатель не может быть аполитичным, у нас так сложилось. Хотя есть литераторы, декларирующие презрение к политике – Акунин, Улицкая... Но это маска. Просто само по себе участие в политическом процессе бывает разное. Это может быть и известное коллективное письмо «раздавите гадину», с которым наши либеральные интеллигенты, вроде Чудаковой, обратились к Ельцину, и он пролил кровь по просьбам интеллектуалов. Но и публицистика – тоже политика. Вот я, например, много пишу статей. Они у меня вышли даже отдельной книжкой под названием «Порнокрапия». Так что я абсолютно нормально отношусь к политической деятельности. А все разговоры о том, что «я вне политики», смешны. Я знаю писателей, которые сначала заявляют «я вне политики», а потом отправляются за счет агентства по культуре в какую-нибудь загранкомандировку, и первое, что они делают там – начинают нести Россию именно за политику. Какой же это аполитизм? Нет, это тоже политика, но только причудливая.

А состою я в «Единой России». Вступил несколько лет назад, увидев в ней проект «партии российской государственности». Меня в ту пору очень беспокоил именно этот вопрос: в одной из своих статей я назвал такое состояние общества «государственной недостаточностью». По аналогии с сердечной недостаточностью. Не могу сказать, что я работаю в «Единой России» активно. Да и сама партия, на мой взгляд, неверно относится к состоящим в ней творческим работникам. Как-то она не очень в них заинтересована, это мне навеивает некие печальные аналогии, но пока я в ней состою. Другой партии государственного строительства у нас покуда еще нет.

СМИ.Ru:

– *И, тем не менее, вы достаточно тепло отозвались о Партии жизни, а вернее, «Справедливой России»...*

– У каждого человека есть прошлое. В свое время я состоял в достаточно мощном «Движении реалистов», которое возглавлял тогда Юрий Петров. Потом это движение трансформировалось в партию «За новый социализм». И я от этой партии в конце девяностых даже баллотировался в парламент. Слава богу, не прошел, но опыт был полезный для писателя. Мне очень близка социал-демократическая идея. И я вижу, что «Справедливая Россия» социалистическую идею развивает. Мне это нравится. Почему я должен это скрывать?

Степан, Москва:

– *В чем вы видите национальную идею России?*

– На этот вопрос я отвечу коротко. В свое время, когда была общая ажитация по поводу этой самой национальной идеи, я предложил свою формулировку, которая состоит из трех «Д» – духовность, державность, достаток. Для особо интересующихся есть еще и четвертая

«Д» – демократия. Хотя я лично считаю, что понятие демократии входит в державность. Но некоторые так не считают, поэтому пусть будет четыре «Д». В принципе, в данной формуле, на мой взгляд, есть все, что должна содержать национальная идея. Духовность – это развитие нашей национальной, культурной традиции. Державность – это укрепление государственности, использование в государственном строительстве имманентно присущих нам способов организации народа в государство, а не навязанных извне. Достаток – речь о том, что в России богатство никогда не уважалось, Россия всегда была ориентирована на достаток, и люди в нашей этнической и религиозной традиции накопленное часто в конце жизни передавали на какие-то благие дела. То есть культ денег любой ценой у нас никогда не было, и то, что сейчас это пытаются навязывать, конечно, неправильно. Ну а демократия – это для тех, кто не понимает, что державность сама по себе подразумевает демократию. Если вспомнить историю, у нас была империя, у нас было самодержавие, но у нас было земство. А в Америке была демократия и одновременно плантаторское рабство. Что лучше, империя с земством или демократия с рабством? Вот тут пусть каждый решает для себя сам.

Николай Гошко, Одинцово Московской области:

– Юрий Михайлович, нет желания написать «ЧП общероссийского масштаба» (комсомольцы четверть века спустя)?

– Николай, видимо, не читал мои последние вещи. Я никогда не оставлял судьбы героев без внимания. В моих романах «Замыслил я побег» и «Небо падших» как раз прослежена капиталистическая судьба героев ЧП и «Апофегея». Кстати, готовя пяти томник к своему пятидесятилетию, я еще раз перечитал текст и понял, насколько литература тонко чувствует грядущие исторические катаклизмы. Я писал о комсомольских, партийных функционерах и бюрократах, а на самом деле вышло описание внутриутробного периода развития российских капиталистов, российских олигархов и т. д. Вот это поразительно! Хотя тогда, в восемьдесят первом году, когда я закончил «ЧП районного масштаба», мне и в голову не могло прийти, что мои герои через всего-то десять лет станут капиталистами. Но так как это произошло, я решил вернуться к их судьбам. Меня даже кое-кто критиковал за то, что я пишу все про этих комсомольцев и комсомольцев. А я всегда говорил: «При чем здесь комсомольцы? Не вешайте ярлык – «партия», «комсомол»! Да, такие были формы организации общества, и это надо воспринимать без какой-то эмоциональной оценки: хорошо или плохо». Опричнина – хорошо или плохо? А декабристы – хорошо или плохо? Кому как. Если вы, допустим, перечитаете «Апофегей» и сравните его с «Духless» Минаева, то увидите: он по сути продолжает мои темы. Заметьте, даже названия: «Апофегей» – неологизм, который тогда подхватил народ, и «Духless» – бездуховность, означают примерно одно и то же. Та же самая жизнь аппаратчика, только у меня комсомольского или партийного аппаратчика, а у Минаева аппаратчика-менеджера. Те же проблемы: или нормальная нравственная жизнь или карьера любой ценой, или любовь или похоть, и т. д. Нынешнее поколение литераторов думает, что оно упало с неба – ничего подобного. Они выросли из нашей поздней советской литературы.

Наталья, Москва:

– Юрий Михайлович, в ваших книгах, как правило, потрясающе интересные женские образы. Это мечта о невозможном самого Юрия Полякова или «собираемые» образы?

– В литературе образ всегда собирательный. Еще Толстой советовал: чтобы персонаж вышел живым, надо иметь перед внутренним взором какого-то знакомого или знакомицу. Это нормально. Потом образ все равно в тигле творчества переплавится, но первоначальная жизненность останется. А мой интерес к женским образам объясняется тем, что отношения мужчины и женщины, в моем понимании, являются главным содержанием литературы.

Игорь, Киев:

– После прочтения романа «Грибной царь» возник вопрос: а вам самому доводилось пользоваться услугами проституток?

– Вообще-то, есть такие вопросы, которые писателям задавать неприлично. Ведь так можно договориться до крайностей. Скажем, у меня в новой пьесе, которая сейчас репетируется в Театре сатиры, возникает история лесбийской любви. Один из моих героев, допустим, гомосексуалист, значит, выходит, и я нетрадиционной ориентации. А я – традиционной. Это какое-то, я бы сказал, упрощенное понимание литературы. Писатель черпает информацию о жизни не только из своей собственной практики. Те авторы, что отталкиваются исключительно от личного опыта, очень быстро исписываются. Как правило, это авторы одной-двух книг. Серьезными же писателями становятся те, кто умеет аккумулировать и моделировать чужой жизненный опыт. Потому что пройти через все сам ты не можешь. При всем своем желании, если писатель мужчина, он даже на час не сможет побывать в теле женщины. Кстати, многие читательницы признавались, что мне удалось очень точно описать чисто женские эмоциональные состояния, даже физические...

Е. Трофимова, Москва:

– Мат в литературе – допустимое явление? Или же употребление оного автоматически снимает с произведения статус художественности и переводит его в разряд чтива?

– Вопрос достаточно сложный. Я считаю, что, если писатель хорошо владеет родным языком, он всегда сможет, обойдясь без мата, вызвать у читателя необходимые ассоциации. Понимаете, есть такое табу на употребление ненормативной лексики. Оно же не случайно возникло, значит, есть какие-то внутренние механизмы, если то, что можно в мужской бане, уже нельзя при женщинах. Общество каким-то образом регулирует эти отношения через язык. Почему литература должна их нарушать? Если писатель не задумываясь использует нецензурную брань, почему тогда, скажем, актеры не могут испражняться на сцене? Это тоже есть в жизни, правильно? Мне кажется, нецензурная брань идет во многом просто от неуверенности в себе, от неумения достичь художественного эффекта не запретными средствами. Хотя, надо сказать, что у некоторых писателей нецензурная брань просто вызывает отвращение, как, скажем, у Ерофеева. А, допустим, в романах Лимонова она у меня почему-то отвращения не вызывает, хотя все равно я считаю, что можно было обойтись и без нее. Это, видимо, зависит от таланта. Если человек талантлив, и он все-таки решил пойти на употребление табуированной лексики, даже в таком случае он находит какую-то приемлемую форму. Но это уже сравнительный анализ. В целом же я считаю: раз есть такое табу, значит, так надо. В противном случае литература с нецензурной бранью должна продаваться там же, где порнуха и фаллоимитаторы и т. д. Это уже не общенациональная литература, а ее маргинальный фланг. Детей и подростков надо держать от него подальше.

Оксана, Московская область:

– Юрий Михайлович! Кого бы из современных молодых писателей вы бы назвали талантливым? Кого бы порекомендовали читать? А то заходишь в книжный, глаза разбегаются, а начинаешь читать – неинтересно...

– Надо сказать, талантливых молодых писателей достаточно много. Я просто здесь не хочу, что называется, переходить на личности, кого-то можно забыть – обидятся. В этой связи я бы рекомендовал следить за обзорами «Литературной газеты». Мы стараемся давать достаточно объективную картину, независимо от того, нравится нам, допустим, стилистическая направленность автора или не нравится.

Мария, Москва:

– *Уважаемый Юрий Михайлович! В последние несколько лет создалось впечатление, что «ЛГ» стала уж слишком политизированной. А вот литературы как раз там немного осталось. Не хотели бы исправить ситуацию?*

– Я уже сталкивался со случаями, когда люди, давно не читавшие «ЛГ», задают подобные вопросы. Как раз последние пять лет я и потратил на исправление вот этого перекоса, потому что когда я пришел в газету, она была действительно слишком политизированной. А сейчас у нас политика занимает в газете две полосы, а литература 6–7 полос. То есть даже по сравнению с советской «Литературной газетой» у нас литературы стало гораздо больше. Я уже не говорю о приложениях. Так что нет, Мария, наоборот, мы все время наращиваем именно культурологическую составляющую нашей газеты. Читайте нас почаще, тогда таких вопросов не будет.

Кирилл, Москва:

– *Ходят слухи, что скоро «Литературку» продадут или вовсе закроют. Так ли это? Кроме того, говорят о том, что особняк в центре Москвы, где сейчас расположена газета, будет отдан коммерческим структурам. Если это случится, куда переедет Ваша газета?*

– Такие слухи ходят постоянно. Это связано с тем, что газета не принадлежит сотрудникам, как, скажем, некоторые другие издания. В свое время газету сотрудники продали, причем продали очень неудачно – «Менатепу». Проку от этого никакого не получили, только одни убытки. Потом «ЛГ» оказалась в собственности московского правительства и АФК «Система», которые и сейчас являются нашими акционерами. И у акционеров могут, наверное, быть какие-то планы в отношении «Литературной газеты», но мне о них ничего не известно. Думается, я как главный редактор узнаю о них первым, потому что, естественно, смена собственника – это, как правило, и смена главного редактора. Что касается закрытия газеты, этого не может быть, потому что этого не может быть никогда. «Литературная газета», основанная Пушкиным и отметившая сто семьдесят шесть лет, – это такое же достояние российской культуры, как Третьяковская галерея, как Большой театр и т. д. Более того, в отличие от многих газет, которые кичатся своей самостоятельностью, а на самом деле сидят на игле дотации, мы являемся изданием на полной самоокупаемости. Мы не стоим нашим акционерам ни копейки. Мы живем за счет собственных доходов. Я получил газету с колоссальными долгами – по зарплате, по гонорарам, по налогам, и, слава богу, мы вышли из этого кризиса и вот уже четвертый год живем спокойно с нормальным постоянным приростом тиража. За это время наш тираж больше чем в три раза увеличился. Это уникальный случай. Конечно, я имею в виду качественную прессу. Так что в этой ситуации мне кажется, что у акционеров нет никаких резонов избавляться от весьма самодостаточной и престижной газеты.

Анастасия, Санкт-Петербург:

– *Учусь на факультете журналистики и читаю много прессы. В том числе и «Литературную газету». Но всякий раз читать ее – нет сил. Потому как «Литературка» – это читиво точно не для двадцатилетних и даже тридцатилетних. Многим интересным на мой взгляд событиям в вашем издании внимания не уделяется. Вопрос: что будет раньше – мне исполнится пятьдесят и тогда «Литературная газета» наконец-то станет источником интересной информации или же вы все-таки сделаете шаг в сторону молодой аудитории?*

– По нашим исследованиям, примерно тридцать процентов читателей «Литературной газеты» – это люди моложе тридцати лет. По тем же данным, у нас очень приличное количество читателей-старшеклассников, которые с помощью «Литературной газеты» готовятся к поступлению в высшие учебные заведения. Ведь мы одно из немногих изданий, дающих объективную картину культурного процесса. Не ее флангов, как, скажем, «Знамя» – либералы, «Наш современник» – патриоты, а совокупную картину. Многие учителя пользуются нашими публикациями для подготовки уроков по современной литературе. Так что, если студентке жур-

фака Анастасии не понятна «Литературная газета», кажется, что мы не о том пишем, видимо, она неправильно выбрала себе профессию, и еще не поздно ее поменять. Если бы уважаемая Анастасия была студенткой косметологического колледжа – такое отношение к «Литературной газете» выглядело бы вполне естественным. Но если ей, студентке журфака, не по силам «Литературная газета», это не наша проблема, это ее проблема.

Диев, Омск:

– Почему с девяносто первого года в «ЛГ» исчез юмор на шестнадцатой странице и почему «ЛГ» перестала публиковать «аналитику» по образованию в России?

– Вот опять случай, когда вопрос задается человеком, который «Литературную газету» не читает. У нас никогда не исчезал юмор, шестнадцатая полоса как была, так и есть. Другое дело, что к нынешнему юмору лично у меня, как у главного редактора, очень много вопросов. Все попытки как-то его осовременить наталкиваются на проблему новых авторов. Но у нас каждый номер шестнадцатая полоса – это юмор. Теперь по второй части вопроса. Мы постоянно печатаем материалы о системе образования, об учебниках, о школьной программе и т. д. Если исключить какие-то профильные издания («Литература в школе» и т. п.), то «Литературная газета» – больше всех из номера в номер публикует материалы по образованию в России. По нашим публикациям в свое время было принято решение о серьезном анализе учебников, в которых самым натуральным образом оболгана российская история. Совсем недавно в газете была дискуссия по проблеме уменьшения количества часов литературы и истории в школе. Мы об этом постоянно пишем. Еще раз я призываю дорогих читателей СМИ.Ru: вы все-таки сначала почитайте «ЛГ», а потом уж ее критикуйте!

Марина Ло Ре, Kaufbeuren:

– Уважаемый Юрий Михайлович! С удовольствием читаю «Литературную газету» – очень интересно наблюдать за тенденциями в литературе. Сфера моей духовной привязанности – искусство и поэзия. Недавно пыталась выслать вам в редакцию несколько стихотворений, но не уверена, что сообщения получены. Разрешите задать следующий вопрос: каким образом происходит отбор материалов (поэзии) для публикации в «Литературной газете»? Можно ли надеяться на ответ/рецензию присланных произведений? Заранее благодарю. Всего доброго!

– Мы все-таки отдаем предпочтение в первую очередь писателям, которые живут в России и вместе с нею переживают ее тяжелые годы. Хотя у нас публикуются и авторы, живущие сейчас за рубежом. Например, мы печатали стихи победителей пушкинского конкурса в Лондоне, на который съезжаются поэты со всего мира. Я даже был два раза членом редколлегии этого конкурса. Что же до стихов Марины, видимо, они не показались интересными сотрудникам отдела поэзии. До меня они не доходили. Если Марина не надеется на объективную оценку отдела литературы, пусть она их еще раз вышлет на мое имя, я как бывший поэт и кандидат наук, защитивший диссертацию, посвященную поэзии, их внимательно посмотрю.

Илья, Москва:

– Публикует ли «ЛГ» неизвестных авторов? Принимаются ли рукописи по электронной почте?

– Да, рукописи принимаются по электронной почте. И мы очень заинтересованы в публикации как раз неизвестных молодых авторов. Я не страдаю поколенческим шовинизмом. Есть некоторые главные редакторы, в поведении которых это присутствует: они видят только своих ровесников, с которыми вместе когда-то начинали. Я же, наоборот, считаю, надо давать возможность молодым писателям выходить на публику. Тем более что в настоящее время, к сожалению, все наши фонды, журналы, альманахи сориентированы на «чернушную» или

истошно экспериментальную ветвь молодой литературы. Получилась абсолютно зеркальная ситуация. Во времена моей литературной молодости и зрелости, а я был секретарем по работе с молодыми писателями Союза писателей РСФСР с восьмьдесят пятого по девяностый год, я помогал экспериментальному направлению. Тогда все это было внове, и им очень трудно было пробиться в издательства. Хорошо помню, как пробивал книгу Вишневского в издательстве «Современник». Ее не хотели печатать, потому что тогда это была какая-то новая форма: то ли короткие стихи, то ли хохмы. Так что экспериментаторам тогда надо было помогать, а у писателей традиционно-реалистического направления дела шли более-менее нормально. Им как раз давали больше премий, печатали и т. д. Но сейчас все с точностью до наоборот! Если ты фонтанируешь дерьмом, если у тебя постоянно какие-то эксцессы, наркотики, сексуальные перверсии, какой-то разорванный шизофренический стиль, тебе будут – книжки, премии, гранты, командировки за рубеж. Если же ты писатель с нормальным видением, с нормальным, классическим подходом, с ясной реалистической манерой, то тебе и сунуться некуда. Поэтому «Литературная газета» как раз помогает «ныне угнетенным». Сегодня в литературе угнетен здравый смысл. Вот мы стараемся теперь помочь здравому смыслу, хотя печатаем и писателей других направлений.

Марьян Беленький, Иерусалим:

– Достопочтеннейший Юрий Михайлович! Я – юморист, мои тексты исполняли Геннадий Хазанов, Клара Новикова и др. У меня сейчас авторские колонки и страницы в восьми странах, могу выслать портфолио. Я не раз посылал свои тексты в «Клуб 12 стульев» и ни разу не удостоился не то что публикации, но даже ответа. Считаете ли вы подобное положение нормальным?

– Я считаю, что это ненормальное положение. Особенно с учетом того, что у нас кризис юмора. И я, кстати, не исключаю, что этот кризис юмора во многом случился из-за того, что многие авторы-юмористы «Литературной газеты» в свое время уехали на постоянное место жительства за границу, в том числе и в Израиль. Несколько моих друзей-юмористов, товарищей литературной юности, живут там. Так что мы очень заинтересованы в подтягивании свежих юмористических сил. Поэтому к Марьяну у меня будет та же просьба, что и к «угнетенной» Марине – прислать свои работы на мое имя. Но здесь есть и еще один деликатный момент. Специфика «Литературной газеты» такова, что в ней работают не журналисты в чистом виде, а писатели, занимающиеся журналистикой. Они почти все члены Союза писателей, авторы книг и т. д. А писатели, к сожалению, очень часто склонны испытывать чувство ревности. Иногда бывают случаи, когда рукопись застревает. Ну, не нравится она, скажем, заведующему отделом – и все тут. Вот, например, в замечательном журнале «Новый мир» времен Твардовского была прекрасная проза и очень слабая поэзия. Почему? А потому что поэзией занимался лично Александр Трифонович. Естественно, ему с его высот все казалось плохо, хотя в те годы были очень крупные поэты, которые потом прославились. Присылайте ваши тексты, будем разбираться.

«Яйцами Фаберже Россию не накормишь»

Он дебютировал нашумевшей повестью «ЧП районного масштаба». С тех пор вот уже два десятилетия Юрий Поляков остается одним из самых читаемых писателей. При этом его книги не отнесешь к легкому, необременительному чтиву. Кроме фирменного поляковского юмора, увлекательности, в них всегда есть острый социальный анализ, горькая правда о нашем больном, трудно выздоравливающем обществе.

– *Ваши книги «мужские» или «женские?»*

– Никогда не думал, что стану автором «мужских» романов, интересных, впрочем, также и женщинам. Мне всегда казалось и кажется до сих пор, что членение литературы по половому признаку – нелепость. Однако, как писали в советских учебниках, «художественная реальность часто оказывается шире замысла автора». И вот как-то раз, вскоре после того, как моя семейная сага «Треугольная жизнь» увидела свет, произошел занятный эпизод. Во время пафосного юбилейного мероприятия один из руководителей нашего государства, удивив охрану, изменил направление торжественного движения, решительно направился ко мне, отвел в сторону и тихо сказал: «А знаете, вы в «Побеге» прямо-таки про меня написали!» Впоследствии я неоднократно слышал подобные признания от своих чиновных и бесчинных читателей, и это навело меня на мысль, что в душе даже самого образцового семьянина таится брачный беглец. А один мой давний приятель сказал даже так: «Ты, Поляков, сдал нас, мужиков, с потрохами!»

– *Как вы к этому отнеслись?*

– Выражение «сдал» преследует меня, чуть ли не с самого начала литературной деятельности. Сначала я «сдал» в повести «ЧП районного масштаба» комсомол. Потом в «Ста днях до приказа» – армию. Затем – партию, в «Апофегее». Далее, в «Демгородке» – демократию. Позже в романе «Козленок в молоке» – писательское сообщество. И вот, наконец, сочинив «Замыслил я побег...» и «Грибного царя», сдал мужиков как таковых... Сначала меня это выражение немного задевало, но, со временем я стал гордиться. Ибо в это слово читатель вкладывает совершенно особый смысл – признает, что тебе, как автору, удалось выйти на некий новый, непривычный, удивляющий и даже шокирующий уровень душевной искренности, социальной достоверности и художественной убедительности. Главная миссия художника и заключается в том, чтобы «сдать» свое время, своих современников, да и себя самого, то есть сказать читателям такую правду, какую они сами себе не смеют или еще пока не умеют сказать. Только умоляю, не путайте эту правду жизни с откровенной чернухой, когда вам рассказывают не о жизни, а об отходах жизнедеятельности организма или общества. Разумеется, писатель на белый свет может взирать отовсюду, даже из унитаза, но в таком случае у читателей складывается ложное впечатление, будто весь наш мир населен исключительно задницами и гениталиями. А разве ж это так?

– *Насколько сюжет ваших книг соответствует личному опыту?*

– Мой личный опыт соотносится с моей прозой примерно так же, как тело танцора соотносится с танцем, который он исполняет. Уточню: я почти никогда ничего не придумываю, окружающая жизнь настолько богата необыкновенными событиями и колоритными личностями, что дело писателя – их разглядеть, изъять из реальности и перенести – живыми – в свои сочинения. Другое дело, что в поисках героев и ситуаций я «роюсь» не только в своей жизни, но и постоянно заглядываю в судьбы моих друзей, родственников, знакомых и даже случайных попутчиков и попутчиц. Но нельзя просто так взять и переставить человека из реальности в текст, ничего не получится. Прототипы, чтобы стать полноценными литературными героями, должны значительное время пожить во внутреннем мире писателя, теряя случайные и закреп-

ляя в себе типичные черты, пропитываясь авторской индивидуальностью. Литературные персонажи не заготавливаются впрок, как соленые рыжики к Новому году. В процессе сочинения они спонтанно востребуются из сонма себе подобных, обитающих в авторском подсознании.

– *А как обстояло дело со «Сто днями до приказа»?*

– Я написал то, что я видел в армии, когда служил. Это была моя ранняя проза. Ранняя проза всегда отличается максимальной близостью к жизни. Ну, я, конечно, чуть-чуть смягчил какие-то вещи, но не сильно. Меня несколько раз на читательских конференциях спрашивали: «А почему у Вас не отражена гомосексуальная жизнь казармы?» Я отвечал, что моя жизнь в казарме не была связана с этим делом. У нас такого не было. Если у кого-то было, пусть пишут и про это...

– *А если сравнить ту армию и сегодняшнюю?*

– В казарму пришло то, чего не было в мое время – колоссальная социальная напряженность. Армия снова стала рабоче-крестьянской. Туда призываются дети тех людей, которые в результате «реформ» обограны и унижены. Естественно, они эту социальную напряженность, социальное отчаяние приносят в армию. Это первое. Второе. При советской власти тоже были национальные противоречия, но они достаточно строго контролировались. Сейчас у нас страшное обострение национальных конфликтов, даже на исконных русских территориях, где ничего подобного никогда не было. И это все приносят с собой призывники в армию. А еще за эти пятнадцать лет людей убедили в том, что в армии служить позорно. Человек, идущий в армию, считает, что над ним совершается насилие. А над ним не совершается насилие, он просто выполняет свой долг. Пока есть срочная служба, она для всех. И пока она была во Франции, в Германии, в Италии, где, кстати, только-только начали переходить на контрактную службу, это считалось долгом мужчин. А у нас за пятнадцать лет, благодаря либеральным СМИ, убедили людей в том, что они приносят свою молодую жизнь на алтарь минотавра. Ничего подобного! Они отдают свой долг отечеству. И когда они станут старыми и беспомощными, молодые ребята будут защищать их, если не дай бог, что-то случится.

– *Вы упомянули социальную напряженность. Насколько эта проблема сейчас актуальна?*

– Чрезвычайно! Главная проблема нашего общества – совершенно противоестественное, не укладывающееся в здравый смысл имущественное расслоение. А ведь это произошло в обществе, которое почти семьдесят лет было достаточно монолитным, где таких колоссальных расхождений не было. СМИ и телевидение пытаются всячески это противоречие сгладить, вывести в формат фарса, какой-то социальной иронии, но это ничего не решает. Расслоение, которое Россия имела накануне Октябрьской революции, формировалось веками и во многом определялось личными качествами – трудолюбием того или иного рода, клана, семьи. Тем не менее и это в конечном счете привело к колоссальному социальному взрыву. Но мы же отлично знаем, что расслоение, которое произошло в девяностые годы, в редчайших случаях связано с личными качествами. Как правило, это просто стечение обстоятельств, родственные отношения, криминальные навыки и т. д., и т. д. На мой взгляд, это колоссальная мина под нашим социумом, которую нужно срочно обезвредить. Разумное перераспределение в социально приемлемой форме должно произойти. И покупка яиц Фаберже проблемы не снимает.

– *Говоря о национальных противоречиях, как вы относитесь к грузинской проблеме?*

– Как государство Грузия, увы, встала на путь конфронтации с Россией. На мой взгляд, это акт чудовищной исторической неблагодарности, потому что, если бы не Георгиевский трактат, по которому Грузия стала частью России, Грузии бы сегодня просто не было. Это была бы часть Турции и Ирана. Как стала Турцией часть Армении. Грузия в период вхождения в Российскую Империю увеличила свое население и благосостояние, разжилась Южной Осетией и Абхазией. В советский период это вообще была одна из самых богатых республик. Гораздо богаче, чем российская часть нашей советской империи. Элита Грузии всегда равноправно

входила в элиту России: даже сегодня, когда Грузия стала самостоятельным государством, президент Российской академии художеств – грузин Церетели. А всякая историческая неблагодарность очень сурово карается по еще неведомым нам мистическим законам развития человечества. Конечно, против замечательного грузинского народа никто ничего не имеет. У всех у нас масса друзей грузин. Но дело в том, что народ, хочет он этого или не хочет, отвечает за лидера, которого пустил к власти. Не все немцы хотели Гитлера. Но все немцы ответили за Гитлера. Не все россияне хотели Ельцина, но все мы расплачиваемся за его рокировки и загогулины. К сожалению, и грузинам придется отвечать за русофобию и тинэйджерский американизм Саакашвили.

– *Вы писали об отношениях мужчины и женщины. Насколько социальные потрясения затронули семью?*

– Вообще семейный союз двух человек – странное сооружение, оно может развалиться в пору тихого благоденствия от шанелевого ветерка, поднятого прошелестевшей мимо женской юбкой, а может защитить тех же двоих от бешеных ударов исторической бури. Как это произошло в начале девяностых, когда обрушился привычный, спертый советский мир, и на его обломках в мгновение ока выросли душные крокодиловые джунгли «новой России». Сколько я перевидал в те переломные годы молодых интеллигентных женщин, которые со швабрами в руках в опустевших ночных барах и офисах спасали свои внезапно обнищавшие семьи! А их любимые мужья тем временем надеялись перележать ненавистные перемены на диванах. Но были и другие мужчины, наделенные особым даром превращать любой жизненный мусор в деньги. Нет, такой не покорился, он быстро разбогател и вдруг взглянул на свою спутницу с брезгливым недоумением, как на свой единственный, давно залоснившийся инженерский костюмчик. И началась эпоха мужского сексуального реванша, лихорадка эротического приобретательства, печальная для приличных семейных женщин. Когда меня упрекают в том, что в моих постперестроечных сочинениях слишком много эротики, я отвечаю: «Не моя вина, что на смену социализму в России пришел не только дикий капитализм, но и не менее дикий сексуализм!» Наш мужчина расставался с регламентированным советским прошлым по-крупному, как если бы он стал героем непотребного фильма, снятого порнографом-монументалистом. Впрочем, дамы в долгу тоже не остались: в страну на тонких лесбийских ножках вбежал феминизм, а затем грубо зашел и мужской стриптиз с продолжением на дому...

– *Почему вы обратились к грибной теме?*

– Грибная тема довольно долго никак не проявлялась в моих писаниях, хотя с детства я буквально болен «тихой охотой». Должен с удовольствием сообщить, что неплохо разбираюсь в грибах. Когда я стал жить в Переделкине, то многие обитатели этого писательского поселка поначалу были уверены, что, гуляя по лесу, я собираю исключительно поганки, какими они, грибные невежды, считали фиолетовые, допустим, рядовки или еловые, скажем, мокрухи. Кстати, гриб, не создающий жизненно важный хлорофилл, а забирающий его у других растений, показался мне довольно удачным социальным символом, отражающим взаимоотношения тонкого слоя богатых с толщей обделенных и обобранных. И я решил созорничать: всем своим персонажам романа «Грибная царь» я дал грибные фамилии. Свирельников я образовал не от «свириели», а от «свирельника» – так в иных областях называют гриб трутовик. Первоначально даже наших трех президентов я переименовал по-грибному: Грибачев, Подъеломников и Паутинников. Но потом мой товарищ убедил меня, что я вроде бы как испугался назвать властителей их настоящими именами и проявил малодушие. Тогда я проявил многодушие и, кажется, зря...

– *Почему трилогию вы назвали «Треугольная жизнь»?*

– Треугольник – самая, наверное, распространенная фигура в геометрии любви. Надеюсь, теперь я и в самом деле «закрываю тему». Во всяком случае, для себя самого. Хотя кто

знает... Гарантий дать не могу. Да и вообще, автор не отвечает за свои слова, слова отвечают за автора...

– *Вы любите путешествовать? Какая ваша любимая страна?*

– Да, путешествовать я люблю. Самая любимая страна – Россия. И если у меня есть выбор: интересная поездка по России или за рубеж, я выбираю Россию. Кстати, сейчас мои пьесы широко пошли по стране, и я постоянно езжу на премьеры. Гоголь завещал: «Нужно проездиться по России». А писателю, живущему в столице, добавлю от себя, просто необходимо. Литература, питающаяся только тем, что происходит внутри Садового кольца, не нужна даже тем, кто внутри этого кольца живет...

*Беседовала Мария МАРТИРОСЯН
«Труд», 12 декабря 2006 г.*

2007

АнтиСМИтизм не пройдет!

Диалог председателя Союза журналистов России Всеволода Богданова и главного редактора «ЛГ» Юрия Полякова накануне Всемирного конгресса журналистов в Москве.

Юрий ПОЛЯКОВ: *Всеволод Леонидович, давайте для начала объясним читателям «ЛГ», что за Всемирный конгресс пройдет в конце мая в Москве.*

Всеволод БОГДАНОВ: Всемирный конгресс журналистов собирается раз в три года, предыдущий был в Афинах, перед этим – в Сеуле и Бразилии. Это яркое событие в жизни журналистского сообщества. Сто шестьдесят стран присылают свои делегации. Идет разговор о творчестве, о жизни журналистского сообщества. Обязательно – о правовой и социальной защите журналистов, о наших трагедиях, каждый год журналистов убивают. Всегда остро стоит вопрос: как сделать труд журналистов безопасным? В этом году есть одна особенность: по нашему предложению исполком Международной федерации журналистов (МФЖ) главной темой выбрал доверие к журналистике.

Почему так случилось, что журналистика теряет доверие читателя, зрителя и слушателя? Что происходит сегодня с обществом? В любой стране это большая проблема, потому что следом возникает другая – потеря обществом доверия к власти. Дальше проблемы нарастают как снежный ком: обостряются отношения между религиями, между национальностями и т. д. Поэтому каждый день конгресса тема падения доверия к журналистике будет повторяться в разных вариантах – наши коллеги вместе с политиками и другими представителями общества будут обсуждать эту проблему.

– Какова российская делегация на конгрессе? Какова вообще норма представительства?

– Норма представительства зависит от количества членов, состоящих в журналистской организации.

– А сколько членов состоит в нашем Российском союзе?

– Более ста тысяч человек. У нас будет большая делегация – делегаты и участники конгресса. Делегаты – те, кто будет голосовать, например, за изменение в уставе или по другим важнейшим вопросам жизни мирового журналистского сообщества, кто будет оценивать работу Международной федерации журналистов, его исполкома. Участники конгресса получают возможность участвовать в дискуссиях, круглых столах. Их будет не менее тысячи из восьмидесяти пяти региональных союзов России. Я думаю, что настоящая журналистская элита у нас сегодня в регионах. Во многих городах есть прекрасное телевидение и радиовещание, районные и городские газеты за последние годы потеряли в тиражах, однако гораздо меньше, чем столичная пресса. Там работают журналисты, которые в большей степени, чем столичные, чтут моральные заповеди нашей профессии.

– Итак, главная тема конгресса – доверие к журналистике. Меня это чрезвычайно вдохновляет! Именно об этом, о безответственности пишущего, порождающей недоверие читающего, я написал в тысяча девятьсот девяносто шестом статью. Называлась она «Словоблуждание». Однако руководство газеты, где я был в ту пору постоянным и даже любимым автором, вернуло мне материал со словами, что такие жесткие обвинения в адрес журналистского сообщества могут быть опубликованы лишь в газете «Завтра». Любопытно, что напечатала ее «Российская газета», тогда только-только становившаяся на крыло. Тем не менее еще совсем недавно говорить о вопиющей девальвации печатного слова, о «десовестиза-

ции» журналистики считалось чуть ли не красно-коричневым моветоном. И вот, пожалуйста, Всемирный конгресс...

Мне кажется, недоверие к журналистскому слову – явление общемировое, и продиктовано оно прежде всего включением СМИ в глобальную систему манипуляции общественным сознанием. Имеются, конечно, местные особенности. Например, в США это недоверие во многом связано с тем, как тамошняя пресса освещала причины и ход войны в Ираке. Есть немало фактов, когда корреспондентов, пытавшихся говорить правду, просто выгоняли с работы.

В России разочарование вызвано прежде всего тем, что многие издания и каналы, в конце восьмидесятых не пощадившие целую страну ради свободы слова, затем на глазах у любившего правду общества преспокойно улеглись под олигархов или под «определенные политические круги». Причем сделано это было не под дулом тирании, а по зову сердца и общечеловеческих ценностей с именами академика Сахарова и жертв ГУЛАГа на устах. А ведь в нашей истории был период, когда именно мастера слова, создававшие в сознании людей требуемую картину мира, во многом определяли будущее страны. Примерно с восьмидесят седьмого по девяносто третий год. Да, им сильно не нравился такой строй, при котором ради идеи социальной справедливости попиралась реальная свобода. И они сознательно выбрали и способствовали установлению строя, при котором ради идеи свободы попирается реальная справедливость. Этого-то большинство соотечественников им и не может простить. По моим наблюдениям, доходит до своеобразного «антиСМИтизма». Люди не просто не доверяют СМИ, они начинают их ненавидеть. За ложь!

– Я бы обратил твоё внимание на одно очень важное обстоятельство того времени. Имею в виду нищету. И материальную, и духовную. Тогда мне приписали фразу: наш журналист и деньги возьмет, и правду напишет. Но это вовсе не так. Журналист, который брал деньги, их отрабатывал. Помню, как в девяносто шестом году я поспорил с Чубайсом, который возглавлял избирательную кампанию Ельцина, по поводу газеты «Не дай Бог!», куда были закачаны огромные деньги. Состояние нищих духом и материально людей использовать было очень легко. Люди растерялись. Каждый пытался защитить себя, свою семью, спасти свою редакцию, которая худо-бедно его поддерживала и давала хоть какую-то надежду на будущее. Зарплаты были – пятьдесят-сто долларов. Требовать от журналистов подвига было невозможно. В ходе избирательных кампаний брали деньги от любых партий, от кого угодно, чтобы спасти свое СМИ. А спасти отечество, спасти общество – об этом никто не задумывался.

А потом пришли глобализация, геополитические веяния с крепкими мускулами. Все с энтузиазмом заговорили об Интернете, о том, что новые информационные технологии спасут мир. В это время директором ЮНЕСКО был Федерико Майор, гуманист, философ, который высказал большую тревогу по этому поводу. Он говорил, что у каждого народа есть своя культура, свои традиции и нельзя от них отказываться, как не стоит отказываться от всего хорошего, что несет глобализация. Жить надо по совести, по нравственности, по Библии. Многие к этому отнеслись с улыбкой.

Впрочем, поначалу с улыбкой относились и к политтехнологиям. Теперь мы отчетливо видим, как они работают. Сначала большинство американцев, обработанных политтехнологами, активно высказывались за начало войны в Ираке. Авторитетные газеты поддерживали президента Буша, а сейчас идут на попятный. Вот, оказывается, как легко сейчас обмануть целую страну.

У нас политтехнологии тоже властно вторглись в жизнь. И кто этим занимается? О людях, которые их реализуют, нельзя сказать, что они блистают образованием, знанием истории и психологии. Наши политтехнологи работают в интересах, как правило, одной личности или одного клана. Досужие люди уже выстроили пирамиду: вершина – политтехнологи, чуть ниже – пиар-агентства, а в самом низу – журналисты, которых очередной министр печати назвал операторами связи, информаторами, которым нужно знать свое место.

И, несмотря на великую историю российского журнализма, вся эта шулерская подмена понятий прошла почти незаметно. Пиар-технологи праздновали победу. Но это пиррова победа. И вовсе не окончательная. Журналистика сохранилась в регионах, но не везде. И именно оттуда произойдет ее возвращение.

Что такое журналистика? Она формирует общественное мнение точно так же, как искусство, как наука, но это сиюминутная оценка происходящего вокруг тебя. Хорошее СМИ – это нация, которая разговаривает сама с собой, это вещь, от которой ни в коем случае нельзя уйти.

Но мы говорим о потере доверия к журналистике, потере доверия к власти, потере доверия в обществе и даже в семье. И все это взаимосвязано. Вот в телерекламе дочь говорит по телефону, что пошла в библиотеку и не будет ночевать дома, а мать, смеясь, комментирует, что дочь влюбилась. Это так мило и забавно. Можно посмеяться, а можно подумать с горечью, сколько здесь переступлено нравственных границ, и это у нормального человека вызывает недоверие к тому, что происходит в телевизионном эфире. Ложь, обман становятся нормой жизни, нормой отношений между людьми. Это маленькая, кажущаяся милой ложь, но порождена она ложью большой, той, которой болеет наша пресса.

– Журналистика не только умеет подменять понятия, она умеет изобретать фантомные угрозы и, наоборот, реальные угрозы представлять в виде общечеловеческих ценностей. Что, ответьте, общего у американской демократии и русского фашизма? Общее, оказывается, то, что о них все пишут и говорят, но никто не видел на самом деле ни первой, ни второго... Это всего лишь два журналистских мифа – светлый и темный.

Крах советской цивилизации привел к перемене участи миллионов людей. Учителя становились челноками, боевые офицеры сторожили автостоянки, космические специалисты чинили кофеварки, медицинские светила выводили из запоя бритоголовых братков... Журналистика тем временем оказалась одной из немногих профессий, повысивших свой социальный и материальный статус среди всеобщего краха, потому что информационно прикрывала борьбу за власть и собственность. Косноязычный и нудный Евгений Киселев имел на НТВ такую официальную зарплату, какой, наверное, тогда не получал весь наш Генеральный штаб, вместе взятый. Пенсионеры рылись по помойкам, а «Независимая газета» давала устричные балы!

Один мой знакомый журналист в ту пору бодро и талантливо писал о том, что-де не надо держаться за свою прежнюю, советскую профессию и, если микробиология не кормит, надо научиться, например, класть керамическую плитку или устанавливать бронированные двери в элитных новостройках. Но вот наступил 1998-й. Сверхфинансирование журналистики закончилось, во-первых, потому, что грянул дефолт, а во-вторых, потому, что с властью и собственностью в общих чертах разобрались. И столько борзописцев, стоящих на информационном шухере, уже больше не требовалось. И вот мне звонит этот мой знакомый и жалуется, что, мол, журнал, где он безбедно проработал несколько лет, закрыли. Я ему возьми и посоветуй в шутку: мол, давай переквалифицируйся в монтеры стиральных машин. Обиделся смертельно! С тех пор не общаемся. А ведь я ему всего лишь посоветовал сделать то же самое, чему он рьяно и за хорошие деньги учил страну почти десять лет! Люди не могут простить журналистам того, что они навязывали обществу те принципы и нормы существования, по которым сами-то жить совсем даже не собирались. Это, если угодно, и называется медийной подлостью. И только когда каток доехал до них самих, они спохватились. Да поздно...

Я согласен с тем, что в губерниях сегодня подлинной журналистики, а не медийной манипуляции гораздо больше, чем в Центре. Почему так произошло? Наверное, потому, что в провинцию по-настоящему капитализм еще не дошел. Там осталось немало «советской власти» и в хорошем, и в плохом смысле этих слов. Там иной раз больше цензуры, но гораздо меньше этого омерзительного понятия «неформат», по сравнению с которым прежний Главлит – это

просто какой-то комитет помощи инакомыслящим сочинителям. Говорю это вам ответственно, как человек, повести которого запрещались цензурой в восьмидесятые годы.

Наверное, для того, чтобы журналистика как вид деятельности начала возвращать себе доверие общества, надо для начала вернуться хотя бы к советской внутрицеховой этике... Но насколько это возможно?..

– Я не стал бы так пренебрежительно говорить о советской этике. Я ведь всю жизнь работал журналистом и могу сказать, что этика той поры была очень жесткой. Не могу забыть, какие нравы были у нас в «Советской России» в восьмидесятые годы. Помню, наш фельетонист приехал из Вологды и написал фельетон, и тут кто-то пустил слух, что вернулся он из командировки в новой дубленке. Отправили в Вологду специального человека – проверить. Не нашли никакого криминала, но имя человека было замазано, и он ушел из газеты, не смог больше работать фельетонистом.

В те времена, когда мы ездили за границу, то слышали там, что у нас, дескать, не журналистика, а пропаганда. Но мы все по-другому к этому относились. Да, пропаганда у нас действительно была, но были и очерки в «Известиях», в «Советской России», документальные очерки на телевидении, которые защищали простого человека, боролись с коррупцией. Мне думается, что грехопадение российской журналистики началось с предательства. С предательства самого себя, когда ты брал деньги и писал заказной материал, пытаясь спасти свою семью. И это предательство впоследствии привело к очень большим бедам для самого себя. Если ты сам себя уличил в предательстве, то сколько ты увидишь предательства вокруг по отношению к тебе! Я потерял очень многих друзей, людей, с которыми дружил в школе и в институте.

У меня был друг, который занимался космосом и тоже остался без работы. Когда мы встретились, то я почувствовал, что он относится ко мне как к виновному за крах его карьеры. Очень неприятно было. Предательство – самая страшная вещь. Если мы возьмем любую библейскую заповедь, то это искушение одно из самых сильных, когда ты можешь легко оправдаться, почему ты так поступил. Момент предательства касается не только тебя самого, но и оценки истории, оценки жизни твоих родителей. Меня ничто так не шокировало за последние годы, как предательство по отношению к нашим родителям.

Я имею в виду не только историю Отечественной войны. Наши родители были святыми людьми, они жили только ради будущего, будущего своих детей и будущего страны. В молодости я работал на Колыме. Сейчас мы говорим о разгуле преступности, о том, что дети пропадают, а на Колыме в шестидесятые-семидесятые годы работало много прекрасных людей, ученых, горняков, и большинство – бывшие эки. Но это были в высшей степени высоконравственные люди. У них было желание помочь друг другу, была потрясающая искренность.

Помню одного грузина, который прошел лагеря, потом работал замдиректора завода горного оборудования. Он написал трактат «Колымская нация» – о людях, прошедших самые горькие, самые тяжелые испытания в жизни. Во время войны люди, которых по большому счету предали, на добытое золото покупали самолеты и танки, шли воевать и становились героями. Я сам об этом писал в газете. Нет, я не умиляюсь той жизнью, а говорю о том, что вера оставалась. Люди не предали самих себя и свои убеждения в тех страшных, нечеловеческих условиях.

Мне сегодня горько не только за родителей, которые воевали – и отец, и мать. Не только за бабушку из Архангельска, которая родила шестерых детей, все дети – участники войны – вернулись израненными... Но была любовь к Отечеству, никому не приходило в голову, что слово «патриотизм» станет бранным словом. Мы столько до основания разрушили в человеке... Да, наверное, во многом виноваты журналисты, которые пошли на поводу... И ничего к лучшему в жизни не изменится, пока мы не вернем себе веру.

– Это же рукотворные процессы: укрепление веры и ее разрушение. Вспомните, как старательно и целенаправленно с помощью тележурналистики все девяностые годы разрушали патриотическое сознание. Создали целую антипатриотическую субкультуру! В девяносто

третьем году я опубликовал в «Комсомольской правде» статью «Россия накануне патриотического бума». Так на меня смотрели как на ненормального. А теперь? Те же самые люди, которые радостно твердили о «последнем прибежище негодяя», запели теперь (правда, через силу) о любви к Отечеству. Почему? Да потому, что власть поняла: когда в Центральной Европе размещают ракеты Patriot, безумие – иметь в России население, настроенное с помощью СМИ антипатриотично... И пошла соответствующая команда из-за голубых елей.

Но ситуация гораздо сложнее. Самую лучшую идею можно реализовать так, что все схватятся за голову. Любой самый гениальный гимн можно исполнить в темпе собачьего вальса. Это мы сегодня и наблюдаем. А дело в том, что верхний слой людей, занятых в российской информационной сфере и культуре, относится к народу примерно так же, как франкоговорящее дворянство позапрошлого века относилось к своим дворовым. Более того, многие из них принадлежат к «герострате». Это мой термин. Я образовал его из двух слов – «Герострат» и «страта». Означает он особый слой людей, которые сознательно или подсознательно нацелены на разрушение того общества, в котором живут. Герострата есть в каждой стране, но только в России конца двадцатого – начала двадцать первого века выходцы из геростраты составили изрядную часть политического класса и медиасообщества. Все эти люди, а также результаты их деятельности у нас каждый день перед глазами...

– Жизнь всех этих людей, конечно, периодически освещается в прессе и на телевидении, жизнь всех этих людей, которые сегодня фактически распяли Россию. Но нет сегодня и никакого высокого морального авторитета, за которым бы пошла нация. Была передача по телевидению, там речь шла о духовных пастырях. Есть такой журналист-литератор Свиноаренко, он в присущей ему манере, с хорошим юмором задает вопрос одному из трактователей нынешнего образа жизни: ты назови мне пять человек, которых ты лично уважаешь и которые влияют на мировоззрение общества, на оценки того, что происходит. Тот смутился, потом обрел второе дыхание и говорит: «Владимир Владимирович Путин». – «А еще?» – «Лихачев». – «Я просил пять». – «Тогда Солженицын. И хватит, больше никого не назову».

Мы, которые придумали слово «духовность» и объясняли иностранцам, что это такое, не можем назвать абсолютно достойных людей в такой громадной стране. А эти бесы, о которых ты говорил, они непопулярны сегодня и не находят отзыва ни в чьей душе, но так или иначе они властители жизни. Я подумал, что параллельно с этим и в журналистике произошло что-то подобное. Те имена, которыми мы гордились, – Глеб Успенский, Владимир Короленко, Валерий Аграновский, Татьяна Тэсс, журналисты с улицы «Правды», чьи материалы читала вся страна, – эти люди были, жили среди нас и творили.

Была традиция вешать газеты на стенды, и утром смотришь – стоят люди, читают. Стенды кое-где сохранились, но сегодня никто не остановится и читать не будет. И тиражи упали не только потому, что появились Интернет и дорогая подписка, – мы сегодня пришли к ужасной ситуации по отношению к чтению, к литературе.

На заседании правительства Москвы были представлены показатели Америки и Скандинавских стран, где везде есть Интернет, но уровень чтения в пять-шесть раз выше, чем сегодня в России. И это уже не просто бесовщина, в этом я вижу направленную стратегию. Когда начались конфликты у немцев после объединения двух Германий, я помогал спасти одно их партийное издание. Они меня сильно заужавали, и тут же, еще в наше партийно-советское время, дали мне урок, что пресса не должна быть партийной. Я с трудом в это верил. Я возмущался, когда они травили Коля. «Он столько для вас сделал, для Германии, – говорил я, – а вы истоптали, обгадили, как только могли». Они мне ответили, что таких политиков, как Коля, у нас сотни, десятки, общество их знает, они выступают в газетах, на телевидении, у каждого свои идеи, свой бзик, своя программа. А вы, все русские, – редкостные идиоты, у вас кто-то один появляется, и больше ни-ни, нет никаких светлых людей и светлых проектов.

– У нас, так же как и у немцев, много и серьезных политиков, и мыслителей, которые мыслят эпохами и поколениями, а не выборными кампаниями. Но о них мало кто знает. Покойный А.С. Панарин определил основные направления российской политической мысли нового века! Вы давно слышали это имя по телевизору? Думаю, вообще не слышали. По телевизору у нас рассказывают про Киссинджера и Бжезинского... Лучшие советские журналисты в свое время совершали невозможное, чтобы сделать достоянием общественного сознания те явления и фигуры духовной жизни, которые официальной системой не приветствовались. Сошлюсь на того же Льва Гумилева, теория которого считалась тогда не очень марксистской. Именно журналисты сделали его общественной фигурой. То же самое с Лихачевым...

– Хорошо, что ты Гумилева назвал, может быть, он и не очень великий ученый, но он очень многое сделал для осознания любым живущим в нашей стране самого себя, заставил задуматься...

– Я тоже прошел через это, в восемьдесят первом – восемьдесят шестом годах был редактором газеты «Московский литератор», маленькой, но достаточно влиятельной в литературном мире. Мы старались печатать авторов через «нельзя», вводить в интеллектуальный оборот то, что не укладывалось в марксистскую парадигму. А сейчас наоборот: все, что не укладывается в убогую либерально-интернациональную модель, безжалостно отбрасывается или замалчивается.

– Еще хуже – я думаю, в какую-то сиюминутную формулу...

– ...О Панарине я уже говорил. А Зиновьев? Как только он начал с симпатией вспоминать советскую цивилизацию, его тут же оттеснили на периферию. Солженицына, как только он подверг сомнению либеральные реформы, просто выбросили из телеэфира.

Меня недавно пригласили в треп-шоу «Большие», идущее на канале «Культура». Я встретился с молодыми журналистами, которые делают молодежную и студенческую прессу. Перед этим я полистал их газеты и журналы. И вот что меня поразило: у этих молодых людей нет даже желания рассказать своим читателям что-то отличное от того, чем набиты глянцевики. Помните, раньше именно в молодежной, комсомольской прессе можно было отыскать то, чего никогда не было ни в «Правде», ни в «Известиях». В этом был кураж первопроходцев... Нынешняя молодежная пресса – это та же самая гламурно-либеральная фигня, изготовленная по принципу «тех же щей пожисже влей». И сидели передо мной шесть молодых журналистов, абсолютно самоуверенных, абсолютно влюбленных в себя. А когда я сказал, что основная задача главных редакторов – искать таланты, они обалдели: какие таланты? Зачем нам кого-то искать? Все есть в Интернете... Боюсь, Шукшин в наше время и до Москвы не доехал бы...

– То, что мы проходили с тобой: через работу, через какие-то нравственные метания, через трудные поступки, – все это сегодня отвергнуто. Опять читаю про олигарха. Описывают его жизненный путь. У него судимость, после нее он стал миллиардером, потом он стал хорошим человеком, и это все произошло в течение трех-четырех лет. Естественно, ты понимаешь, что все это не трудами он заработал. Дело в случайностях и в поступках, которые вряд ли признаны моралью.

Вторая проблема: вот идет передача, дискуссия о национальных проектах. Оппоненты причитают, что все ужасно, национальные проекты проваливаются, а Соловьев говорит: вот официальные данные – деторождаемость выросла в несколько раз, смертность уменьшилась. Оппонент пытается ему сказать, что за несколько месяцев рождаемость не могла вырасти. Нет, говорит он, все в порядке.

Есть еще газеты, которые пытаются быть оппозиционными, в которых говорится, что это все неправда. Любой нормальный читатель пытается разобраться, что к чему. В одном месте он читает о том, что деторождаемость поднимается, в другом – что она опустилась. И в результате

что происходит – конечно, человек спросит себя: зачем мне эти газеты и журналы, разве что ради кроссвордов? Статистика не должна подаваться так или этак. А сейчас какую сферу жизни ни возьми – что экономику, что политику, что демографию, – где она, точная и достоверная информация?

– Это специально делается так.

– Ты правильно подметил, специально делается. Это часть политехнологии. И делается так, чтобы решить какие-то срочные, сиюминутные задачи в интересах узкого круга. Разумеется, тут и речь не идет о таких приземленных вопросах, как воспитание полноценных детей, внедрение в народное сознание высоких нравственных ценностей, воспитание трудолюбия. А без трудолюбия нет профессионала в политике, нет настоящего сельского труженика, который выращивает хлеб. Мы что угодно покупаем в Европе. Я сделал открытие, когда впервые попал в Альпы. Наша северная изба – точь-в-точь дом в Альпах. Это большое здание – летняя часть, где живут люди, на заднем дворе держится скот, корма. Там уже давно все цивилизовано в условиях рынка: какое количество коров надо содержать, чтобы было выгодно. А у нас погибли холмогорские породы скота, Северная Двина обмелела. А на Колыме все, что построено с жуткими жертвами – города и поселки, – гибнет. Потому что у тех людей, у которых ресурсы, все связано с жизнью вне России.

Мы начали сибирскую экспедицию «Сибирь – будущее России», встретились с настоящими людьми-патриотами, губернатором Ханты-Мансийска, который начинал строить эти места и не считает возможным уехать оттуда. Ханты-Мансийск выглядит сегодня как какая-то северная Швеция, у людей высокий уровень жизни. Он создал галерею, купил работы старинных русских мастеров. Мне в голову не приходило, что у нас может быть такой же подход, как в Арабских Эмиратах, когда думают о будущем. Но нельзя сказать, что эта экспедиция вызвала большой интерес в Москве.

Один этап экспедиции был в Тюмени. Бывшему в то время губернатором Собянину задали вопрос: «Какие у вас отношения с местными олигархами?» Он очень точно ответил: «Они живут не у нас, они живут в Москве или за границей, а мы живем на налоги от своего труда и на них строим свой город...» Но я думаю, что людям нужны личности – герои, которые пришли, победили, защитили. Это все глаголы не нашего времени.

– Политика СМИ сегодня, конечно, изменилась по сравнению с девяностыми годами. Но чаще это имитация государственного подхода. Вот пример. Состоялась встреча президента Путина с творческой интеллигенцией в рамках столетия академика Лихачева. На ней кое-что было сказано по поводу конфликта СТД и питерского Дома ветеранов сцены. Но в основном говорили о другом. Единодушно, независимо от политических и эстетических пристрастий – о тлетворном влиянии телевидения. А еще был прочувствованный монолог Путина о необходимости строительства русского мира, о необходимости консолидации людей вокруг русского языка, русской культуры... Журналистов туда нагнали тучу, одних камер штук двадцать. Я срочно в номер, чтобы всех опередить, пишу отчет, «Литературная газета» выходит под шапкой «Мы русский мир построим»... И что же? Оперезжать-то было некого! Ни одна газета, ни один канал ни слова не сказали ни о президентском проекте строительства русского мира, ни о телевизионном беспределе... Только о том, как Калягин что-то там не поделил с ветеранами сцены... Получается, «неформат» распространяется даже на президента? Это очень опасно!

– Мне думается, что сама атмосфера, которая создана за последние годы в обществе, и определила ценность того, что есть в нашей жизни самое главное. Недавно я разговаривал с журналисткой из одной московской газеты, два часа убеждал ее, что пиар – это не журналистика, это два разных вида деятельности. Ты не поверишь, я ей объяснял, а она мне говорит: хорошо, что вы мне объяснили, а то у нас в газете больше платят за заказной материал, то есть оценка совершенно другая.

Смещение этих понятий и ценностей приводит к такой ситуации, в которой мы сегодня оказались. У меня вопрос: как ты думаешь, можем ли мы когда-нибудь прийти к нормальным отношениям общества с властью, общества с прессой?

– Думаю, да. Во-первых, власть и СМИ должны прийти к такому примерно соглашению: власть не покушается на свободу слова, но свобода слова не покушается на государственность. Во-вторых, информационное пространство должны формировать люди, которые по мировоззрению, целям, принципам неразрывно связаны с нашей страной. К сожалению, у нас сейчас влиятельная политическая журналистика нередко страдает «синдромом Карла Радека», который, как известно, в конце концов и сам запутался, на кого он работает. У нас ведущие центральных политических программ – люди с двойным гражданством. Я не ханжа, жизнь может сложиться по-разному, но беда не в том, что у такого властителя эфирных дум в кармане два паспорта, а в том, что у него два паспорта в голове! Для торговли колготками это не важно, может быть, даже и хорошо – хоть три паспорта. А вот для работы в сфере, формирующей общественное, гражданское сознание, это недопустимо... Доходит до анекдота. На канале «Культура» есть такой Сэм Клебанов, который ведет передачу о современном российском кино, будучи дистрибьютором продукции западных кинокомпаний. Догадываетесь о направленности его передач? И в-третьих. Власть не должна воспринимать журналистику как пуховую информационную перчатку на своей твердой руке.

– Как оператора связи.

– Да, не должна воспринимать как оператора связи. Только объективная, интеллектуально насыщенная, разумно оппозиционная пресса может стать для власти надежным источником информации и новых идей, необходимых для принятия правильных политических решений. Политики, которые ради достижения сиюминутной электоральной выгоды окружают себя информационными холуями, неизбежно и стремительно деградируют. Очень скоро избирательная урна становится для них урной Истории...

– Я хочу закончить наш диалог такой мыслью: самое главное, чтобы журналисты вспомнили о своей самой главной зависимости, зависимости от того, кто нас читает и слушает. Это человек, равный в обществе с властью. И разговаривать с ним надо на равных. И вернуться к тем истинам, через которые мы сегодня переступили. Здесь ничего придумывать не надо. Добро есть добро, зло есть зло, зависть – поганое чувство. И мы сегодня не сделаем ничего хорошего в плане упрочения доверия, если будем тасовать, как карты, эти понятия.

«Литературная газета», № 20, май 2007 г.

Семья – это много людей

Известный писатель Юрий Поляков о современном театре и о своих пьесах

Юрий Поляков широко известен своей прозой: «ЧП районного масштаба», «Сто дней до приказа», «Апофегей», «Замыслило я побег...» «Грибной царь» и другие любимые читателем вещи. Но не все знают, что в последние пятнадцать лет на сценах ведущих московских и многих периферийных театров с огромным успехом идут его пьесы: «Контрольный выстрел» (МХАТ им. А.М. Горького), «Козленок в молоке» (Театр им. Рубена Симонова), «Хомо эректус» и «Женщины без границ» (Театр сатиры). Их не жалуют критики, зато жалуется зритель. «Козленок в молоке» выдержал 500 аншлагов, а «Хомо эректус» собирает не первый сезон полный зал в полторы тысячи мест. Наш корреспондент встретился с Юрием Поляковым, чтобы поговорить с ним о современной драматургии.

– В фильме «Гараж» Эльдара Рязанова молодой археолог знакомится с женщиной-филологом, которая занимается советской сатирой, и говорит ей: «У нас с вами одинаковые профессии. Мы занимаемся тем, чего нет». Любопытно: в советское время было убеждение, что сатиры нет, а вот наступит свобода, и сатира появится. Но сейчас-то мы понимаем, что это не так. Где новые Маяковские, Зощенко, Ильфы и Петровы, где сатирические фильмы, равные тому же Рязанову? Не говоря уже о Гоголях и Щедринах? Почему при монархических и авторитарных режимах сатира есть, а при либеральных – нет?

– При авторитарных режимах искусство и литература включены в жестко структурированную политическую систему и выполняют во многом роль отсутствующей политической оппозиции. Умная авторитарная власть пользуется этим и не позволяет сатире исчезнуть. При демократии искусство вытесняется на периферию общественной жизни, на первый план выходит политическая борьба. Сатира уже не воспринимается как оппозиция. Ну, зубоскалят, и ладно. У нас ведь сейчас много писателей с сатирическим затесом мозгов, сатирический модус повествования пронизывает всю постмодернистскую литературу. Но этот модус не востребован из-за ошибочного представления о том, что, мол, достаточно тех демократических институтов, которые существуют. Хотя история показывает, что их совсем не достаточно.

– Вы противоречите сами себе. Как раз ваши сатирические пьесы пользуются успехом во МХАТе имени Горького, в Театре сатиры, в последнее время они очень востребованы периферийными театрами. В связи с этим вопрос. Еще в школе нам объясняли, что эффект комического рождается из снижения высокого. Простой пример: «Голый король». А что сейчас-то «снижать»? Все высокие понятия давно снижены и оплеваны. За счет чего вы достигаете комического эффекта?

– Сатирическое мироощущение более сложная вещь, чем принято думать. Комизм может достигаться за счет столкновения разных стилей, игры с дополнительными смыслами. Перепад «высокое-низкое» можно показать не только на социальном уровне, но и на языковом. Это и есть по-настоящему стильный юмор. Как правило, режиссеры, взяв сатирическую пьесу, стараются за счет сценических придумок усилить ее комический эффект. С моими пьесами происходит иначе. Режиссеры говорили мне, что им приходится сдерживать комизм персонажей. Зритель не может смеяться непрерывно.

– Тем не менее, во время спектакля «Козленок в молоке» в театре Рубена Симонова стоит непрерывный смех. Как вы это объясните?

– Просто из нашего театра совсем ушла репризная комедия, которую наш зритель традиционно любит.

– *Что такое репризная комедия?*

– Когда актеры говорят сочным, афористичным языком, который не похож на язык повседневности. Посмотрите пьесы Оскара Уайльда и Бернарда Шоу. Какой там насыщенный афористический язык! Или вот интересный факт. Во время премьеры «На дне» Горького в старом МХТ зрители оглушительно смеялись. Это озадачило самого автора: ведь он писал совсем не смешную пьесу. Но его персонажи изъяснялись глубокомысленными афоризмами, не свойственными настоящим ночлежникам. Вот это я и называю вербальным юмором, на уровне языка. Вообще, у нас забыли, что театр это не жизнь. Попытка приблизить театральный язык к реальному языку потерпела неудачу. Даже герои Чехова норовят порассуждать о «небе в алмазах».

– *Однако как прозаик вы стали известны благодаря реализму. «ЧП районного масштаба», «Сто дней до приказа» – это суровая правда жизни, а не театр.*

– Самое любопытное, что, когда эти повести не пускали в печать, одной из главных претензий начальства было: зачем я смеюсь над армией и комсомолом? Потом, когда вышли «Апофегей» и «Демгородок», говорили: зачем вы смеетесь над Ельциным и демократией? То есть меня упрекали не за суровую правду, а за комический эффект. Кстати, это сразу почувствовали в театре, и вся моя проза стала активно инсценироваться. Сегодня уже мало кто помнит, что знаменитый театр-студия «Табакерка» Олега Табакова начинался с инсценировки повести «ЧП районного масштаба» – спектакль «Кресло». В ленинградском ТЮЗе шла пьеса «Работа над ошибками», хохот в зале стоял тоже непрерывный, хотя это довольно серьезная вещь. В восемьдесят седьмом году на сцене Александринки поставили «ЧП районного масштаба». И закрыли в день премьеры.

– *Почему?*

– Не устраивал комический эффект. Потом у меня была долгая история с ныне покойным худруком театра им. Маяковского Андреем Гончаровым. Он очень хотел поставить «Апофегей», эта повесть была чрезвычайно популярна, в конце восьмидесятых она разошлась миллионным тиражом, помимо публикации в журнале «Юность». Мы с ним встречались, я сделал несколько вариантов инсценировок. Гончаров был человек осторожный. Он говорил: «Юра, уж очень ты издеваешься над партийным аппаратом. Еще не время». И вот пришел девяносто первый год. Я вернулся из Коктебеля, пришел к Гончарову. Он говорит: «Мы перечитали твою пьесу. А ведь недостаточно ты смеешься над коммунистами!» Так пьесу и не поставили.

– *Нет желания написать свой «Театральный роман»?*

– Нет, но какие-то театральные воспоминания я в своих новых вещах непременно использую. Работать с театром сложно. Бесконечно надо переделывать, одному кажется – одно, другому – другое. Иногда думаешь: какого черта я этим занимаюсь? В девяностые годы я практически отошел от театра, и вернулся только сейчас.

– *Зачем? Вы и так успешный писатель.*

– Я понимал, что это колоссальная трата нервов и времени. Решил: буду писать только прозу. Но сам-то я продолжал ходить в театр. И то, что я видел, приводило в ужас. Или это была классика, изуродованная до неузнаваемости, когда, например, в «Трех сестрах» у барона и Соленого гомосексуальная связь, а поскольку барон хочет жениться на «натуралке», то Соленый его убивает. Или это была «чернушная» пьеса о современности, без героев, без конца и начала. Театр упал до уровня маргинальной литературы конца восьмидесятых годов, которая повествовала исключительно про бомжей и проституток. Понятно почему: эти темы были табуированы, и в пике цензуре о них хотелось писать. Но время изменилось, а театр остался с прежними темами. Помойки, инцест, наркотическая ломка и т. п. Между тем в стране происходили социальные и нравственные процессы ничуть не менее значительные, чем во времена

Октябрьской революции. Но Октябрьская революция дала колоссальную драматургию, а наша – почему-то нет. Если посмотреть на «Любовь Яровую» не зашоренным взглядом, это ведь почти шекспировские страсти. Кроме того, девяностые годы были гомерически смешными! Например, все политические персонажи просто напрашивались в фарс. Особенно Ельцин.

– *Может, театр и вышел на улицы, на трибуны? Зачем идти в театр, достаточно было включить телевизор?*

– Возможно... Но жизнь – это не телевизор, а телевизор – не театр. За минувшее десятилетие жизнь людей сильно изменилась. Появились коллизии, которых раньше не было. Вчерашний скромный научный работник, у которого в шкафу лежала одна рубашка и джинсы, вдруг становился олигархом. Очень серьезно изменились отношения между мужчиной и женщиной. Между ними вдруг оказались большие деньги. Раньше аспирантка выходила за доктора наук, и что она получала? В лучшем случае, трехкомнатную квартиру в центре Москвы и четыреста пятьдесят рублей оклада мужа. Неплохо, но это же не остров в Эгейском море и не акции крупнейшего в Европе алюминиевого комбината! В результате любовь снова стала предметом купли-продажи.

– *Вернулось время драматурга Островского?*

– В какой-то степени. Но в театре-то ничего этого не было, он прошел мимо новых конфликтов. И тогда я решил: напишу такую пьесу, которую сам бы посмотрел с удовольствием. Мне хотелось соединить в пьесе традиционную для нас рефлексию, обостренное восприятие социальных и нравственных проблем с юмором. Чтобы это было по-русски серьезно, но при этом так же смешно, как у Шоу, Уайльда, так же остросюжетно, как у Жана Ануя и Джона Пристли, когда до последней сцены и последней фразы ты не можешь понять, чем закончится история. Я понимал, что это трудно, потому что у нас нет традиции остросюжетной драматургии. Это было у Островского, но потом пришли Чехов, Андреев, Горький, Найденов, Булгаков... Это великая драматургия, но какие особые события происходят у Чехова или даже в «Днях Турбинных»? Там эффект драматизма достигается за счет другого. В советское время остросюжетные пьесы писал разве что Александр Гельман, ныне почти забытый. И мы, помните, затаив дыхание, следили, чем же закончится «Заседание парткома». Мне хотелось все соединить – написать: а) комедию, б) остросюжетную комедию, в) лирическую комедию и г) социальную комедию. А подтолкнул меня к сочинению пьес кинорежиссер Владимир Меньшов. Как-то мы поехали с ним в Дом творчества, чтобы вместе написать сценарий. В результате все вылилось в споры о судьбах России. Но он сказал: «Юра, вам надо писать пьесы. В вашей прозе очень живые диалоги». Тогда я поделился с ним своими планами. Он сказал, что все это вместе соединить невозможно. Но я из чувства противоречия решил все же попробовать. Так появились моя первая оригинальная пьеса «Левая грудь Афродиты».

– *Есть кино с таким названием.*

– Пьеса понравилась режиссеру Александру Павловскому, и он снял по ней фильм. В результате кино затмило сценическую версию, которая идет в театрах. Потом я работал со Станиславом Говорухиным на фильме «Ворошиловский стрелок», снятом по повести Виктора Пронина, прописывал в сценарии диалоги. Говорухин сказал: «Давай, напишем пьесу!» Так появился «Контрольный выстрел», который с успехом идет в МХАТе Дорониной. Это семейная пьеса. Глядя на сегодняшнюю драматургию, возникает ощущение, что семьи у нас вообще нет. А у нас на сцене сталкиваются два мира: старый и новый. Настоящий конфликт эпох всегда происходит в семье. Например, примирение «белой» и «красной» идеи началось тогда, когда дворянки стали выходить замуж за краснофлотцев. А в нашей пьесе дочь вчерашнего советского академика, создателя «ядерного щита», выходит замуж за олигарха.

– *Эта тема отчасти возникает и в вашей пьесе «Халам-бунду». Там тоже «новый русский» появляется в семье профессора-историка. Семейная тема есть и в «Хомо эректусе».*

Как вам пришла в голову идея написать пьесу об отечественном варианте «свинга», когда мужья обмениваются женами? Кажется, это характерно для Запада, а не для нас.

– Раньше было не характерно. А теперь представители нарождающегося среднего класса ради свежести ощущений тоже обращаются к «свингу». Уже есть клубы свингеров. Но у нас это, естественно, приобретает «самобытный» характер. Отсюда и комизм ситуации.

– И наконец, о вашем последнем спектакле «Женщины без границ», который поставил Александр Ширвиндт. Он и смешной, и довольно грустный. Как возникла его идея?

– Это правильный вопрос – про идею. Не верьте, когда вам говорят, что хорошая пьеса была написана сразу, в один присест. Хорошая пьеса всегда долго придумывается. Нужно найти такой ход, которого ни у кого не было. У меня есть несколько знакомых-театроведов, на которых я проверяю сюжеты будущих пьес. Если они говорят мне, что такого еще не было, тогда я начинаю писать. Замысел «Женщин без границ» возник давно, до «Левой груди Афродиты». Но окончательно оформился только сейчас. Я вдруг понял: между мужчиной и женщиной, которые живут вместе, всегда стоят (или лежат) те люди, которые были в их жизни раньше. Мы неизбежно о них думаем, вспоминаем, сравниваем... И тогда я решил «материализовать» эти тени прошлого. Они не просто оживают и ведут диалоги с героями, но и начинают вступать в сложные отношения между собой. Так ведь на самом деле и происходит в любой семье. Семья – это не два человека, это много-много людей – живых и ушедших.

Беседовал Павел БАСИНСКИЙ «Российская газета», 3 июня 2007 г.

Поляков – это бренд

С вопроса о фестивале «Киношок» и начал беседу с Юрием Михайловичем наш корреспондент в Германии Сергей ДЕБРЕР.

– *Какое впечатление произвели на вас конкурсные фильмы?*

– Сложное. Огорчили ленты, представленные Россией: по разным причинам они оказались неконкурентоспособными. Общее впечатление таково, что кинематограф, который развивается на пространстве бывшего СССР, достаточно депрессивный. Печальными оказались даже картины, сделанные в манере «тотального стеба».

– *Кто-то из критиков назвал «Киношок» «фестивалем для людей с железными нервами». Вы разделяете такое мнение?*

– В общем, да, эти картины не для слабонервных. Например, в получившем диплом «За остроту постановки и провокативность нравственной проблематики» эстонском фильме «Магнус» снимается отец юноши, покончившего жизнь самоубийством (он рассказывает всю эту тяжелую историю). На демонстрационном просмотре был показан и балабановский «Груз 200», который произвел на меня чудовищное впечатление. Я люблю этого режиссера, но тут он поставил эксперимент, лишний раз все нам доказывающий: как дерьмо не спрессовывай, алмаз не получится. Так что определение «фестиваль для людей с железными нервами» довольно меткое.

– *В две тысячи пятом году вы упрекали российских мастеров культуры за их отказ бойкотировать фестиваль в латвийской Юрмале.*

– Я и сейчас упрекаю. «Литературная газета» задала нескольким десяткам наших писателей и артистов один вопрос: «В тридцатые годы передовые мастера культуры бойкотировали фашистскую Германию за антисемитизм, в восьмидесятые годы многие западные страны бойкотировали СССР за Афганистан, а готовы ли вы бойкотировать фестиваль в Юрмале, пока там прославляют нацистов, а русское население бесправно?» И ни один из опрошенных не сказал:

«Да, я готов». Одни мрачно промолчали, вторые цинично ухмыльнулись, а третьи прикинулись инфантильными гениями, которые выше всего этого...

– *Но сейчас «Киношок» оказался готовым сам принять кинематографистов всех трех стран Балтии, а вы были председателем жюри этого фестиваля. Разве в Прибалтике изменилось отношение к нацизму?*

– Одно с другим, на мой взгляд, никак не связано. «Киношок» – российский фестиваль, на российской земле. И мы рассматривали представленные на нем фильмы как художественные произведения, хотя в некоторых явно заложена идеологическая составляющая. Так, в казахской ленте ощущается навязчивое до нелепости желание переписать историю, представив русских спившимися дикарями, которых снисходительно цивилизуют казахи. Впрочем, после того, как недавно в Астане пионерка в зеленом галстуке стала рассказывать делегации главных редакторов российских изданий про «русских колонизаторов», у меня вообще не осталось иллюзий.

В интервью 2005 года, насколько я помню, мы с вами говорили о том, что если сталкиваешься с явным неуважением к твоему государству, его героям и символам, нужно действовать жестко. К деятелям культуры это относится не в последнюю, а в первую очередь. Если дело касается каких-то нюансов и хитросплетений политики – это один разговор: дипломаты утрясут. А когда речь идет о попрании базовых ценностей и национальных святынь, то надо бить в колокола, а иногда и в морду!

Я не навязываю свою точку зрения. Но думаю, что некоторые прибалтийские политики, если бы в один прекрасный день все наши мастера культуры отказались приехать к ним в страну

на фестиваль, мотивируя это неуважительным отношением к ветеранам войны с фашизмом, они, может быть, призадумались бы и пересмотрели свой, в общем-то, бредовый взгляд на исторические уроки Второй мировой. А так ведь что получается: Кремль бурчит, а звезды российской эстрады едут в Юрмалу, как к родным. Да и западное общественное мнение помалкивает, мол, пусть легионеры по Риге помаршируют, а Москва побесится... Двойной стандарт, который уже однажды Освенцимом закончился. Ведь что поразительно: ими подвергается пересмотру весь опыт Второй мировой.

– *Судя по тому, что иной раз «выдают» некоторые российские телеканалы, общественное мнение – вещь весьма управляемая.*

– Согласен. Зачастую то, что говорят некоторые наши телекомментаторы, выдавая это за общественное мнение, абсолютно не соответствует реальному настроению людей, отражая только мнение узкого московского слоя. Например, то, что лепит в эфире Познер, возмущает всех моих друзей и знакомых.

– *Ну вот, например, передачи Николая Сванидзе: насколько широкое общественное мнение они отражают?*

– Широкое? Не смешите! По поводу Сванидзе «Литературная газета» уже не раз выступала, печатала отклики читателей – резко отрицательные. Его буйный антисоветизм, пропитанный семейными обидами и комплексами, скорее из сферы стационарной психиатрии. Из того, что он говорит в эфире, десять процентов правда, остальное он замалчивает или перевирает.

Есть своего рода парадокс: картина советского периода, если опираться на научные и серьезные научно-популярные издания, – это одна история. А та история, которая вырисовывается из фильмов и передач, идущих по ТВ, в том числе «Исторические хроники» Сванидзе, – это другое, какие-то злобные фэнтэзи. Зрители не виноваты, что отец Сванидзе был заместителем главного редактора пресловутого советского «Политиздата». И если уж ты решил сводить счеты с советской эпохой, то начинай со своей семьи. Однако это обычная проблема потомков сталинских наркомов и отпрысков членов Политбюро: все кругом были плохими, исключая моего папу или дедушку. Но если все были исключениями, тогда кто же виноват? Сталин? Но Светлана Аллилуева утверждает, что он был добрым и заботливым...

– *Бездетные сироты?*

– Наверное. Но дело не в Сванидзе. В России нет механизмов воздействия общества на уровень и содержание телепередач. «Литературная газета» недавно напечатала целый цикл материалов о том, как в разных странах мира – в Америке, в Германии, во Франции, в Италии, в Англии – общество может влиять на политику телеканалов через общественные советы по СМИ. И на последнем заседании Совета при Президенте Российской Федерации по правам человека, членом которого я являюсь, мы как раз и говорили на эту тему. Выступили тележурналист Владимир Соловьев, политологи Виталий Третьяков и Сергей Марков, ваш покорный слуга, то есть – люди разных взглядов, разных позиций. Нас поддержали: нужны общественные советы! Наше мнение было выслушано президентом со скептическим пониманием. Хочется верить, что такой совет и в России когда-нибудь возникнет.

– *Насколько вы как член президентского общественного совета по делам культуры осведомлены о реализации государственной программы по репатриации российских соотечественников из-за рубежа?*

– Только в общих чертах, но в планах «Литературной газеты» – в самое ближайшее время серьезно заняться этой темой. Тем более что мы хотим стать своего рода творческим посредником в программе «Русский мир», о которой говорил президент. К нам в редакцию часто приходят письма от живущих за рубежом литераторов, пишущих на русском языке. Таких людей в мире много, немало и творческих союзов, объединяющих русскоязычных писателей. Мы печатаем «ЛГ» во Франкфурте и распространяем в Европе и США. Она востребована. Хотим

выпускать специальное приложение, ориентированное именно на творческую поддержку таких писателей.

– В интервью, которое вы давали осенью две тысячи пятого года, вскоре после выхода романа «Грибной царь», вы сокрушались, что нередко незнакомые люди реагируют на вашу фамилию, только когда узнают, что перед ними автор «ЧП районного масштаба», «Ста дней до приказа» или «Апофегея». В связи с этим вы тогда – в шутку, конечно, – сказали: «Если бы у меня хотя бы имя было какое-нибудь типа Автандил или Дормедонт, а у меня все – нейтральное». Вы до сих пор сожалеете, что вы не Дормедонт?

– Давно уже нет. Выражаясь современным слэнгом, «Юрий Поляков» – это уже брэнд.

– И брэнд «Polyakov» будет представлен на открывающейся одиннадцатого октября Франкфуртской книжной ярмарке сборником «Возвращение блудного мужа» на немецком языке. Кстати, почему до сих пор в Германии, в отличие от ряда других европейских стран и даже Китая, ваши произведения не издавались?

– Да вот как-то не везло мне с Германией. Еще во времена ГДР хотели издать «Сто дней до приказа». Но гдээрдовское начальство посчитало, что книга чересчур смелая, что немецкому народу ее читать еще рано. И то ли набор рассыпали, то ли перевод остановили – не знаю, тогда ведь все шло через Всесоюзное агентство по охране авторских прав и было покрыто тайной – для меня, во всяком случае. Вторая попытка была лет пять назад: тогда мой роман «Замыслил я побег» захотело выпустить одно мюнхенское издательство. Пригласили переводчицу, кстати, из «ости», знакомую с социалистическими реалиями, был сделан перевод, выплачен ей высокий гонорар, но проект по воле издателя остановился. Оказалось, переводчица абсолютно лишена чувства юмора, и перетолмачила все без тени улыбки. Вы можете представить себе мою прозу без иронии? И теперь третью попытку я делаю с помощью одной очень славной пары живущих в Ганновере наших соотечественников. Они прониклись моими книжками и очень энергично взялись за дело. Надеюсь, что со сборника «Возвращение блудного мужа» (в него вошли также рассказ «Красный телефон» и повесть «Подземный художник») начнется мой приход к немецкоязычному читателю.

«Русский Базар»,

Германия, 4–10 октября 2007 г.

За что Юрий Поляков прибил бы дочь?

Свой 83-й сезон московский Театр сатиры открыл премьерой мистической комедии Юрия Полякова «Женщины без границ». Представители секс-меньшинств тут же объявили Полякова чуть ли не главным гомофобом России.

С этой скандальной темы мы и начали беседу с популярным писателем и драматургом, главным редактором «Литературной газеты».

– Юрий, на официальном сайте российских геев и лесбиянок «Gay. Ru» вас объявили чуть ли не главным гомофобом страны, ссылаясь на комедию «Женщины без границ». Что же там такого, что вызвало такой гнев секс-меньшинств?

– Антигеевцем был. Гомофобом еще нет. Мотив однополый любви не является главным в моей пьесе, которая первоначально называлась «Он, она, они». Это история о том, что, вступая в середине жизни в новый брак, мужчина и женщина несут в себе груз опыта и воспоминаний прошлой жизни, прошлых связей. У героини в прошлом был опыт лесбийской любви, причем со своей начальницей, которая не сразу склонила ее к таким отношениям.

И вот что интересно! В академических монографиях сегодня спокойно рассуждают о лесбийских мотивах и адресатах лирики Цветаевой. Выходят фильмы, недавно по нашему ТВ шел длиннющий американский «розовый» сериал. Для «новой драмы» – это вообще нечто более естественное, нежели традиционная ориентация. Я думаю, все дело в жанре. Это комедия, а секс-меньшинствам, как и всем остальным, не нравится, когда над ними иронизируют. Ну, что скажешь? Вы хотели легальности – вы ее получили. Теперь живите по законам большого мира, где можно угодить и на зуб к сатирику.

Кстати, сейчас пьеса «Женщины без границ» будет ставиться в Ставропольском театре. Там меня попросили линию лесбийской любви смягчить. Мол, тамошний зритель консервативен и этих столичных штучек не поймет. Смягчил с удовольствием «натурала».

– Ваш спектакль ставил худрук Театра сатиры, всеми любимый Александр Ширвиндт. Как вам работалось с ним? И как бы вы оценили некоторые мнения, что Театр сатиры сейчас переживает не лучшие времена?

– Мне не совсем удобно давать оценку театру, где идут мои пьесы, но критикам Театра сатиры хочу посоветовать сравнить посещаемость его спектаклей и спектаклей других театров. В девяностые годы Театр сатиры, и не только он, попал в сложное положение из-за кризиса современной драматургии. А сатира, актуальная, подчеркну, сатира, практически исчезла. Хотя сама жизнь, все эти потрясения, трагические и комические, давала и дает неисчерпаемый материал для реалистической, точнее, именно жизненной драматургии.

Театралы поймут мой вопрос – разве то, что предлагают, скажем, Николай Коляда и его единомышленники может сравниться с драматургией Арбузова, Вампилова, Розова? Я не хочу себя ни с кем сравнивать, но я стал писать пьесы именно потому, что почувствовал зрительскую нужду в продолжении традиций отечественной драматургии.

– Говорят, что ваше сотрудничество с Театром сатиры было не безоблачным?

– Я доволен всем, в том числе и трудностями, которые были. Да, «Женщин без границ» начинал ставить другой режиссер, который не справился. За дело взялся Александр Ширвиндт и сделал все блестяще. А вот моя предыдущая пьеса «Гомо эректус» ставилась аж три года! Ее хотели снять, актеры отказывались играть. Я у одного из актеров спросил: «Почему ты не хочешь играть? Что смущает?» А он ответил: «Понимаешь, Юра, в постмодернистской хрени все легко, все понарошку. А тут такая правда жизни, что...» В общем, Андрей Житинкин все-таки поставил «Гомо эректус». Помню, как на худсовете Ольга Аросева сказала слова, которые

стали для меня самой лестной оценкой: «Через двадцать лет мы в Театре сатиры наконец-то получили настоящую сатиру».

– Но разве не, как вы выразились, «постмодернистская хрень» является ныне самым актуальным видом драматургии, что нам уже который год доказывает фестиваль «Новая драма»?

– Это фестиваль, которым руководит Эдуард Бояков? Родоначальник того направления, которому я дал название «бояковщина», и который долгое время руководил «Золотой маской»?

– Тот самый. Поразительно, но слово «бояковщина» употребляет и прославленный драматург Михаил Волохов, не раз на страницах «Правды. Ру» критически высказывавшийся о Боякове и его, известно каком, окружении.

– Вот видите, я далеко не одинок в своих оценках. Но поясню, что такое, по-моему, «бояковщина». Прежде всего, это ориентация в драматургии на одномерные, не выстроенные пьесы, где автор эксплуатирует один моноприем, что является одним из признаков постмодернизма. Все это обедняет режиссуру, псевдоновизна и непохожесть которой заметны только потому, что она хуже традиционной. На таком фоне страдают и актеры, игра которых выглядит не подлинной, картонной.

Ну и наконец, «бояковщина» – это абсолютно тусовочный принцип жизнедеятельности. Искусство отходит на второй план, а на первом – раскрутка и пиар, пиар, пиар. Особенно хорошо для пиара используются премии. Но давайте посмотрим, каков зрительский успех у многих премированных этой тусовкой пьес и спектаклей? Ставят ли их по всей России?

– Но вы ведь тоже лауреат многих премий...

– Но за моими премиями стоит интерес зрителей. Извините, но мои пьесы идут в театрах более чем тридцати российских регионов. На них идет зритель, за счет этого содержатся труппы. Кто из «бояковских» может сказать, что зритель России голосует за их драматургию рублем?

– Но почему же затеи Боякова встречают такую поддержку со стороны Федерального агентства по культуре и кинематографии?

– По моему мнению, в руководстве нашей культуры до сих пор есть люди, донашивающие пыльные «комиссарские шлемы» образца девяносто первого года. Это разрушители, для которых я изобрел слово «герострата» и которые мыслят и действуют по принципу «Чем хуже – тем лучше». Именно они выделяют большие деньги таким людям, как Бояков.

– Кстати, ФАКК выделил восемьсот тысяч долларов на экранизацию пьесы Ольги Мухиной «Летит», впервые представленной на бояковской «Новой драме». Режиссером является Швыдкой Сергей Михайлович – как шутят в Одессе, даже не однофамилец.

– Поскольку я пьесы не читал и фильма не видал, ничего сказать не могу. Не исключаю, что сыну Швыдкого удастся создать прекрасную картину, и она будет пользоваться огромным зрительским успехом. Но семейственность в нашем искусстве приобрела действительно ужасные масштабы.

Когда я наблюдаю за творениями некоторых отпрысков известных писательских и кинематографических фамилий, мне просто дурно становится. Если бы моя дочь, к счастью, домохозяйка с детьми, подалась бы в кино и сняла бы что-нибудь типа... типа «Консервов» Егора Кончаловского, я не знаю, что бы с ней сделал. Прибил бы в гневе праведном, наверное, простите Господи...

– Юрий, я слышал, что у вас вскоре будет еще одна московская премьера – знаменитый «Демгородок» ставит Театр Рубена Симонова.

– Да, я сам сделал инсценировку своей повести девяносто третьего года. Судьба у нее довольно занятная. Напомню, что в этой сатире главным героем является капитан атомной подводной лодки Рык, волею судеб становящийся диктатором России. Всех политиков – от ком-

мунистов до либералов – он отправляет в «закрытые садовые товарищества», которые народ и называет «демгородками».

«Демгородок» стал печатать журнал «Смена» в августе девяносто третьего года. Вскоре после страшной трагедии – расстрела Съезда народных депутатов в Белом доме – он вышел отдельной книгой, которую некоторое время до столичных прилавков не допускали. А в девяносто четвертом году «Демгородок» выпустило издательство «Республика», и художник украсил обложку портретом человека, очень похожего на генерала Лебеда, которого тогда знали в обществе слабо. И вот летом девяносто шестого года, когда генерал Лебедь выдвигался в президенты, я дарю ему эту книгу, он смотрит на обложку и со своей знаменитой интонацией говорит: «Не понял!» Я отвечаю: «Александр Иванович! Книга вышла два года назад, никаких намеков нет!» Лебедь: «Тогда тем более не понял!»

– *Значит, в Театре Рубена Симонова сочли «Демгородок» актуальным и сегодня?*

– Мне, как автору, судить об этом нелегко. Хотя вот Сергей Владимирович Михалков, чьим мнением я бесконечно дорожу, не раз говорил мне, что «Демгородок» – лучшая моя сатирическая вещь. Хотя мне кажется, что «Козленок в молоке» лучше.

Понимаете, в «Демгородке» есть сатира не только на наших либералов или, как многие зовут, либерастов. Там есть и сатира, пусть более мягкая, на надежды многих, что придет сильная личность, которая жесткими методами наведет тотальный порядок и сделает всех счастливыми. Такая вот полифоническая вещь получилась.

– *Но разве эти надежды не обоснованы всей российской историей? Помните политический идеал Гоголя, выраженный им в финале сохранившегося текста второго тома «Мертвых душ»? Только честная и жесткая воля верховного правителя, по Гоголю, может пресечь ужасы коррупции и произвола чиновников на местах.*

– Это вечные российские споры о свободе и лучшей форме правления. Для меня очевидно, что сейчас та свобода, которая была при Ельцине, никому не нужна. Конечно, за исключением тех, кто за ширмой этой свободы делал миллиардные состояния. Я бы определил настоящую и разумную свободу как ту степень несвободы, которая для нас приемлема. Заковыристо выразился? Но давайте спорить. Если постановка «Демгородка» такие споры вызовет, буду только рад.

*Беседовал Андрей ЩЕРБАКОВ
«Правда. Ру», 9 октября 2007 г.*

«Жизнь отсеивает ложные замыслы»

– Юрий Михайлович, в школу вы пришли работать по распределению или по призыванию?

– Я окончил Московский областной педагогический институт имени Н.К. Крупской. Работать в школе начал еще до распределения, учась на последних курсах: вел литературу и русский язык в триста сорок восьмой школе, которую сам окончил. По распределению попал в двадцать четвертую школу рабочей молодежи. Потом меня забрали в армию, а когда я вернулся, учебный год уже начался, и место мое было занято. Полноценную нагрузку предложить мне не могли, и я пошел работать в школьный отдел Бауманского райкома комсомола.

– Вам нравилось работать в школе?

– Да, нравилось. И если бы я не ушел в армию или вернулся в мае, допустим, и в школе была бы ставка учителя, думаю, я бы еще довольно долго там работал. Ну а когда защитил диссертацию в тысяча девятьсот восемьдесят первом году, то я преподавал в институте.

– Нет ли ностальгии, когда видите, как школьники идут первого сентября на уроки?

– Конечно есть. У меня много стихов о школе, об учителях.

– Единственным положительным героем в романе «Козленок в молоке» является учитель.

– Не только в этом романе положительный герой – учитель, но и в «Работе над ошибками».

– Но там повесть о школе, и там действующие лица – учителя.

– Да, но есть и отрицательные. В романе «Замыслили я побег» жена главного героя Катя – учитель. Так что учитель как положительный герой не случаен, и в «Козленке» не случаен, хотя немного искусственен. Дело в том, что, прочитав рукопись, друзья стали уверять меня, что нет положительного героя, это плохо, и я стал конструировать. Это интересный факт для литературоведа: стояла задача уже в написанный роман вставить положительного героя. Больше я таких экспериментов делать не буду и никому не советую. И тот факт, что, решив вставить в роман положительного героя, я избрал именно учителя, говорит о понимании: в сознании читателей положительно сама профессия учителя, и это значительно помогает создать положительный образ.

– В Германии едва ли не на первом месте по позитивному восприятию стоит писатель. То есть ваши обе профессии – самые уважаемые в разных странах.

– При советской власти писательская деятельность воспринималась и у нас как одна из самых позитивных: мы ездили по стране, и я отлично помню, каким было отношение. К сожалению, сейчас это не так по двум причинам.

Во-первых, писатели, особенно либеральная их часть, очень шумно ссорились во время перестройки. Устраивали «скандал на привозе» вместо серьезной литературной полемики. Во-вторых, сказалась и роль средств массовой информации ельцинской эпохи. Понимая, какова роль писателей в истории страны, в кризисные периоды, их боялись, поэтому моральный авторитет писателей с государственным самосознанием принижали целым рядом способов: старались унижить, высмеять, а на их место поставить писателей с эмигрантской психологией, с психологией экспериментатора любой ценой. Именно их пропагандировали в ельцинское десятилетие. Но навязать их общественному сознанию не сумели. В результате получился вакуум: писателей государственно-патриотического направления дезавуировали, а писателей либерального направления навязать не смогли. Эта лакуна сейчас очень опасна.

– Учитель в своей деятельности руководствуется принципом «не навреди». Вы придерживаетесь в писательской работе этого педагогического принципа? Написать можно что-то громкое, сенсационно-отвязное, но прочтает ребенок, подросток. Думаете об этом во время работы?

– Это сложный вопрос, потому что взаимоотношения писателя с действительностью такие тонкие, что с одной стороны можно впасть в абсолютную вседозволенность и утрату любой этической чувствительности, что мы видим сейчас на некоторых примерах. Но с другой стороны, если все время думать, чтобы не навредить, можно впасть в то, что в сороковые-пятидесятые годы называлось «бесконфликтность». Сейчас много писателей, которых человек читает и думает: «Да, он мне не навредил. Но и не помог». Все зависит от таланта и развитости внутреннего нравственного чувства писателя. С одной стороны, чтобы это было остро, мощно, затрагивало человека за живое. А с другой стороны, чтобы не переступал через те табу, разрушая которые мы разрушаем наше общество и нашу культуру. Здесь я нахожусь в сложном положении как редактор: иногда чувствую, что этого писателя вообще не надо печатать, потому что он занимается целенаправленным разрушением нашего культурно-нравственного мира. А другого писателя тоже не надо печатать: настолько уж он благостный, настолько боится высказаться смело, что получается: что есть его книга, что нет.

– *Ваши произведения изучают в школе, а некоторых классиков из программы убрали. Готовы ли вы уступить свое место классикам? Если да, то кому?*

– Да, готов. У меня были случаи, когда я уступал свою бумагу молодым поэтам в «Молодой гвардии». Шла моя новая книжка, и мне сказали: будет переиздание. Я ответил: не надо переиздания, лучше издайте на этой бумаге молодых поэтов. Некоторые из них сейчас достаточно известны. Классикам я бы, безусловно, уступил. Считаю, что совершенно незаслуженно отодвинут в тень такой замечательный писатель, как Валентин Катаев. И молодой, и зрелый. Обязательно хотя бы один-два урока должны быть посвящены творчеству Николая Заболоцкого, потому что именно на его творчестве молодым людям можно показать, как увлечение поэта экспериментом приводит со временем к пониманию, что искусство – это задача более серьезная, чем просто эксперимент.

Совершенно незаслуженно удален из программы Леонид Леонов – один из лучших писателей двадцатого века. На книжной ярмарке в Швейцарии была дискуссия о Набокове. Кто-то из наших российских писателей, из тех, кто любит собственную литературу похаять, начал говорить, что Набоков – уникальное явление, которое не могло бы развиваться, если бы он жил в России, потому что никто из оставшихся в России так не писал. Я возразил: да что вы говорите?! Пример – Леонов. И у зрелого, но особенно у раннего Леонова, тонкость стиля, многооттеночность слова, насыщенность абзаца местами гораздо сильнее, чем у Набокова. Другое дело, что оставшиеся писатели оказались в сложной политической ситуации. И об этом обязательно надо рассказывать в школе: а кто виноват, что политическая ситуация так сложилась? Идеологическое давление на писателя создавали те писатели и революционные деятели, которые потом сами пострадали. Мало говорят об этом. Но надо говорить.

– *Как совмещаете общественную деятельность, пост главного редактора и работу над книгами? Помогает или мешает в творчестве редакционная рутина?*

– Я считаю, что любой нормальный писатель только написанием книг не должен заниматься. Если он занимается лишь этим, то очень быстро становится никому не интересен, потому что нормальная общественная, редакторская работа подпитывает жизненной энергией. Тут дело в самоорганизации. В первые годы работы редактором, когда надо было газету из экономической пропасти вытаскивать, возвращать читателю, пришлось отложить работу над книгами. Но это абсолютно в духе русских писателей: ради общего, государственного, народного дела пожертвовать своими собственными. Чехов находил время принимать пациентов, Толстой боролся с голодом – не чета мне писатели. По моим наблюдениям, писатели, отказывающиеся от участия в общественной, в профессиональной жизни, сосредотачивающиеся лишь на своем творчестве, очень быстро выхолащиваются и начинают писать то, что никому не интересно. Жизнь – тот внутренний камертон, что дает жизненную информацию: коллизии, ситуации. Все дело в самоорганизации. Всегда привожу такой пример. Я люблю заниматься

огородничеством, видимо, рязанские крестьянские корни дают себя знать: я только во втором поколении горожанин. А тот, кто занимается огородничеством, знает: когда выращиваются огурцы, первоначально на них – масса завязей. Но никогда не бывает, что все завязи становятся огурцами. Отсыхает одна завязь, другая. Почему?

По моему глубокому убеждению, в писателе в виде почек, завязей существует масса замыслов. Но на каком-то мистическом уровне заложено: этот твой замысел станет художественным произведением, а тот не станет. А когда ты еще и занят серьезной общественной, профессиональной работой, то ты пишешь только то, что, грубо говоря, должно стать литературой. Когда писатели занимаются только литературой, они пытаются вырастить огурец и из этих негодных завязей. Есть его потом невозможно. Работа помогает отсеять ложные замыслы.

– *Ваши творческие планы?*

– Сейчас я немало занимаюсь драматургией. Мои пьесы ставят многие театры в стране, потому что я пишу не очень распространенные у нас реалистические комедии.

Заканчиваю новую пьесу с рабочим названием «Одноклассники». Рассказывает она о людях, учившихся в одном классе и встретившихся через много лет. Тема не новая, но мне, кажется, удалось показать драму нынешнего поколения, которое начало жить при советской власти.

– *Олигарх и бомж.*

– Да. Именно. Там положительный герой – тоже учительница: одноклассница, ставшая учителем. Сейчас думаю, какому театру предложить эту пьесу.

Активно работаю над своим давним замыслом, это роман «Гипсовый трубач», который я когда-то отложил. По организации творческого процесса я – писатель не коммерческий. Надо мной не стоит издатель и не говорит: «Первого сентября этого года должен сдать роман, как указано в договоре, иначе будут неустойки». Я никогда так себя не связываю, отдаю вещь только тогда, когда она полностью готова. Готова она бывает не скоро, поскольку меньше двенадцати редакций у меня не бывает. Зато потом книги и переиздаются. «Козленок в молоке» – двадцать шесть изданий, «Сто дней до приказа» – двадцать изданий, «Замыслил я побег» – двенадцать и т. д. «Гипсовый трубач» – очень необычный для меня роман. Здесь подход необычный. Не буду выдавать детали. Думаю, прочитав, многие удивятся, потому что предыдущие мои романы очень разные, но все-таки написаны они в ключе классического романа, а этот роман во многом экспериментальный, форма организации текста непривычная. Узнаете, когда прочитаете. Там речь и про школу идет: мой герой по образованию учитель, и он вспоминает некоторые эпизоды своей преподавательской деятельности.

– *На какого читателя рассчитана ваша газета? Если ее купит учитель, что он найдет там для себя?*

– Газета ориентирована на нашу трудовую российскую интеллигенцию, и прежде всего на ее гуманитарную часть. Считаю, что сегодня просто нельзя преподавать ни в высшей, ни в средней школе, не читая «Литературную газету». Потому что мы – единственная газета, дающая объективную картину культурного процесса, всех его направлений, не выборочно, как делают другие издания. Мы рецензируем серьезные книги, необходимые преподавателям. Мы проводим дискуссии о современной поэзии, по поводу детской литературы, фантастики, говорим о проблемах русской истории.

Хочу напомнить такой факт: кампанию за настоящий учебник истории начала «Литературная газета». Задолго до того, когда к этому подключилась власть, политики, депутаты. А началось это с публикации в нашей газете в две тысячи втором году. Когда я пришел на пост главного редактора, фактически, это была одна из первых моих акций. То есть вопрос о том, что недопустимо учить детей по учебникам, которые умаляют нашу победу в Великой Отечественной войне, которые искажают наши цивилизационные ценности, начинала «Литератур-

ная газета». Это говорит о том, что мы минимум на пять лет опережаем общественное сознание в постановке проблем.

Поэтому тот, кто хочет быть в курсе актуальных духовных проблем, кто хочет знать настоящую историю страны, настоящую историю литературы, а не ее либеральную или антилиберальную версию, должен читать «Литературную газету».

– *Смогли бы сейчас провести школьный урок? В каком классе предпочли бы это сделать?*

– Я бы с удовольствием провел урок в старших классах, где изучается современная литература, и урок назывался бы «Единая и неделимая русская литература», потому что больше всего меня беспокоит растаскивание русской литературы на советскую, антисоветскую, диссидентскую, эмигрантскую и прочие. Но есть просто великая русская литература, которая, учитывая тот самый сложный исторический опыт, что Россия приобрела в XX веке, создавалась в разных условиях. Но критерий у этой литературы был общий: первое – обогащение русского языка, второе – высокая художественность, третье – любовь, несмотря ни на что, к своему Отечеству, и вера в будущее своего отечества. Я считаю, что вера в будущее России – это светский символ веры человека, живущего в России. Есть у нас православный символ веры. Он всем известен. А есть и мирской: это именно вера в великое будущее своей страны. Для меня не может быть большой русской литературы, если там нет этой веры. Значит, что-то здесь не то.

Наших крупных писателей при всех их сложных отношениях с эпохой: и у оставшихся здесь, таких, как Платонов, Булгаков, и у уехавших, изгнанных, как Бунин, Солженицын, – объединяет эта вера. Отбирая книги для школьной программы, во главу угла я бы ставил этот критерий, потому что молодого человека надо воспитывать на книгах, в которых запечатлено не отчаяние и неверие в будущее, которое посещает любого, даже самого оптимистического, человека, а на книгах, в которых сконцентрирована эта вера. Учить надо все-таки на тех произведениях, где человек обретает веру в будущее.

– *В вашей газете вышло приложение «Литературный резерв», ориентированный на молодых творцов литературы. Могут ли школьники попробовать здесь свои силы?*

– Вполне. Мы это затеяли, чтобы помочь встать на крыло молодым. Нас поддержала партия «Справедливая Россия»: выделила деньги на этот проект. Я сам начал писать стихи в школе. Кстати, несколько стихов, написанных мною в 10 классе, в отредактированном виде вошли в мою первую книжку. В принципе это уже тот возраст, в котором могут создаваться профессиональные стихи, по крайней мере, могут быть прорывы к ним: образы какие-то найдутся. У нас в газете указаны все координаты, и мы ждем школьников, которые пишут. Чем раньше человек, пишущий стихи, поймет свое призвание, тем лучше. Быть напечатанным – не главное. Очень важно начинающему писателю, что твои стихи прочитает профессиональный редактор, скажет, что хорошо и плохо.

С первого сентября при «Литрезерве» организуется литературная консультация. Можно будет прийти на консультацию, и тебе скажут, что и как.

С этого и начинается путь. Я сам так начинал. В моем архиве лежат стопки отрицательных рецензий: мне объясняют, что мои стихи не могут быть напечатаны по тому-то и тому-то. В то время я жутко переживал, что это несправедливо, что это завистники хотят не допустить такого яркого конкурента. А сейчас понимаю: это совершенно правильно, честно.

Один рецензент, например, пишет: я считаю, что автор этих стихов через какое-то время станет хорошим прозаиком. Хотя тогда я не собирался писать прозу. Приглашаем молодых, в том числе школьников. Если не напечатаем, то объясним, почему не напечатаем, и если сам пишущий поймет, то это шаг к тому, чтобы писать лучше. Учителя литературы, ведущие кружков могут посылать работы своих учеников. Может быть, таким образом они дадут им путевку в жизнь. Давайте сотрудничать.

– В вашем романе «Грибной царь» герой Свирельников с ностальгией вспоминает детство, летние каникулы, проведенные в деревне у бабушки и дедушки. Это автобиографично в какой-то мере?

– В романе описано мое детство: летние каникулы я проводил в деревне на Волге. Изображенная в романе деревня – это Селищи Кимрского района тогда Калининской области, ныне Тверской. Вообще не знаю, как сложилась бы моя жизнь, стал бы я сначала поэтом, потом прозаиком, если бы лучшие годы, детство, не провел в деревне своего деда, куда я уезжал на все лето и жил там жизнью сельского жителя: огород, рыбалка, грибы, заготовление сена. Помню, ворошили сено, а там сидела гадюка и чуть не укусила меня. К концу августа я превращался в абсолютно деревенского мальчишку, меня уже все принимали за своего. И когда возвращался в город, то дичился, чувствовал себя непривычно. Город за зиму меня опять превращал в городского мальчика. А летом снова деревня... У деревенских, и у меня это тоже развилось, особое чувство природы. И, конечно, речь. Мой писательский язык во многом оттуда, из детства, он сформирован деревенской средой, я его впитал, сам того не сознавая тогда. Писатель не анализирует свои языковые запасы, но иногда мне вдруг открывается пласт, который я совершенно не должен знать. Откуда же я знаю эти слова, этот строй речи? А потом вспоминаю, что так говорил сельский кузнец, к которому мы ходили чай пить. Все это залегает, откладывается в сознании. Я считаю, что село является центром воспроизводства нации. Город нацию перемалывает, а воспроизводит село с его укладом, духовностью, приоритетами. А ведь сейчас сельские жители практически из эфира ушли: ни передач, ни фильмов о них. За редким исключением. Ну и не беру пародии иногда на уровне издевательства.

– Среди приоритетов в оказании помощи со стороны государства вы назвали сельские библиотеки. Почему?

– Безусловно, библиотека – центр культурной жизни в селе. Я сам, проводя каникулы в деревне, ходил в сельскую библиотеку, брал книги читать. Сейчас значение библиотек, на мой взгляд, возрастает, поскольку значительная часть населения не имеет средств на приобретение книг. И многие люди, читатели вернулись в библиотеки по материальным соображениям. Я рос в рабочей семье, у нас были непростые материальные условия, денег на покупку достаточного количества книг не было, и я из библиотек не вылезал – они сыграли в моей жизни очень большую роль. До сих пор вспоминаю библиотекарей с благодарностью. Они мне советовали, что надо читать, что интереснее, были внимательны и всегда готовы помочь. И если библиотеки будут закрываться или формировать фонды будут недостаточно и неправильно, это повлияет на общий уровень культуры сельских жителей, он совершенно однозначно понизится.

– Вы много ездите по стране и как главный редактор «Литературной газеты», и как писатель. Посещаете ли вы во время этих поездок провинциальные библиотеки?

– Я посещаю книгохранилища, как в Москве, так и в провинции. Часто выступаю в библиотеках, встречаюсь с сотрудниками и читателями. Меня огорчало, что долгое время в период нашей «государственной недостаточности» формирование библиотечных фондов было отдано на откуп различным подозрительным организациям, которые по своему усмотрению и мировоззрению и, очевидно, в соответствии со своими целями, комплектовали библиотечные фонды. Однажды, будучи в провинциальной юношеской библиотеке, вскрыл по предложению ее сотрудников бандероль, присланную одним из таких фондов. Особенность этих посылок книг в том, что пятьдесят процентов стоимости оплачивает фонд, а пятьдесят процентов – библиотека. Вскрыл, и увиденное повергло меня в ужас: присланной была или неприличная откровенная эротическая литература, или книги по истории, которые носили исключительно ревизионистско-очернительный характер. Было ощущение, что там специально сидят люди и умышленно подбирают книги, по прочтении которых у молодого человека возникнет стойкое неприятие своей страны. Конечно, мы не должны закрывать глаза на мрачные страницы нашей истории. Они есть в любой стране и любой истории. Но воспитывать надо по вершинам, а не

по низинам. В нашей истории были низины, но вершин было неизмеримо больше, и они несомненны.

– В вашей газете есть рубрика «Библиотекарь». Чем была вызвана необходимость ее создания, и можно ли присылать вам материалы о работе сельских библиотек. Интересны ли они вашим читателям?

– Конечно, можно и нужно присылать материалы. Они всем интересны. Необходимость этой полосы была связана с тем, что работники библиотек ныне, по моему мнению – это подвижники русской культуры, передний край сопротивления тому вреду, что зачастую под видом культуры внедряют в наше сознание, вводят в жизнь, навязывают молодому поколению. Это бескорыстные люди, работающие за копейки, которых порой и не видят. Но, несмотря на это, они наряду с учителями продолжают сеять разумное, доброе, вечное. И хотелось привлечь внимание общества, власть предрежащих к этим людям, к их делу, их проблемам. Проект вызвал живой интерес, поэтому можно присылать материалы, они будут очень кстати.

– Как вы относитесь к новому закону о местном самоуправлении (№ 131), по которому финансирование библиотек переложено на местные бюджеты, в которых денег на культуру нет всегда.

– Мне кажется, то, что делается в отношении культуры, особенно в деревнях, в провинции, крайне непродуманно, начиная с того, что люди, которые писали закон о местном самоуправлении, это люди малокультурные. Только в голове малокультурного человека могла возникнуть идея называть наши деревни, малые города, села – поселениями. В новом законе населенный пункт называется поселением! Кто вставил это слово в новый закон, тот или издевался над нами, или это человек, не владеющий русским языком. Потому что в русском языке слово «поселение» имеет вполне определенное семантическое наполнение, и у любого человека, владеющего русским языком, от этого слова негативное ощущение. Потому что это или военное поселение, или поселение людей расконвоированных. И это наводит на мысль, что или этим вопросом занимаются люди абсолютно непрофессиональные, или глумливы.

– Что бы вы пожелали сельчанам, работникам сельских библиотек, читателям?

– Работникам пожелал бы мужества, поскольку отстаивать родную культуру в период системного кризиса государства – это подвижничество, которое можно сравнить с отстаиванием христианских ценностей в языческом Риме. Стойкости и мужества им в этом. Читателям желаю, чтобы фонды библиотек снова стали отражать ту книжную реальность, что существует, и у них бы появился выбор в чтении. По моим наблюдениям, фонды абсолютно не соответствуют реальности и литературному процессу. Недавно я был в областной библиотеке центральной российской губернии и по своему естественному писательскому любопытству заглянул в каталог. Там с огорчением обнаружил, что последняя моя книга поступила туда в девяносто третьем году, впрочем, как и моих товарищей по перу Юрия Бондарева, Василия Белова, Сергея Есина, Юрия Козлова, Леонида Бородина, Александра Сегеня, Павла Круснова, Михаила Веллера. И с тех пор не поступило ни одной нашей книги. А ведь наши книги издавались, переиздавались. У меня, к примеру, выходили уже и собрания сочинений, новые романы. Зато смотрел книги наших детективщиц. Поступили их книги, вышедшие буквально месяц назад. Но это, в большинстве своем, книжки, которые обычно после одноразового пролистывания попросту выбрасывают. Зачем наполнять фонды книгами одноразового пользования? Эти книги не перечитывают.

Государству нашему в связи с этим я бы пожелал помнить, что самоокупаемость культуры – это такая же нелепость, как самоокучиваемость картошки. По большому счету о цивилизационных успехах того или иного государства, о его политической деятельности судят по культуре, а к области культуры относится и библиотечное дело. Сколько было в Афинах винокурен и сыроварен, давно никто не помнит. А то, что был Парфенон и греческая скульптура и литература, об этом все знают.

*Беседовала Екатерина ГЛУШИК
журнал «Молоко», октябрь 2007 г.*

«Букеровская премия нанесла ущерб литературе не меньше, чем КГБ»

– Юрий Михайлович, знаю, что отношение к этой премии у вас неоднозначное.

– Далеко неоднозначное. Я даже сатирически изобразил ее под видом Бейкеровской премии в романе «Козленок в молоке». Считаю, эта премия, в общем-то, к реальной литературе, за редчайшим исключением, отношения не имеет: люди получают премии не за качество художественного текста, не за какое-то художественное открытие, не за умение достучаться до читателя, а за верность определенной тусовке, в основном – экспериментально-либерального направления. Практически все книги, которые были отмечены премией, начиная с первой – «Линии судьбы, или Сундучок Милошевича» Марка Харитонов, присужденной в тысяча девятьсот девяносто втором году, не имели никакой серьезной читательской судьбы. Да, их издали разок, они получили премию и тут же были напрочь забыты. Их больше не переиздают, не читают. А ведь уровень произведения подтверждается прежде всего востребованностью. Букеровские же избранники – абсолютно невостребованы.

– То есть помочь сориентироваться в мире литературы Букер, на ваш взгляд, не помогает?

– Более того, мешает. Когда много лет с большой помпой, с мощной PR-поддержкой СМИ премия вручается авторам, чьи книги не интересны ни читателям, ни издателям, то это дезориентирует прежде всего молодое поколение писателей. Они начинают опираться в своем творчестве на такой вот «букеровский стандарт», который интересен только узкому кругу приятелей и друзей, входящих в состав жюри. И это очень грустно.

– По-вашему, влияние Букера на литературный процесс просто негативно?

– Скорее, отрицательно! Я об этом когда-то написал: свободомыслию в России букеровская премия нанесла ущерба не меньше, чем Пятое управление КГБ СССР. Поясню. Дело в том, что условием попадания в орбиту Букера, как правило, становится либо полная аполитичность автора, то есть демонстративное равнодушие к исторической судьбе своей страны, либо откровенный прозападный либерализм. Писатель, заподозренный в государственно-патриотических взглядах, вычеркивается из списка номинантов еще на дальних подступах.

Кстати, если мы возьмем западную литературу, то увидим, что там практически все крупные писатели – это люди, прежде всего, настроенные патриотически по отношению к своей стране. Так что Русский Букер не только не помощник отечественной литературе, а, скорее, такой многолетний, идейный и хорошо подготовленный вредитель, яркий пример манипуляции общественным сознанием, направленной на то, чтобы переориентировать молодое поколение писателей с социально значимых тем, социально значимых идей, на узко экспериментальные «герметические» темы. А ведь и «обкатка», и общественный анализ каких-то новых идей, новых моделей у нас традиционно проходили в литературе – в прозе, в поэзии, начиная со «Слова о полку Игореве». В то время как в Германии, скажем, это происходило в философии, во Франции – в газетном фельетоне, в театре. И букеровский проект направлен именно на слом нашей традиции, которая так для нас важна.

– А кто из современных писателей вам нравится?

– Мне многие нравятся. Скажем, Пелевин. Он единственный из постмодернистов, к творчеству которого я отношусь с интересом. Он действительно человек талантливый, в отличие от Сорокина, просто интеллектуального литературного хулигана. Павел Крусанов – замечательный, я считаю, писатель, тоже представитель постмодернистского направления. Валерий Попов, один из лучших бытовых реалистов. Тимур Зулфикаров – самый сложный писатель, соединяющий в себе славянскую и тюркскую стихии. Владимир Личутин, автор уникального произведения «Раскол». И этот список можно продолжать сколь угодно. Никто из них пре-

мии этой не получал. А те же, кто получал премию, их даже никто толком не помнит. Вот вы помните лауреатов Букера?

– *Признаться, не очень...*

– Так это естественно! Кстати, нынешний лауреат Иличевский. Мы в «Литературной газете» писали о нем – его же невозможно дочитать до конца! Так же как и Михаила Шишкина. И это не только мое мнение. Еще раз хочу сказать: это проект, причем достаточно серьезно финансируемый, направлен на разрушение нашей традиции. Для русского писателя всегда наградой была читательская любовь. У нас писателя лаврами увенчивали читатели. И это очень часто не совпадало, между прочим, с официальной оценкой. А здесь есть попытка навязать нам абсолютно чуждую парадигму, когда писателя обществу «втюхивает» какой-то узкий экспертный совет, состоящий из людей, как правило, одного мировоззрения, одной страты, одной тусовки. Позаимствовано это, кстати, у англичан, но интересное дело – книги, которые получают Букера в Англии, практически все написаны в традициях доброго английского реализма, может, с небольшими элементами постмодерна. И они все имели очень хороший коммерческий успех. Почти все были экранизированы. Почитайте и почувствуйте разницу! Издательство «Росмэн» выпускает библиотеку английского Букера.

– *А из наших букеровцев кого-то экранизировали?*

– Да никого! А ведь это один из признаков реальной популярности, потому что кинематограф и театр всегда из литературного потока выбирают те произведения, в которых есть интересный сюжет, запоминающиеся образы, точная картина социальных и нравственных коллизий. Кто-то с ухмылкой скажет: вот и экранизируют же Донцову и Маринину... Но это разные вещи! Ведь мы говорим о литературе, а Донцова, Маринина, Дашкова – это более или менее качественная книжная продукция, совершенно другой вид деятельности, уважаемый, но к художественной литературе не имеющий отношения. Это как кроссворд. Кроссворды тоже ведь словами пишут, но никто же их литературой не называет. Из всех поставили в театре, кажется, Шишкина, «Венерин волос». Думаю, сезон продержится. И все... Я убежден, букеровский проект, в том виде, как он у нас реализуется, абсолютно, даже злостно, чужд нашей национальной культурной традиции.

– *А вообще, что сегодня происходит с нашей литературой?*

– Справедливости ради скажу, что та же картина с премиями наблюдается и на патристическом крыле литературы. Там царит такой же тусовочный принцип: премии дают не за уровень текста, а за приверженность определенной команде и идеологии. Но надо отдать должное, там все-таки писателей известных, которых интересно читать, – побольше. А в принципе, ситуация в литературе, живой, а не премиальной, я считаю, сейчас нормальная. И молодежь интересная есть, вот Мамаева, к примеру. Она пишет, если так можно сказать, жесткую «постдеревенскую» прозу. Тот же Прилепин. И в среднем поколении есть замечательные авторы. Скажем, Вера Галактионова, у нее очень интересная женская проза, я бы даже сказал, – неженская проза женщины, очень богатая в жанровом и стилевом отношении.

– *И тем не менее сейчас активно пропагандируются именно книги-лауреаты...*

– В том-то и беда! Мы восприняли этот американский, навязывающий тип продвижения литературы. В ситуации, когда у нас кризис с чтением, это очень плохо и очень вредно, потому что молодой читатель особенно доверчив. Он увидел в глянцево-журнальном или услышал по телевизору, что надо читать, скажем, премированного Иличевского, берется за него и понимает, что это читать невозможно. И у него складывается превратное представление, будто вся современная литература именно такая, нечитаемая. Пуститься же в самостоятельный поиск читателю порой просто некогда. Есть, конечно, узкий круг любителей литературы, которых не собьешь с толку никакими передачами «Графоман», они все равно найдут своего писателя. Но большинство-то доверяют вот этим рекомендациям. А результат: откроют Иличевского – читать невозможно, откроют Шишкина – читать невозможно, и подумают – да чего

читать эту современную русскую литературу, лучше читать западную или классику. В то время как у нас есть замечательные писатели. Вот, например, Сергей Алексеев, работающий с материалами прославянской истории. Есть, кстати, Евгений Шишкин, гораздо талантливее Михаила, но кто про него знает? Вот в чем порочность этой ситуации: мало того что дают премии не тем писателям, но еще и навязывают эту «недолитературу» читателю. И таким образом, в стране, где и так кризис чтения (некоторые социологи считают, что катастрофа чтения) еще таким образом и отваживают людей от книги. Это очень серьезный вопрос, а не просто проблема околослитературных проходимцев, которые зарабатывают на этих букеровских финансовых потоках.

– *И где же выход?*

– В принципе, государство обязано вернуться в культурный процесс, в литературно-издательскую политику. В этой ситуации надо вести себя как в любых других кризисных ситуациях. Если у нас кризис с железными дорогами или с самолетостроением, то государство в это дело вмешивается, создает концерны, национальные проекты – и никого это не возмущает. А если у нас кризис в культуре, то здесь государство, считается, не имеет права вмешиваться. Почему? Культура такая же часть жизни страны. Конечно, механизмы здесь должны быть более тонкие, но – должны быть! Самое главное, что это все понимают. И я, и многие мои коллеги неоднократно говорили, взывали об этом на заседаниях Совета по культуре при Президенте РФ и с других высоких трибун. Надо сказать, что в последние годы ситуация немножко сдвинулась к лучшему. Появились Президентская премия, премия Правительства России. Кстати, премия «Большая книга» задумывалась именно как премия, через которую будет проводиться государственная политика, но, к сожалению, инициативу перехватила все та же команда, что занимается Букером. Те же самые люди в жюри, и опять наметился явный перекося в одну сторону. Если премию получает Улицкая, то почему ее не получает Личутин? Он разве хуже пишет? Лучше, намного! Если премию получает Быков за «Пастернака», то почему ее не получает Куняев за «Есенина»? Ведь книга о Есенине гораздо глубже. У нас все-таки есть разные направления в литературе, и поддерживать только одно – западное – неправильно. Почему среди лауреатов столько эмигрантов? Мы пропагандируем выезд из России? А как же тогда провозглашенная государственная программа возвращения соотечественников в Россию? Значит, «Большая книга» сама по себе, а Россия сама по себе. Это неправильно!

Последствия этой неправильности поначалу незаметны, ибо разрушительные тенденции в культуре не так очевидны. Скажем, самолеты начали падать, и государство, общество сразу спохватились: «Караул!» В культуре-то самолеты не падают. Там вроде бы просто какому-то начитанному графоману дали премию, какой-то бездарной актрисе или фанерному певцу дали «народного». Пустячок. А потом смотришь: лет через двадцать народ и одичал, а творческой интеллигенции плевать на судьбу своей страны с Эйфелевой башни. И все начнут спрашивать: почему, почему? Да потому что давали премии книгам, которые невозможно читать и которые учат равнодушию к национальным святыням... Тогда спохватятся.

– *Главное, чтобы не было поздно...*

– Главное, как говорится, чтобы войны не было, потому что с современной нашей творческой интеллигенцией мы обречены на поражение. Когда в Эстонии глумились над памятником советскому воину, «ЛГ» целому ряду наших творческих работников задала такой вопрос: «Когда в Германии распоясался фашизм, прогрессивная западная интеллигенция стала бойкотировать эту страну. Когда СССР вошел в Афганистан, ряд стран игнорировал Московскую олимпиаду. Готовы ли вы в знак протеста против притеснения русских и героизации фашистов в Латвии отменить свой концерт, авторский вечер, выпуск книги, выставку и т. д. в этой стране?» Никто не захотел этого сделать. Никто! Ни один деятель!! Вот такая картина маслом...

Беседовала Дарья МУРАВИНА

«Столетие», издание фонда Исторической перспективы, декабрь 2007 г.

У каждого свой Октябрь – великий или ужасный

– На страницах вашей газеты последнее время идет дискуссия «Уроки Октября: взгляд из XXI века». «ЛГ» – единственное из популярных изданий, предоставившее уникальную возможность широко и свободно высказать разные, в том числе и полярные, точки зрения о событиях тысяча девятьсот семнадцатого года. Чтение порой захватывающее и рождающее часто желание не примириться, а наоборот. То есть вы, как главный редактор, вызываете повышенное внимание к теме Октября, так сказать, обостряете. А кто-то призывает и забыть, как не было. Н.С. Михалков, к примеру, сказал, что все, гражданская война кончилась, белых генералов с почетом похоронили... Памятник вот Колчаку в Сибири поставили. И вообще назначили День примирения. А вот если все досконально вспомнить, да еще и осмыслить, то не выйдет ли, что не к примирению движемся, а к разделению. Тем более если соотносить ту революцию с революцией девяностых годов (но о девяностых у нас будет отдельный вопрос)... Словом, что побудило вас так широко и с разных сторон обсуждать эту острую тему?

– Это – даже не тактика, а, я бы сказал, стратегия «Литературной газеты» в последние годы. Согласившись в две тысячи первом году стать главным редактором этого уникального издания, основанного сто семьдесят семь лет назад Пушкиным, я прекрасно осознавал: главная беда культурной и интеллектуальной жизни России – принципиальное отсутствие диалога между традиционными оппонентами: западниками и почвенниками. А ведь именно в спорах этих антагонистов в девятнадцатом веке рождались новые идеи. О чем могут спорить единомышленники? О нюансах. Но нюансом на вызов Истории не ответишь! Необходимо было вернуть российский мыслящий слой в режим диалога. Этим мы и занялись. Первая же наша дискуссия «Десять лет, которые потрясли...», проведенная в две тысячи первом году, показала, насколько велико отчуждение. Но дискуссия тем не менее получилась. Впервые за много лет люди, отворачивающиеся друг от друга при встрече, вступили в принципиальный спор. Многие жесткие оценки «ельцинизма», ставшие теперь обычными, впервые были высказаны именно тогда, на страницах «ЛГ». По итогам дискуссии мы выпустили с «Вагриусом» книжку – она разошлась мгновенно. По итогам, кстати, нынешней дискуссии мы готовим сборник вместе с «Молодой гвардией».

– В ходе дискуссии в «ЛГ» возникла ли надежда, что имеющие противоположные точки зрения найдут то общее, что их примирит, или так и будут идти стенка на стенку из-за отношения к Октябрьской революции?

– По-моему, о примирении пока говорить рано. Дело в том, что семнадцатый еще не стал для нас «чистой историей», как для французов девяносто третий. Мы еще довоевываем... И говоря об Октябре, Гражданской войне, НЭПе, сталинской реставрации, участники спора чаще опираются в своих оценках не на историю, а на современность. Отношение к сегодняшнему дню определяет в конечном счете и то, как человек воспринимает события девяностолетней давности. Люди социалистической ориентации склонны оправдывать Ленина во всем. Державники все прощают Сталину за отстранение от власти Троцкого с его интернациональной командой. Современные монархисты идеализируют последнего императора и Белое движение, хотя оно было отнюдь не монархическое в своем большинстве. Воцерковленные наши соотечественники клянут «красного ирода» за поруганную Церковь Христову. Современные либералы горюют об Учредительном собрании и упущенном шансе европеизировать страну с помощью Антанты или хотя бы немцев. Особую группу составляют те, кто связан кровными узами с «комиссарами в пыльных шлемах», превращенных позже в «лагерную пыль». Эти люто ненавидят революцию, не забывая, однако, подчеркнуть, что вот как раз их-то родственник был «колоссальным исключением из мира нравственно увечных явлений». Когда

мысленно суммируешь все эти «исключения» становится непонятно, а кто же тогда пролил моря крови? Очень характерна, кстати, позиция Н. Сванидзе, выкраивающего из исторических фактов новый – черный – миф о революции. Забавно, но он сегодня делает то же самое, что делал его отец, руководя «Политиздатом». Только с обратным знаком. Это, конечно, его право, но, многократно усиленная телевидением, такая, явно субъективная, «клановая» точка зрения становится как бы государственной. И это плохо, нечестно. В общем, как пелось в советской песне: «И вновь продолжается бой!»

– *Неотвратима ли, неизбежна была Октябрьская революция? Или революции вообще необходимая часть истории? Говорят, что большевики этой революцией разрушили «до основания» то, что надо было беречь и охранять. Но кто это должен был делать? Катастрофа ли это была, которая могла и не случиться (если бы...), или жестокая необходимость изменить изжившие себя порядки в целом патриархальной страны?*

– Большинство участников спора считают, что в той или иной форме социальный взрыв был неизбежен, причем корни конфликта иной раз отодвигаются в глубины веков. Так, например, А. Салущий в своей выдающейся статье обращается аж к противостоянию «красных и черных сотен» в допетровской Руси. Есть и чисто конспирологические версии, самая упрощенная из которых – версия «опломбированного вагона». Но я предлагаю взглянуть на проблему несколько иначе. Мы с вами современники другой российской революции. Ее последствия как для страны, так и для мира мало чем уступают великому Октябрю. Я имею в виду крушение Советской модели и развал СССР. Давайте вспомним: хоть кто-то в семидесятые-восемидесятые сомневался в том, что социализм накопил к тому времени множество недугов и что интенсивная терапия необходима? Никто. Даже члены Политбюро. Достаточно почитать протоколы заседаний этого коллективного, между прочим, органа. Они теперь опубликованы. А разве кто-то предполагал, что долгожданные перемены и реформы выльются в социальный хаос и геополитических крах? Никто или почти никто. Помню, как один умный партийный функционер, которому поручили побеседовать со мной, автором запрещенной рукописи «ЧП районного масштаба», глядя на меня грустными глазами, спросил: «Ну, напечатают вашу повесть. А что будет потом, вы задумывались?» Я растерялся, потому что не задумывался. Но предполагаю, не задумывался и Горбачев.

Мне кажется, если революция структурно созрела, она в той или иной форме произойдет. А вот какие тенденции возобладают – созидательные или разрушительные, зависит во многом от политического класса. Нам не повезло. Если Бог хочет наказать народ, то заставляет выбирать между Горбачевым и Ельциным.

– *Кто-то из участников дискуссии в «ЛГ» говорил, что революция была народная. Значит ли это, что революционная идеология народная? Или она навязана народу, а революция – спланирована?*

– На закономерном характере революции, на ее народном происхождении настаивают в своих статьях, например, Б. Славин, С. Кара-Мурза. На совершенно других позициях стоит В. Шамбаров. Название его материала говорит само за себя «Русский бунт – осмысленный и спланированный». Мне кажется, правы и те, и те. Тут все дело в пропорциях. Трудно себе представить ведущие мировые державы, которые не использовали бы в своих целях смуту в России, во многом оспаривающей их глобальные интересы. Для свежести восприятия вспомните, что в чубайсовском приватизационном ведомстве в начале девяностых обреталась туча американцев, относящихся к той категории трудящихся, которых остроумно именуют «искусствооведами в штатском». С другой стороны, СССР, отрывая от собственного населения, бросал гигантские средства на «международное революционное и рабочее движение», однако революции в США все-таки не произошло. Настоящим прорывом, по-моему, стала статья известного историка И. Фроянова. Он выделил в общем революционном потоке две парадигмы – «рево-

люцию для России» и «революцию против России». Позже это вылилось в противостояние национал-большевиков и коммунистов-интернационалистов.

– *Как бы то ни было, и даже повторяя известный аргумент об одинаковом отношении «красные придут – грабят, белые придут – грабят», мы знаем, что «бедный крестьянин» поддержал красных. В чем главная причина этого?*

– Мне кажется, крестьянами в известной степени руководило сознание вины и нежелание за нее расплачиваться. Если бы победили белые, за страшный погром помещиков пришлось бы ответить. А ведь тогда многие помнили, как строго наказали за покушения на помещичью собственность в тысяча девятьсот пятом – тысяча девятьсот седьмом годах. Да и во время Гражданской войны хозяева, придя с белыми, возвращали свое, сурово карая смутьянов. Русский крестьянин еще не знал, что такое насильственная коллективизация. Опять параллель с новейшей историей: если бы тем, кто клял партократию в восемьдесят восьмом, рассказали бы про Абрамовича, Перестройка свернулась бы в двадцать четыре часа. Но до Абрамовича, как до раскулачивания и «рассереднячивания», надо было еще дожить... И еще один момент. Безусловно, красные переиграли белых в пропагандистском смысле. Первые обещали все и сразу. Вторые только восстановление порядка и последующее всенародное обсуждение форм нового устройства. Они были честны. Но ведь человек слаб, он хочет всего и сразу. Не случайно в девяностые годы одним из самых популярных политиков был краснобай Явлинский с его «500» днями. Кстати, «необольшевиками» младореформаторов впервые назвал ваш покорный слуга. Это было в девяносто первом году на страницах «Московской правды».

– *Говорят: революция была антироссийской, направленной против того, на чем стояла Россия, революционеры не были патриотами, а наоборот. Есть и другие мнения. А ваше?*

– О том, что в революции активно участвовали люди, которые, мягко говоря, недолюбливали историческую Россию, теперь пишут много, но как-то лукаво. Участники нашей дискуссии эту тему искусно обтекают. О роли евреев говорят так витиевато-иносказательно, словно спецслужбами у нас до сих пор командует Генрих Ягода. Обидится – и посадит! Знаете, даже дворовая драка не обходится без столкновения племенных амбиций, а тут многонациональная страна в пору страшного кризиса! Если этническую составляющую революции изучать, исходя из принципов политкорректности, доведенной до идиотизма, мы не поймем ничего, а главное – не сделаем выводов на будущее! Кстати, принципиальное замалчивание национального фактора в советской исторической науке и привело к тому, что в девяносто первом мы наступили на те же грабли. Просто диву даешься, насколько национальное размежевание семнадцатого совпадает с национальными разломами девяносто первого! Вот, например, Карельский перешеек с примыкающими землями, которые Александр Первый подарил Финляндии в честь ее вхождения в Империю. Мол, чего там: одна страна – разберемся! В семнадцатом самостоятельные финны уже воспринимали эту территорию как свою собственную, исконную. А потом была зимняя война сорокового... Сталин вернул эту землю ценой большой крови да еще дал повод Западу для упреков на много десятилетий вперед. Может, проще было не дарить? Не напоминает ли вам эта давняя история нынешнюю коллизию с Крымом, которая далеко не закончена?..

– *О том, что произошло со страной в девяностых (а началось раньше). Не является ли эта недавняя революция неизбежной реакцией на события Октября семнадцатого? Говорят: тогда сделали все неправильно, не туда завернули, а сейчас исправили и идем туда. Говорят: то, что случилось со страной сейчас, это возмездие за то прошлое (видимо, имеется в виду и революция, и весь советский период, вся советская цивилизация). Вообще – как соотносятся эти две революции?*

– Все в истории взаимосвязано. Конечно, мобилизационная, уравнилельная модель, сложившаяся совсем в иную эпоху и помогшая нашей стране преодолеть многие невзгоды двадцатого столетия, к концу прошлого века уже оказалась неэффективной. Ее надо было модернизировать. Я убежден, модернизацию можно было провести эволюционным путем. Этот путь

сейчас именуют «китайским», хотя и там была «культурная революция». В начале семидесятых ортодоксальный марксизм доживал в СССР последние дни, подрастала элита с широкими взглядами и на экономику, и на культуру, но при этом с чувством государственной преемственности. Почему пошло наперекосяк? Почему власть в стране надолго взяла контр-элита, а зачастую и анти-элита? Загадка. И понадобился Путин, чтобы хоть чуть-чуть подсобрать страну! Видимо, тогда в середине восьмидесятых все сошлось: и слабые, прежде всего в интеллектуальном отношении, лидеры, и серьезный экономический спад из-за цен на нефть, как выяснилось, спад рукотворный, и заинтересованность Запада в ослаблении геополитического соперника, и наше советское мироощущение, основанное на романтизации революции и вере в линейный прогресс... «Завтра будет лучше, чем вчера?» Это почему же?

– *Признается, что весь двадцатый век прошел под знаком Октябрьской революции. Она дала импульс и новому искусству. Под этим знаком сложились судьбы поколений. И Вашего поколения тоже. Ваше творчество родилось и расцвело в советские годы. Его можно было бы определить как критический реализм. Вы критиковали многое в той жизни, причем такие важные «структуры», как комсомол, армия. Вы хотели показать нежизнеспособность нового общественного строя, который дискредитировал себя, или речь шла об «отклонениях», о вещах не глобальных, которые можно исправить?*

– Критики называют мою прозу «гротескным реализмом», пользуясь известным термином Бахтина, который считал, что «гротескный реализм» расцветает в эпоху острого столкновения старых и новых форм социальной и духовной жизни. Нынче модно среди деятелей культуры рассказывать о своей самоотверженной борьбе с коммунизмом. Особенно забавно это слышать от лауреатов и орденоносцев, увенчанных Советской властью. Так вот, я вас разочарую: диссидентом я никогда не был, а первые мои сочинения («Сто дней до приказа», 1980, «ЧП районного масштаба», 1981, «Работа над ошибками», 1985) продиктованы традиционной для отечественной литературы чувствительностью к социальным и нравственным отклонениям от здравого смысла. К сожалению, мы во многом повторили судьбу предреволюционных писателей, которые не жалели черных красок для самодержавной России и кликали бурю, а когда она все-таки разразилась, – ужаснулись. Но иначе мы не могли. Настоящий писатель – невольник своей нравственной боли. Кстати, последующее, после девяносто первого, поведение тех или иных литераторов, показало, кто боролся с неправдой, а кто воевал с «этой страной». Первые страшно переживали крах российской государственности, вторые буквально ликовали оттого, что «Красный Египет» стремительно катилась к геополитическому ничтожеству. Кстати, и теперь этот раскол заметен. Только первые теперь радуются усилению государства, вторые горюют... В России всегда встречались писатели, недолюбливавшие свое Отечество, но в таком количестве, как нынче, их никогда еще не было...

– *Вопрос, связанный с предыдущим (хотя все они, конечно, связаны). Как вы относитесь к таким понятиям: советская цивилизация, советский народ, советский человек (кто только над ним не издевался – знаменитый «совок» и т. п.)? Действительно ли это был новый тип человека (Бухарин на заре Советской власти писал, что необходимо создавать «новый тип человека»), сформировавшийся за те десятилетия? А теперь его надо переделывать и создавать по-другому? Делается ли это сейчас? Хотя, если вспомнить ваше «Песней по жизни», то ответ можно угадать.*

– Советская цивилизация, советский народ и советский человек – это не мифы. Плодами советской цивилизации мы до сих пор пользуемся. Да, у этих плодов оказалась высокая цена, и об этом сегодня говорят в первую очередь. Но ведь миллиардные состояния нынешних олигархов обошлись стране и народу не дешевле. Однако Магнитка, построенная за счет обобранных крестьян, – это одно, а «Челси», купленная за счет обобранных пенсионеров, это совсем другое! Почувствуйте разницу! Советский народ, как наднациональная общность – тоже реальность. Связи, возникшие еще в Российской империи, в советской период благо-

даря стремительной модернизации и культурной революции упрочились и развились. Их разрыв стал катастрофой для десятков миллионов людей на пространстве СССР. Отсюда мощные интеграционные импульсы, которым сегодня не могут противостоять даже лютые местные националисты. И советский человек был. Конечно, он не был искусственно создан, тем более Бухариным. Просто каждая эпоха запрашивает, активизирует, гипертрофирует в национальном архетипе, складывавшемся столетия, вполне конкретные черты. Советская эпоха затребовала, и довольно сурово затребовала, коллективизм и самоотверженность. Ныне принято издеваться над «тоталитаризмом». Но вот что интересно. Я был членом КПСС. И много раз наблюдал на партийных собраниях, как коллективная воля коммунистов успешно противостояла воле административного руководителя. Попробуйте сегодня противостоять воле хозяина или, извините за выражение, топ-менеджера! Уволят мгновенно. В советской цивилизации, я утверждаю, на низовом уровне были серьезные зачатки гражданского общества. Но почему-то, создавая демократическую Россию, их безжалостно вытоптали, разогнав местные советы и расстреляв парламент. Вместо десоветизации произошла десовестизация. Постсоветская эпоха выхватила из национального архетипа совсем иные качества, кстати, тоже пассионарные: воинствующий эгоизм и криминальную удаль. Эгоисты стали богачами, а черными надгробиями над могилами удалыцов уставлены все российские кладбища...

– Конечно, ввиду направленности журнала следует задать еще один вопрос – о роли Церкви и религии в революции. Мы об этом, конечно, пишем и исследуем эту проблему. Но если бы вы нашли возможным сказать по этому поводу несколько слов... Чем вызвано такое антирелигиозное ожесточение Советской власти и почему ему не так уж активно сопротивлялся народ? Но ведь в самом революционном порыве, в воодушевлении первых лет после революции было так много вот именно религиозного чувства (состояния души). А теперь, когда повсюду функционеры стоят со свечками по церквям, где оно, это религиозное чувство?

– Антицерковное ожесточение русской революции не исключение. Достаточно вспомнить лозунг французских революционеров: «Повесим последнего попа на его собственных кишках». К тому же коммунистическая идеология – тоже являлась своего рода светской, позитивистской религией со своим грядущим царством небесным на земле, со своими «пророками», «праведниками», «мучениками», «житиями»... Например, Островский с его книгой «Как закалялась сталь». А новая религия всегда сурово расправляется с предшественниками, безжалостно разрушая святыни былого культа. Конечно, с точки зрения христианина, рабочий клуб или ремонтный цех в помещении храма – святотатство. А храм на месте разрушенного языческого капища? А мечеть вместо Софии? И вот еще. Отчего это вдруг нетленный Ленин оказался в мавзолее у стен Кремля? В христианском сознании нетленность тела – признак святости и богоугодности усопшего. А нетленность вождя – результат всепобедившей науки, и значит, человеческого разума. Как выяснилось, мнимого всепобедившего. Вот и пусть Ильич лежит там как напоминание о торжестве и крахе коммунистической веры, пытавшейся противостоять христианству. Это история. Артефакт. Не стоит уподобляться Емельке Ярославскому, призывая выбросить из мавзолея «консервы». Это не «консервы», а «материалистические мощи». Большая разница!

Кроме того, нельзя забывать, что в имперской России Православие было главной конфессией, и покончить с ним, как с опорой свергнутого режима, мечтали многие. Не только атеисты и безбожники, которых до революции было гораздо больше, нежели теперь принято думать. Я где-то прочитал, что Бухарин, вероятно, в молодости был сатанистом. Очень может быть: нравы Серебряного века к этому располагали. Мстили Православию староверы (могучая сила!) и сектанты, пострадавшие в былые времена. Адепты инославия и чужеславия, в том числе и тайные, с партбилетами, тоже дождались своего часа. Но Православие, думаю, прежде всего пострадало как влиятельная политическая сила, способная идейно возглавить реставрацию. Атеистический, богоборческий угар новой власти тут был явно на втором месте. Иначе

как объяснить, что репрессии против раввинов, мулл и ксендзов не идут ни в какое сравнение с размахом террора против православных священников? И тот факт, что об авторитете Церкви власти вспомнили, когда Гитлер почти торжествовал победу, лишь подтверждает мои соображения. Кстати, нынешний союз государства и Церкви очевидно вызывает ревнивые чувства многих влиятельных сил российского общества. Это часто прорывается в СМИ и чем закончится – неизвестно... А функционеры, держащие свечку в руках, как вилку с соленым огурчиком, только подливают масло в огонь.

Религиозное чувство, уверен, надо воспитывать с детства. Человек моего поколения, советский человек, идет к вере трудными, порой замысловатыми путями и часто не доходит. Это – особая, больная для меня тема. Может быть, я когда-нибудь напишу об этом роман.

Беседовала Ольга БРУШЛИНСКАЯ «Наука и религия», декабрь 2007 г.

2008

«Оргия не может длиться всю жизнь!»
Реплика в дискуссии о сексуальной революции

Конечно, на проблему можно взглянуть и так: кому какое дело, каким образом человек добывает свои оргазмы? Кому какое дело, каких партнеров он для этого выбирает? Или вообще обходится без партнеров, и ему хватает любимого порносайта. В конце концов, общеизвестно, что следом за римскими легионами, выступившими в поход, гнали стада юных козочек. Нет, не в переносном смысле, а самых настоящих парнокопытных с рожками. Так сказать, для релакса бойцов. Смешно? Да не очень: Рим накануне своего падения представлял собой огромный лупанарий (бордель) и удручал абсолютным преобладанием разноцветных мигрантов над коренным населением. А римские цезари помирали от болезней, симптомы которых подозрительно напоминали признаки безнадежно запущенных венерических инфекций.

Вот почему, едва окрепнув, христианство так строго стало преследовать любые половые извращения и излишества. Даже, наверное, слишком строго. Но это была реакция на половой беспредел язычников. Впрочем, точно так же поступали и поступают другие мировые религии, вобравшие в себя многотысячелетний опыт человечества. Ведь оно (не существо с бюстом и членом, а человечество) не в первый раз встает перед ситуацией, когда сексуальная функция, данная нам для продолжения потомства, рискует превратиться в механизм ликвидации рода человеческого. А для начала – ликвидации белой расы, переживающей сейчас спад биологической, а значит, и исторической активности. «Темные» расы, условно говоря, ныне, наоборот, переживают пассионарный взрыв.

Любой думающий человек задается вопросами: «Куда мы идем? И что делать?» Возможно, мы двинемся к цивилизации, где секс будет превращен не более чем в развлечение, а воспроизводство населения станут осуществлять за счет, допустим, клонирования. Ой ли? Как известно, даже удаление гланд серьезно влияет на функции организма. А что повлечет за собой глобально-сексуальная переориентация человечества? Верующий человек тут же вам ответит: конец света. Я, как сочувствующий, предположу: непредсказуемые изменения в социальном и биологическом аспектах. Но нужна ли будет эта «опущенная» цивилизация той сложнейшей космогонической структуре, крошечной частью которой является людской род? Могут ведь и списать за ненадобностью. А тут как раз что-то цунами расплескались, да в целом климат расподличался! К чему бы это?

Впрочем, надежда умирает долго... Ведь, посудите сами, оргия не может длиться всю жизнь. Захочется отдыха. И придется искать себе норму, покупать натуральную любовь за огромные деньги. Ведь все вокруг скоро будут оснащены противоестественными секс-причинами, как дешевые «Жигули» бумеровскими финтифлюшками. Спрос рождает предложение. Возникнет сначала тайный бизнес по организации естественных межполовых отношений, потом, возмужав, он выйдет из подполья. Шоком для всех станет тот факт, что мэром Нью-Йорка впервые за многие годы станет натурал. А там уж пойдет-поедет – вперед к Адаму с Евой...

И последнее. Конечно, оргазм, как и огонь, добывается трением. Но даже первобытные люди понимали, что тереть друг о дружку надобно деревяшки, а если тереть, например, бананы, ничего не получится. Стоило ли нам проходить путь от каменного топора до виагры, чтобы забыть простые истины...

*«Комсомольская правда»,
17–24 января 2008 г.*

Мухлеж в эфире

В 2001 году, когда я стал редактором «Литературной газеты», мы сделали полосу о телевидении, где внимательно отслеживали выступления против общественной морали, показывая абсолютно неадекватное отражение реального культурного процесса на нашем телевидении.

Более того, мы опубликовали цикл материалов наших собственных корреспондентов, в которых рассказывалось, как организован общественный контроль на телеканалах во всех ведущих странах мира: в Америке, во Франции, в Германии, в Японии, в мусульманском мире. Механизм таков: чаще всего – это общественный совет, который замыкается либо на президента, либо на законодательную, либо на духовную власть.

Интересно, когда возник кризис с НТВ и происходила смена руководства, тогда либерально ориентированные журналисты стали выступать по ТВ с требованием создать такой совет, чтобы защитить НТВ от власти. На бумаге ручные советы тогда кое-где были созданы. Я обратился с письмами ко всем руководителям каналов с просьбой прислать нам списки этих советов, с тем чтобы их опубликовать в «Литературной газете». Никто мне не ответил. Видимо, эти фамилии стыдно предъявить обществу. Они засекречены, как списки резидентов.

На одном из заседаний Совета по правам человека при Президенте я вручил подборку наших публикаций о телевидении В.В. Путину. Я сказал, что сейчас много говорится о правах сексуальных меньшинств, о правах людей, вступивших в политический конфликт с властью и т. д., но ведь права людей, которые смотрят телевизор, – это тоже права человека. Почему везде есть общественные советы на телевидении, а у нас нет? Меня активно поддержали другие члены совета: Виталий Третьяков, Владимир Соловьев, политолог Сергей Марков. Разговор шел тогда о том, что во всем мире есть, а у нас нет такого органа, через который общество может повлиять на политику телевидения, его программы, сетки и т. д.

Чем может заниматься такой совет? Вот посмотрите, какой казус произошел недавно на передаче «Ничего личного». Структура передачи такая: приглашаются сторонники традиционного взгляда на вещи и их противники. Тема в тот раз была заявлена следующая: «Может ли искусство портить нравы». По итогам электронного голосования мы проиграли, хотя в ходе дискуссии зал был на нашей стороне, наши аргументы были гораздо более убедительны. Тогда я попросил зал проголосовать руками. И выяснилось, что большинство поддерживает нас. А на экране результаты были противоположные – большинство было за радикалов. Это был самый настоящий мухлеж. Я об этом написал в «Литературной газете». Но если бы у нас был общественный совет, то такие вещи, как эта – явная манипуляция – не прошли бы.

По моей информации в администрации президента пришли к выводу, что такие общественные советы надо создавать. И вроде бы сейчас готовится создание пробного общественного совета, но для начала не при центральных каналах. Власть понимает, что с таким телевидением нормальную молодежь не воспитаешь. Я думаю, что мы в своем порыве не так одиноки.

*Из выступления на заседании Клуба православных журналистов
30 января 2008 г.*

На ярмарку и с ярмарки

– *Вы постоянный участник Лейпцигской, Франкфуртской выставок... С чем это связано? Участвуете ли вы в выставках других стран?*

– Я стараюсь бывать на книжных ярмарках в разных странах. Только за последние год-два летал с этой целью в Индию, Китай, Швейцарию, на Тайвань... Но Лейпцигская ярмарка, была самой первой, на которую мне довелось попасть. И если есть такая возможность, я стараюсь приезжать в Лейпциг и Франкфурт. Тем более что меня теперь стали переводить в Германии. Перевод моей повести «ЧП районного масштаба» был запланирован в издательстве «Фольк унд Вельт» в восемьдесят шестом году, но в последний момент запрещен гэдээровским начальством. Потом была пауза почти в четверть века. И это притом, что мои книги в России расходятся огромными тиражами, почти все они экранизированы. Не знаю, в чем дело. Вероятно, я слишком часто в публицистике и в публичных выступлениях употребляю слово «патриотизм». На Западе любят своих патриотов, а наших патриотов не любят. Но ведь патриотизм, по моему убеждению, всего лишь – порядочное отношение к своей родине, абсолютно не противоречащее тому свободомыслию, без которого невозможно творчество. Кстати, в семьдесят шестом – семьдесят седьмом я служил солдатом в Германии, в артиллерийском полку, расположенном в Олимпишесдорфе, недалеко от Берлина. Действие моей повести «Сто дней до приказа» разворачиваются именно там. Теперь в моей бывшей части Музей советской оккупации... А какой, к черту, я оккупант?

– *На Лейпцигской выставке-2008 вы представляете два новых проекта Литературной газеты – Детское чтение и Семейное чтение. Расскажите о них.*

– Проблема детского чтения существует сейчас во всем мире. На мой взгляд, к чтению, как и к первичным общечеловеческим ценностям, ребенка должны приобщать именно в семье. «ЛГ» выпускает два специальных ежемесячных приложения на эту тему, пользующихся популярностью. Кстати, осенью прошлого года по инициативе супруги нашего тогдашнего президента Людмилы Путиной в Кремле проходила научно-практическая конференция, посвященная подростковому чтению. Вероятно, учитывая заслуги «ЛГ» в этой сфере, Людмила Александровна попросила меня председательствовать на этой конференции, что я и сделал с большим удовольствием.

– *Как вы оцениваете итоги действия Программы мероприятий Московского правительства по развитию детского чтения?*

– Мне кажется, промежуточные итоги осуществления программы Московского правительства по развитию детского чтения весьма ощутимы. Только «ЛГ» с помощью столичной власти организовала праздники детской книги более чем в пятнадцати районах Москвы, на которых выступили десятки известных литераторов, пишущих для детей и юношества. Были подарены детям тысячи книг. Стали выходить специальные журналы, популяризирующие чтение. Серьезнее стал подход к комплектации детских библиотек. Но это, как я сказал, лишь промежуточный итог, ибо программа эта постоянно действующая.

– *Существует ли в России аналогичная национальная программа?*

– Да, существует, но пока ее развертывание не столь успешно, как в Москве. Хотя есть губернии, где стараниями местных подвижников проводятся интереснейшие мероприятия и выходят замечательные детские книги.

– *Есть практика обмена опытом у России с Германией в вопросах развития детского чтения, воспитания интереса к книге среди молодежи? Или с другими странами?*

– Конечно, есть. И специализированная выставка на Лейпцигской ярмарке – тому подтверждение. На недавней ярмарке в Дели этой теме были посвящены интереснейшие круглые столы, вылившиеся в креативные дискуссии.

– *Какие общие темы для разговора вы видите в общении с представителями книжной отрасли Европы – издателями, книготорговцами, библиотеками, авторами?*

– Мне кажется, очень важный вопрос: адекватность представлений русского читателя о современном литературном процессе в Германии. И наоборот, адекватность представлений немецкого читателя о том, что считается хорошей литературой в России. По-моему, немецкие издатели зачастую вводятся в заблуждение своими консультантами и переводят книги, которые в России или вообще не пользуются успехом, или пользуются успехом сомнительным... Из тех книг, которые переведены на немецкий, почти невозможно узнать, что же на самом деле произошло и происходит с Россией и русскими. Увы, за редким исключением это так. Боюсь, и в отношении современной немецкой литературы наши издатели совершают подобную ошибку. Я не специалист, но именно такой точки зрения придерживается крупнейший современный российский германист Ю. Архипов...

– *В Европе развита практика встреч авторов с читателями, которые проходят в книжных магазинах, библиотеках, университетах. Проводите ли вы такие встречи в Германии?*

– Чаще я встречаюсь со своими читателями в России, но и в Германии были встречи. Надеюсь, они продолжатся. Особенно мне интересна университетская аудитория, ибо многие немецкие русисты абсолютно дезориентированы в том, что сейчас является мейнстримом русской литературы. Они всерьез изучают давно забытые реликты, в сущности, не состоявшегося российского постмодернизма, а также принимают наших литературных проходимцев за литературных первопроходцев. Хотелось бы их переубедить.

– *Какие ваши новые книги ожидают выхода? Над чем вы работаете?*

– Я заканчиваю новый роман «Гипсовый трубач», который в известной степени является возвращением на новом витке к поэтике моего романа «Козленок в молоке». «Козленок» выдержал в России двадцать семь изданий и переведен на многие языки, инсценирован и экранизирован. Кроме того, московский театр имени Маяковского принял к постановке мою новую пьесу «Одноклассница» (в ряде театров она идет под названием «Одноклассники». – Прим. ред.). Только в Москве идет шесть спектаклей, поставленных по моим пьесам. Это будет седьмой. По России, в СНГ и кое-где в мире мои пьесы идут в десятках театров. Это – острые комедии, и они вопреки утверждениям критиков, что современный театр стал камерным, собирают тысячные залы... Началась работа над экранизацией моего романа «Грибной царь». В Сербии по мотивам моей повести «Небо падших» снимается сериал...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.